

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

7

1966

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Учинчи йил нашри

7
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР К. Н. БЕДРИНЦЕВ (*зам. редактора*), член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор филол. наук Г. А. АБДУРАХМАНОВ, доктор экон. наук А. М. АМИНОВ, доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд. ист. наук М. А. АХУНОВА, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН, канд. филос. наук М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Редактор *П. М. Крутов*, *А. Н. Неволлина*
Технический редактор *Р. Рузиева*

Р00800. Сдано в набор 15/VI-66 г. Подписано к печати 15/VII-66 г. Формат 70×108^{1/16}—2,5 бум. л.
—6,85 печ. л. Уч.-изд. л. 7,2. Изд. № 1841. Тираж 1422. Цена 40 к.

Типография Изд-ва „Фан“ УзССР, г. Ташкент, ул. Л. Б. Шастри, 21. Заказ № 206.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

К. Х. ХАНАЗАРОВ, А. Х. ХАЙИТМЕТОВ Г. А. АБДУРАХМАНОВ

ЗА ДАЛЬНЕЙШИЕ УСПЕХИ УЗБЕКСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXIII съезд КПСС, определяя очередные задачи партии и народа, подчеркнул огромную роль науки, в том числе общественных наук, в строительстве коммунизма. При этом съезд исходил из того положения, что общественные науки в социалистическом обществе выполняют триединую задачу. Во-первых, они обосновывают историческую неизбежность возникновения и развития социалистического общества и победы коммунизма; во-вторых, руководствуясь открытыми марксизмом-ленинизмом законами общественного развития и опираясь на конкретные условия и опыт строительства социализма и коммунизма в нашей стране, они освещают пути дальнейшего развития общества и, в-третьих, всесторонне изучая историческое прошлое человечества, историю классовой борьбы, развития производительных сил и производственных отношений, общественные науки дают убедительное подтверждение правильности марксистского понимания объективных законов общественного развития, обогащают исторический материализм.

Именно к этой общей цели направлены усилия всех общественных наук, но каждая из них имеет свой конкретный предмет исследования, свои задачи и свою специфику.

Важной отраслью общественных наук является филология. За последние годы филологи нашей республики добились новых успехов в изучении актуальных проблем языкознания и литературоведения и, прежде всего, в исследовании узбекского языка и литературы.

Большую работу в этой области ведет коллектив Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР — главного научно-исследовательского учреждения республики по разработке проблем узбекской филологии. В Институте сосредоточен квалифицированный отряд ученых, насчитывающий свыше 280 сотрудников, в том числе 1 академик, 9 докторов и 86 кандидатов наук, работающих в восьми языковедческих и семи литературоведческих секторах.

Только за 1962—1965 гг. коллективом Института опубликовано научных трудов общим объемом свыше 1400 печ. л. Среди них заслуживают внимания прежде всего «Очерки узбекской советской литературы», монографии «Поэт и современность» и «Проза Гафура Гуляма» С. Мамаджанова, «Поэтическое мастерство Х. Алимджана» Н. Каримова, «Формирование героя» М. Султановой и Н. Владимировой, «Традиция и новаторство в узбекской советской поэзии» М. Юнусова, «Узбекская поэзия I-й половины XV века» Э. Рустамова, «Творческий метод Навои» А. Хайитметова, «Советский сатирический роман» А. Вулуса, коллективный труд «Очерки истории русской литературы в Узбекистане», «Сатира в узбекской демократической литературе»

А. Абдугафурова, «Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры» Ш. Шаабдурахманова, «Фонетика хорезмских говоров» Ф. Абдуллаева, «Андижанский говор узбекского языка» С. И. Ибрагимова, «Историческая морфология узбекского языка» Э. Фазылова, «Из истории художественного перевода» Дж. Шарипова, третий том «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского, «Сложные, парные слова и слова-повторы в узбекском языке» А. Хаджиева, очередные тома сборника «Узбекского языкознания и литературоведения», «Толковый словарь русско-интернациональных заимствований» и др.

За последние годы в Институте созданы новые секторы, которые призваны разрабатывать важные проблемы узбекской филологии, — секторы теории литературы и литературной критики, литературных связей, терминологии и теории перевода, культуры речи.

Определяя свои задачи на основе решений XXIII съезда КПСС, коллектив Института концентрирует свое внимание на изучении кардинальных проблем, создании крупных исследований, разработка которых под силу лишь объединенным усилиям ученых. Такая организация научно-исследовательской работы позволяет преодолевать дублирование, мелкотемье и распыление научных сил. Это тем более важно, что у нас еще не до конца преодолена измельченность научной тематики, привычка отдельных сотрудников не выходить за рамки излюбленных «уголков» исследований, что ведет к отрыву научной работы от решения проблем, выдвигаемых самой жизнью, потребностями дальнейшего развития филологической науки в Узбекистане.

Некоторые руководители секторов пытаются вести борьбу с мелкотемьем, искусственно связывая разрозненные темы общей «проблемной шапкой». Но это — не решение проблемы, а лишь видимость его.

Действительное решение больших проблем, создание крупных трудов по кардинальным научным направлениям невозможно без целеустремленных усилий коллектива и дальнейшего повышения требовательности к исполнителям — научным сотрудникам. А для этого необходимо всемерное улучшение научно-организационной работы. Нам прежде всего надо добиться того, чтобы переаттестации и конкурсы проводились регулярно, как это записано в уставе НИИ и Академии наук, и чтобы они стали действенным средством выдвижения лучших научных сотрудников. Только при этом условии коллектив сможет освободиться от тех, кто не способен обогащать науку новыми исследованиями. К сожалению, в нашем Институте до сих пор не налажена работа по проведению конкурсов и переаттестации. Она ведется без должной подготовки, иногда наспех, с нарушением соответствующих инструкций, что умаляет ее роль в укреплении научных сил Института.

Научная деятельность Института будет отвечать требованиям партии и народа только в том случае, если мы будем непрестанно работать над повышением теоретического уровня исследований. Не секрет, что многие наши работы страдают фактологией и описательством. Авторы отдельных монографий увлекаются сбором и систематизацией фактов без достаточно глубокого теоретического их осмысления и обобщения. Качество научного исследования определяется прежде всего его идейно-теоретическим уровнем. Именно через теорию наука обретает силу прожектора, освещающего путь вперед, направление дальнейшего развития той или иной области знаний или человеческой деятельности.

За последние годы наш Институт предпринял ряд шагов для повышения теоретического уровня публикаций. В частности, налажено обсуждение и рецензирование рукописей перед сдачей их в печать,

улучшена подготовка кадров через аспирантуру и т. д. Однако нам предстоит еще проделать большую работу в этом направлении. Мы должны полностью преодолеть фактологию и описательство в исследованиях и добиться создания глубоких теоретических работ.

В узбекском языкознании до сих пор не создана академическая грамматика узбекского языка и нет фундаментальных теоретических работ о современном узбекском языке. Хотя в Институте и вне его десятки квалифицированных специалистов исследуют современный узбекский язык, этот вопрос пока не получил должного освещения.

В настоящее время сделаны некоторые шаги к созданию академической грамматики узбекского языка. Ученый совет Института, обсудив ход подготовительных работ, определил цель, задачи, объем и ориентировочные сроки завершения исследования. Для более широкого развертывания этой работы надо улучшить ее организацию, вовлечь в нее ведущих лингвистов республики, и в этом деле большое значение для нас имеет помощь Отделения общественных наук и Президиума АН УзССР.

Узбекская литература имеет богатейшее наследие. Наши литературоведы выявили много замечательных литературных памятников прошлого, сделали их достоянием нынешнего поколения. Однако нам предстоит еще проделать большую работу по изысканию, изучению и изданию лучших произведений узбекской литературы дооктябрьского периода и созданию ее систематизированной многоотомной истории. В настоящее время коллектив сектора узбекской дооктябрьской литературы развертывает свою работу и для успешного завершения ее нужна повседневная поддержка Отделения общественных наук и Президиума АН УзССР.

Одна из слабо развитых областей узбекского языкознания — вопросы культуры речи. За последние пять-шесть лет в республике появилось лишь несколько журнальных и газетных статей, посвященных преимущественно частным вопросам культуры речи. Отсутствие глубокой научно-теоретической разработки их отрицательно сказывается на общем уровне культуры узбекской речи. Сравнительно недавно в нашем Институте был организован сектор культуры речи, но имеющихся в его распоряжении сил явно недостаточно для решения поставленных перед ним задач. Уже сейчас надо начать работу по выращиванию и воспитанию кадров специалистов по культуре речи и приступить к подготовке обстоятельных монографий, научно-популярных брошюр, статей и очерков по данной проблеме.

Исключительно важное значение имеет проблема перевода. Ни одна страна в мире не знает такого размаха переводческого дела, как Советский Союз. Народы нашей многонациональной Родины с помощью переводов знакомятся с лучшими образцами литератур других народов и выносят на союзную и мировую арену свою литературу. Но переводческая практика, как известно, крайне нуждается в теоретическом осмыслении и освещении. Между тем, в нашей республике до сих пор не было научного центра по проблемам теории перевода. В настоящее время в Институте в составе сектора терминологии создана группа, которую предполагается в дальнейшем преобразовать в самостоятельный сектор теории перевода. Надо серьезно заняться подготовкой кадров специалистов в этой области с тем, чтобы уже в ближайшие годы приступить к решению узловых вопросов теории перевода.

Бурное развитие различных отраслей науки и техники неизбежно приводит к вторжению их в область языкознания. В определенном

отношении они идут друг другу навстречу. В технике создаются все более совершенные машины и аппараты, воспринимающие человеческую речь и действующие по устному указанию человека, а в языкознании на основе технических средств определяется характеристика человеческой речи в зависимости от ее функциональной нагрузки и т. д. Важное значение в изучении узбекского языка в свете этих взаимосвязей имеют эксперименты, которые должен проводить специальный сектор Института. Но за несколько лет своего существования он никак еще не может выйти на дорогу практической исследовательской работы. Лаборатория его оснащена недостаточно, нет многих машин и механизмов, не хватает квалифицированных кадров. В ближайшем будущем Институт намерен послать группу научных сотрудников сектора на стажировку в центральные города страны с тем, чтобы они прошли соответствующую подготовку под руководством лучших специалистов.

Большие задачи стоят и перед другими секторами Института. Нам необходимо серьезно заняться очерками узбекского фольклора, подготовкой толкового словаря узбекского языка, решить в ближайшее время вопрос о работе над словарем Узбекской советской энциклопедии, определить дальнейшее направление в деятельности сектора диалектологии и помочь ему в устранении имеющихся недостатков, улучшении подготовки специалистов по проблемам взаимосвязи и взаимовлияния узбекской литературы с другими литературами народов СССР.

Обширной областью исследований является также взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР и, прежде всего, влияние русского языка на грамматику, лексику и культуру речи нерусских народов.

Учитывая огромную роль советской литературы в коммунистическом воспитании масс, наши литературоведы должны всемерно укреплять творческие связи с деятелями литературы и искусства, содействовать развитию всех жанров литературы, бороться за чистоту ленинских принципов идейности, партийности, народности советской литературы.

Почетным и ответственным долгом наших филологов является активное участие их в подготовке к достойной встрече знаменательных дат — 50-летия Великого Октября и 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, которые мы должны отметить новыми успехами в исследовательской работе, подготовкой и изданием капитальных монографий по актуальным проблемам языкознания и литературоведения.

Таким образом, нам предстоит еще решить много больших и сложных проблем в области языкознания и литературоведения и на основе координации и концентрации научных сил, повышения их творческой активности и идейно-теоретического уровня обеспечить дальнейший подъем филологической науки в республике в свете растущих требований партии и народа к этой важной отрасли общественных наук.

К. Н. ПОПАДЮК

О СООТНОШЕНИИ СОЗДАННОГО И РЕАЛИЗОВАННОГО ДОХОДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ УЗБЕКИСТАНА*

Ценообразование служит одним из важных инструментов в решении экономических задач коммунистического строительства. Наряду с функцией цены как меры стоимости, широко используются ее функции как средства стимулирования производства и пропорционального распределения национального дохода. Однако недостаточная экономическая обоснованность при определении уровней цен в прошлом была одной из причин образования существенных различий в уровнях цен на продукцию, относящуюся к разным подразделениям и отраслям. Так, по данным межотраслевого баланса общественного продукта СССР за 1959 г., норма продукта для общества в отраслях II подразделения составила 136% против 63% в отраслях I подразделения¹.

Еще более значительны различия в уровнях цен между отраслями промышленности, а также между промышленностью и сельским хозяйством. Например, при норме продукта для общества в сельском хозяйстве 19% и в тяжелой промышленности 73% в легкой и пищевой она составила 675%².

При наличии существенных отклонений цен от стоимости продукции искажается действительная роль отраслей народного хозяйства или отдельных республик в создании национального дохода. В связи с этим появилась своеобразная проблема определения национального дохода и общественного продукта по месту их создания. Решение ее позволило бы определить количественную роль цены в распределительных процессах в социалистической экономике, значение отраслей, подразделений, секторов, отдельных районов и республик в создании национального дохода.

Отклонение цен от стоимости приводит к тому, что величина созданного по отраслям дохода отличается от величины реализованного дохода. В отраслях, где цена выше стоимости, реализованный доход больше фактически созданного, и наоборот. Через отклонение цен от стоимости происходит перераспределение национального дохода.

Количественный анализ перераспределительных отношений требует прежде всего определения величины созданного на месте дохода. Сопоставление его с реализованным доходом покажет масштабы перераспределения национального дохода через цены.

Здесь мы попытаемся определить соотношение созданного и реализованного дохода в важнейших отраслях и категориях хозяйств сельско-

* В порядке обсуждения.

¹ М. Эйдельман, Межотраслевой баланс общественного продукта, М., 1966, стр. 276.

² В. Белкин, Цены единого уровня и экономические измерения на их основе, М., 1963, стр. 223, 262.

хозяйственного производства Узбекистана. Такие расчеты важны и для определения вклада тружеников совхозов и колхозов в общегосударственный фонд чистого дохода.

Решение этой задачи связано с рядом принципиальных и дискуссионных вопросов, и среди них вопроса о возможности и методах исчисления стоимости, в том числе вновь создаваемой стоимости, в социалистическом обществе вообще и в территориальном разрезе в частности.

Общественно необходимые затраты труда могут выражаться в единицах рабочего времени и в стоимостной форме. При наличии развитых товарно-денежных отношений они неизбежно выражаются в стоимостной форме.

Стоимость имеет качественную и количественную сторону. Это — форма экономических отношений людей. Ее величину определяют общественно необходимые затраты труда, которые выражаются через деньги как воплощение абстрактного труда. Здесь уместно напомнить, что Энгельс не отрицал возможности исчисления стоимости даже отдельного товара, не говоря уже об общественном продукте или национальном доходе. Однако, отмечал он, «вычислить ее в продукте современной промышленности — дело не легкое»³. К. Маркс также указывал, что, «исчисляя меновую стоимость товара, мы должны к количеству труда, употребленного в *последней* стадии производства, прибавить количество труда, *предварительно* вложенного в сырье товара, и труд, затраченный на оборудование, инструменты, машины и здания, необходимые для осуществления *труда*»⁴.

Важно отметить, что исчисление национального дохода по месту его создания не обязательно связано с исчислением всей стоимости продукции отрасли. Речь идет об определении только вновь созданной живым трудом стоимости, которая при первичном распределении распадается на фонд оплаты труда и продукт для общества. В переоценке затрат прошлого труда нет необходимости. Существующая практика определения величины национального дохода фактически есть исчисление вновь создаваемой стоимости в действующих ценах.

Определение величины национального дохода по месту его создания возможно двумя путями: 1) по затратам живого труда непосредственно в рабочем времени с учетом его редукации и 2) по фонду оплаты труда, в котором труд уже редуцирован и дана его общественная оценка.

Более правилен и научно обоснован второй путь, ибо в фонде оплаты живой труд уже редуцирован, в нем учтено количество и качество труда. Фонд оплаты находится в прямой зависимости от вновь создаваемой стоимости. Такую связь применительно к капитализму не раз отмечал К. Маркс. Он указывал, что прямая пропорциональная связь между вновь создаваемой стоимостью и затратами на переменный капитал является другим выражением закона определения массы производимой прибавочной стоимости, ее нормой и величиной переменного капитала⁵. Он отмечал также, что «различия... в высоте заработной платы, покояты главным образом на... различии между простым и сложным трудом...»⁶. И нет оснований отрицать такую связь между новой стоимостью и трудом для себя в условиях социализма, где труд оплачивается в соответствии с его количеством и качеством. Это пред-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 18, стр. 216.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1949, стр. 378—379.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, М., Госполитиздат, 1955, стр. 312.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 148.

полагает, что в определенный период в той или иной отрасли каждый работник создает новую стоимость пропорционально продукту для себя, т. е. отношение вновь созданной стоимости к фонду оплаты труда, а также норма продукта для общества будут одинаковы. Особенно справедливо это для современного периода, когда уже осуществлены крупные мероприятия по упорядочению оплаты труда в производстве.

В реальной действительности по отраслям нет строго пропорциональной связи между продуктом для себя и вновь создаваемой стоимостью. В фонде оплаты труда, кроме количества и качества труда, отражается и политика стимулирования отдельных видов производства и производства в отдельных районах. Особенно значительны колебания в уровне оплаты труда колхозников в зависимости от специализации сельскохозяйственного производства. Поэтому исчисление созданного национального дохода в разрезе отраслей и подразделений по фонду оплаты труда будет в известной мере приближенным. И все же такой метод исчисления дает наиболее достоверные результаты. Однако этим не отрицается необходимость его совершенствования.

В целях совершенствования данного метода некоторые экономисты предлагают применять к фактическому фонду оплаты разные нормы продукта для общества в зависимости от уровня производительности труда⁷ или применять разные нормы для государственного и колхозного секторов⁸.

Однако это противоречило бы известному указанию К. Маркса, что в разрезе отраслей «один и тот же труд создает одинаковую новую стоимость (при прочих равных условиях) независимо от уровня производительности труда»⁹.

Определение национального дохода по месту производства связано с трудностями исчисления стоимостной нормы продукта для общества, которая отличается от нормы в действующих ценах. При ее определении исходными служат действующие цены. Они характеризуются наличием разных уровней цен и прежде всего по подразделениям общественного производства. Задача состоит в том, чтобы выразить национальный доход в ценах единого уровня. При этом мы руководствуемся замечанием К. Маркса, что при простом воспроизводстве весь труд, содержащийся в продуктах II подразделения, равен вновь присоединенному за год труду¹⁰. Отсюда следует, что при расширенном воспроизводстве вновь присоединенный труд равен сумме труда, содержащегося в продуктах II подразделения и средствах производства, идущих на расширение производства.

Оценка вновь присоединенного труда в текущих ценах (национальный доход) равна сумме цен на предметы потребления и той части средств производства, которая составляет фонд накопления (последняя часть, как известно, выражена в заниженных ценах). Для определения национального дохода в ценах единого уровня нужно найти разницу между оценкой фонда накопления в средствах производства в действу-

⁷ С. Ситарян, Конкретнее разрабатывать проблемы национального дохода, Коммунист, 1961, № 6, стр. 116—117.

⁸ М. Бор, Проблемы исчисления стоимости общественного продукта, Вопросы экономики, 1958, № 8, стр. 138.

⁹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 53. Здесь уместно напомнить высказывание К. Маркса, что в социалистическом обществе рабочие разных отраслей за одно и то же время будут создавать равные количества новой стоимости (См. «Капитал», т. III, стр. 183).

¹⁰ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, М., Госполитиздат, 1955, стр. 217.

ющих ценах и в ценах единого уровня, а затем найти стоимостную норму продукта для общества.

Имеющиеся данные позволяют осуществить такие расчеты. По нашим подсчетам, национальный доход страны в 1964 г. в ценах стоимостного уровня был больше, чем в текущих ценах, на 4,9%.

По фонду оплаты труда и стоимостной норме продукта для общества находим созданный национальный доход в республике в целом и в разрезе крупных отраслей материального производства. Он равен сумме фонда оплаты труда и произведения этого фонда на стоимостную норму продукта для общества.

Надо сказать, что методику исчисления созданного национального дохода в разрезе отраслей, подразделений и союзных республик нельзя механически применять к исчислению созданного дохода по социальным секторам или отдельным предприятиям внутри отрасли ввиду различного влияния производительности труда. Если в разрезе отраслей производительность труда не влияет на величину вновь создаваемой стоимости, то внутри отрасли по разным предприятиям один и тот же труд создает разные суммы новой стоимости в зависимости от уровня производительности труда. Отмечая эту сторону, К. Маркс писал: «Труд исключительно высокой производительной силы функционирует как умноженный труд, т. е. создает в равные промежутки времени стоимость большей величины, чем средний общественный труд того же рода»¹¹.

Для определения созданной чистой продукции на предприятии или в категории хозяйств надо стоимостной показатель производства чистой продукции в расчете на единицу затрат живого труда данной отрасли умножить на отработанное время и коэффициент соотношения производительности труда на предприятии или в секторе с его уровнем по отрасли. Величину же созданного продукта для общества можно получить путем вычета фонда оплаты труда по предприятию из созданного дохода. По такой методике и определено соотношение созданного и реализованного дохода в сельском хозяйстве республики, которое в наиболее общем виде представлено в табл. 1 (по данным 1964 г.)¹².

Таблица 1

Показатель	Сумма	В % к соответствующим показателям по УзССР
Реализованный в действующих ценах доход сельского хозяйства, млн. руб.	1806,3	35,7
Созданный в сельском хозяйстве доход, млн. руб.	2865,0	56,6
Затраты труда в сельском хозяйстве (среднегодовые работники, включая и личное хозяйство), тыс. человек	1945,2	65,3

Созданный в сельском хозяйстве республики доход в 1,6 раза больше его величины, исчисленной в действующих ценах. Доля сельского хозяйства в национальном доходе занижается. Более низкая доля сельского хозяйства в создании национального дохода, по сравнению с его долей в трудовых затратах республики (65,3%)¹³, вызвана различиями

¹¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 324.

¹² Составлена по данным статистического сборника: «Народное хозяйство СССР в 1964 г.», М., 1965, стр. 575, 576; «Коммунист Узбекистана», 1965, № 7, стр. 43.

¹³ Доля работников сельского хозяйства во всей численности работающих (включая и нематериальную сферу) в УзССР составляла в 1964 г. 49,1%.

в качестве и тяжести труда, выражающимися в его оплате. Известно, что в промышленности или строительстве труд более квалифицированный и сложный. Но это не меняет общего вывода, что основная часть национального дохода республики создается пока в сельском хозяйстве. Это свидетельствует о высоком уровне развития сельского хозяйства Узбекистана и важном месте его в общесоюзном разделении труда.

В расчетах создаваемого национального дохода по отраслям отдельные экономисты, учитывая более низкий уровень производительности труда в сельском хозяйстве, применяют к нему норму продукта в два раза меньшую, чем к другим отраслям¹⁴. При этом упускается из виду

Т а б л и ц а 2

Категория хозяйств	Товарность продукции, %	Чистая продукция, при- ходящаяся на товарную часть, млн. руб.		Разница между товарной частью чистой продукции в действующих ценах и в ценах стоимостного уровня	
		в действую- щих ценах	в ценах стои- мостного уров- ня	млн. руб.	в % ко всей чистой про- дукции
Государственные предпри- ятия	89,6	258,4	629,7	-361,3	-50,8
в том числе:					
растениеводство	88,5	258,4	421,0	-162,6	-34,0
животноводство	92,3	0,0	208,7	-208,7	-90,0
Колхозы	96,6	1034,9	1594,0	-559,1	-33,0
в том числе:					
растениеводство	96,8	964,4	1238,9	-274,5	-21,3
животноводство	94,8	70,5	355,1	-284,6	-70,4
Подсобные хозяйства тру- дящихся	58,0	257,9	266,0	- 8,1	- 1,8
в том числе:					
растениеводство	65,3	115,0	90,5	+ 24,5	+17,7
животноводство	52,3	142,9	175,5	- 32,6	-10,1
Итого по сельскому хозяй- ству	86,9	1568,9	2489,7	-920,8	-32,2
в том числе:					
растениеводство	91,8	1341,2	1750,4	-409,2	-21,5
животноводство	72,1	227,7	739,3	-511,6	-53,4

тот факт, что более низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве нашел отражение в более низкой оплате труда. И если к этой оплате применять вдвое меньшую норму продукта для общества, то искусственно занижается действительная роль сельского хозяйства в производстве национального дохода.

Соотношение созданного и реализованного дохода еще не характеризует масштабов перераспределения через цены. Для такого анализа нужен показатель товарности продукции, ибо перераспределение через цены связано только с куплей-продажей.

Сельское хозяйство республики отличается высокой товарностью, достигавшей в 1964 г. 86,9%¹⁵. Из сопоставления дохода, созданного в

¹⁴ См. В. Белкин, Цены единого уровня и экономические измерения на их основе, стр. 228.

¹⁵ Показатели товарности сельского хозяйства республики в целом и отдельных категорий хозяйств определены по сводному балансу сельскохозяйственных продуктов, составляемому ЦСУ УзССР.

товарной продукции и реализованного в ценах, видно, что в действующих ценах на продукцию сельского хозяйства реализуется (включая и доход в натуральной части продукции) 77,8%, а 32,2% создаваемого дохода поступает (через отклонение цен ниже фактической стоимости) в другие отрасли, прежде всего в промышленность, и уже реализуется через другие виды цен. Это основная форма участия сельского хозяйства, как отрасли материального производства, в создании централизованного чистого дохода общества.

Соотношение аналогичных показателей по отраслям и категориям хозяйств в 1964 г. представлено данными табл. 2.

Для всех категорий хозяйств характерно, что производимый в них доход больше реализуемого. Соотношение этих величин по товарной части продукции отражает процесс перераспределения через цены национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве. Там, где текущие цены наиболее низкие, в них не реализуется большая часть создаваемого дохода. Так, по государственным хозяйствам этот показатель составляет 50,8%, в колхозах — 33% и в личных хозяйствах — 1,8%. Сравнительно малая доля нереализуемого через цены дохода в личных хозяйствах вызвана двумя факторами: относительно меньшим показателем товарности продукции и, главное, сравнительно высоким уровнем цен на реализуемую ими продукцию.

По соотношению реализованного и созданного дохода можно в известной степени судить о соотношении уровней цен на продукцию по категориям хозяйств. Наиболее высок он у личных хозяйств, а наиболее низок — у государственных предприятий. На продукцию колхозов цены (в целом) находятся на уровне, обеспечивающем возмещение всех производственных затрат, более высокую, чем в среднем по стране, оплату труда и расходы по расширенному воспроизводству.

Анализ этих же показателей в разрезе отраслей сельского хозяйства выявляет, что наиболее низкими остаются цены на продукцию животноводства. В общественных предприятиях они даже не возмещают всех затрат по себестоимости (в совхозах возмещаются только материальные затраты). Таким образом, создаваемый в животноводстве доход (по данным 1964 г.) не реализуется в ценах на животноводческую продукцию в совхозах на 90%, в колхозах — на 70,4% и в целом по республике — на 53,4%. В результате оплата труда в совхозах и частично в колхозах осуществляется за счет чистого дохода от растениеводства.

Низкие закупочные цены на продукцию животноводства в социалистических хозяйствах, а также заниженный уровень розничных цен на мясо¹⁶ привели к тому, что даже цены колхозного рынка на мясо оказались ниже стоимостного уровня. В результате личные хозяйства трудящихся при продаже мясопродуктов на рынке получили в 1964 г. на 32,6 млн. руб. меньше стоимостного уровня продукции.

Решение мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о новом существенном повышении цен на продукцию животноводства способствует ликвидации убыточности этой отрасли хозяйства.

Сравнительно высок уровень цен на продукцию растениеводства. В них реализуется основная часть создаваемой новой стоимости. В частности, в колхозах через них реализуется 78,7% ее объема, в государственных хозяйствах — 66,0% и в целом по отрасли — 78,5%. Личные хозяйства реализуют по растениеводству больше дохода, чем создается в нем, на 24,5 млн. руб.

¹⁶ Так, по расчетам ЦСУ СССР, расходы государства на производство и реализацию 1 т мяса крупного скота, овец, свиней и кроликов в среднем составляли по отношению к розничной цене в 1963 г. 123,7%.

Итак, применяемый метод определения величины вновь создаваемой стоимости позволяет установить (с учетом платежей в финансовую систему и выплат из нее) участие отдельных категорий хозяйств в образовании общегосударственных доходов. Из приведенных данных видно, что колхозы республики принимают участие в образовании общегосударственного фонда денежных ресурсов не только через платежи в финансовую систему, но и через действующие цены. Это важно подчеркнуть, ибо в литературе получило распространение противоположное мнение.

Попытка исчисления создаваемой стоимости в сельском хозяйстве колхозов, и прежде всего в хлопководстве, не является новой. Весь вопрос сводится к методологии таких исчислений.

Как известно, основу сельскохозяйственного производства колхозов республики составляет хлопководство, на долю которого приходится (1964 г.) 73,3% валовой продукции, 72,2% затрат живого труда в сельском хозяйстве (отработанные человеко-дни) и 77,7% валового дохода сельского хозяйства. Это означает, что в хлопководстве создается основная часть чистой продукции в ценах стоимостного уровня. Не принимая во внимание различия в качестве и тяжести труда по отраслям сельскохозяйственного производства, можно предположить, что создаваемая в хлопководстве доля новой стоимости не меньше (если не больше) его доли в трудовых затратах колхозов. Отсюда следует, что из создаваемой в сельском хозяйстве колхозов республики новой стоимости, равной 1693,8 млн. руб., 1222,9 млн. руб. приходится на хлопководство. Между тем чистая продукция хлопководства в действующих ценах составила в 1964 г. 832 млн. руб. и 390,9 млн. руб. поступило в общегосударственный фонд чистого дохода через цены.

Сумму создаваемого дохода в хлопководстве можно определить несколько иными, менее точными путями, перемножив величину новой стоимости, создаваемой одним годовым работником по сельскому хозяйству, на число среднегодовых работников в хлопководстве колхозов. Для 1964 г. эта величина равнялась 1031,1 млн. руб. (1475 руб. новой стоимости, созданной одним работником, умноженные на 699,1 тыс. среднегодовых работников в хлопководстве). Но этот показатель несколько занижен, так как он не учитывает различия в уровне производительности труда.

Вторым возможным путем подсчета величины создаваемой чистой продукции является применение к фонду оплаты труда в хлопководстве единого народнохозяйственного коэффициента связи оплаты труда и вновь создаваемой стоимости. По этим подсчетам, созданная в 1964 г. новая стоимость в хлопководстве составила 1050,3 млн. руб. ($2,012 \times 522,0$). Оценка по совхозным нормам оплаты труда дает почти такой же результат.

Нам представляется, что более правильным является исчисление создаваемой стоимости в хлопководстве по величине производимой новой стоимости в сельском хозяйстве колхозов в целом и доле хлопководства в его трудовых затратах. Такой метод исключает непосредственную зависимость создаваемой стоимости от колебания оплаты труда по отраслям. Об этом можно спорить, но бесспорно одно, что создаваемая новая стоимость в хлопководстве больше реализуемой и что, следовательно, узбекские хлопкоробы принимают участие в образовании общегосударственного фонда чистого дохода, наряду с платежами в форме подоходного налога с колхозов.

Между тем отдельные экономисты еще до повышения цен на хлопок-сырец (в среднем на 20%) в 1963 г. пришли к неправильному,

выводу, что колхозы Узбекистана через высокие цены на хлопок якобы получают больше прибавочного продукта, чем создают. Так, проф. И. Козодоев пишет, что 55% реализованного прибавочного продукта (полученного колхозами) образуется за счет прибавочного продукта, создаваемого в других отраслях народного хозяйства и прежде всего в государственном секторе¹⁷. По другим подсчетам, получалось, будто реализуемый прибавочный продукт от хлопка в колхозах республики в полтора больше, чем создаваемый¹⁸. К таким выводам пришли и некоторые другие экономисты, занимающиеся вопросами экономики хлопководства.

Такие выводы, на наш взгляд, вытекают из неправильного подхода к определению величины стоимости хлопка-сырца в целом и продукта для общества в частности. Так, в совместной статье И. Тарасюк и В. Халтурина пишут, что наиболее правильным способом определения общественной стоимости продуктов сельского хозяйства является исчисление ее путем суммирования себестоимости и стоимости прибавочного продукта в определенном проценте к себестоимости, равном для хлопководства 30%¹⁹. Общественная стоимость 1 ц хлопка-сырца определена ими, например, для 1959 г. как сумма себестоимости в колхозах, ведущих хозяйство в худших условиях, плюс 30% их себестоимости. По таким расчетам получалось, что средняя действующая цена 1 ц хлопка-сырца была на 25% выше стоимости. Отсюда делался вывод, что государство через цены передавало колхозам часть прибавочного продукта из других отраслей народного хозяйства. Таким образом, создавалось впечатление, будто хлопкоробы Узбекистана, его крестьянство не только не вносят определенного вклада в увеличение общегосударственного фонда чистого дохода, но, напротив, являются своего рода «иждивенцами» общества.

Этот явно ошибочный вывод был обусловлен неправильной методологией расчета, игнорировавшей известное марксистское положение, что вновь созданная стоимость производится только живым трудом и прямого отношения к потребленным средствам производства не имеет. В частности, К. Маркс отмечал, что создаваемая величина прибавочной стоимости не находится в связи или зависимости от величины авансированного капитала или издержек производства²⁰.

Между тем авторы приведенных расчетов считают, что создаваемая новая стоимость и вся стоимость будет одинакова и когда себестоимость состоит из 90 с и 10 ц, и когда она состоит из 10 с и 90 ц. Однако, применительно к этому случаю (при предположении, что в год совершается один оборот капитала), К. Маркс отмечал, что если бы оба капитала при одинаковой норме прибавочной стоимости принесли одинаковую сумму прибавочной стоимости, то отпала бы всякая рациональная основа у политэкономии²¹.

Нельзя признать удачным и предложение об исчислении стоимости производимых в колхозах сельскохозяйственных товаров путем

¹⁷ И. Козодоев, Роль прибавочного продукта, избыточного дохода и сверхдифференциального излишка в сближении колхозной собственности с общенародной, Народное хозяйство Узбекистана, 1960, № 9, стр. 15, 16, 18.

¹⁸ Б. Минбаев, Роль цены и налогов в стимулировании производства и в выравнивании экономических условий доходности колхозов, Экономические науки, 1963, № 2; см. также «Ученые записки Ошского государственного педагогического института», вып. IV, 1963, стр. 28.

¹⁹ И. Тарасюк, В. Халтурина, Дифференциальная рента в хлопководстве, Научные труды ТашГУ, вып. 239, Экономические науки, кн. 8, 1964, стр. 66—68.

²⁰ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 50—51.

²¹ Там же, стр. 155.

суммирования их себестоимости и той суммы чистого дохода, содержащегося в розничной цене, которая приходится на колхозы при его распределении пропорционально всей себестоимости того или другого товара²². Здесь ставится знак равенства между розничной ценой и стоимостью товара.

Среди предлагаемых способов исчисления стоимости хлопка-сырца заслуживает внимания метод определения его стоимости относительно условий воспроизводства зерновых культур по стране в целом²³. Суть этого метода заключается в определении стоимости хлопка-сырца через цены на зерно. По соотношению валового дохода и человеко-дня в зерновых колхозах страны переоцениваются затраты прошлого труда в хлопководстве и оцениваются в стоимости все затраты на хлопок-сырец. Но в таком случае изменение ценностной структуры зерновых изменяет и стоимость хлопка-сырца.

Наиболее правильно, по нашему мнению, исчислять стоимость хлопка-сырца, исходя из народнохозяйственных ценностных и стоимостных отношений. Стоимость хлопка-сырца можно определить как сумму материальных затрат, переоцененных в цены стоимостного уровня, и вновь создаваемой стоимости.

Выше показано, что доход от 1 ц хлопка-сырца в действующих ценах ниже его оценки в ценах стоимостного уровня. Для определения соотношения цены и стоимости хлопка-сырца необходимо установить, в какой мере и в каком направлении цена материальных затрат отклоняется от стоимости. Для этого важно знать отклонение цен от стоимости по продукции, входящей в материальные затраты хлопководства. Такие расчеты довольно сложны, и здесь можно подойти к ним лишь в первом приближении.

Так, в материальных затратах на производство хлопка-сырца минеральные удобрения составляют 28,5%, горюче-смазочные материалы — 12,3%. Цены на эти материалы в промышленности обеспечивают норму продукта намного выше средней по народному хозяйству. Нет оснований считать, что в этой части оценка материальных затрат занижена. Затраты на амортизацию и текущий ремонт техники составляют около 40% материальных затрат. Их можно переоценить по соотношению цены и стоимости продукции сельскохозяйственного машиностроения. Но цены на продукцию этой отрасли обеспечивают норму продукта для общества на 25% выше народнохозяйственной. В связи с этим нам представляется, что денежная оценка материальных затрат мало чем отличается от их оценки в ценах стоимостного уровня. Без учета особенностей производства в отдельных республиках нельзя делать вывод, что колхозы приобретают у государства средства производства по ценам ниже стоимости. Применительно к Узбекистану процесс перераспределения в пользу колхозов через заниженные цены на средства производства незначителен или отсутствует.

Если даже предположить, что цены на покупаемые колхозами промышленные товары производственного назначения на 50% ниже их стоимостного уровня, то это не изменит общего вывода о направленности перераспределения через цены, так как колхозы покупают у государства товаров на сумму в пять с лишним раз меньше, чем продают ему. Кроме того, когда действующие цены определяются прежде всего исходя из

²² И. Трогубов, Чистый доход колхозов — основа исчисления дифференциальной ренты, Экономика сельского хозяйства, 1965, № 1, стр. 99.

²³ См. И. Тогоев, Экономика общественного труда и ценообразование в колхозном производстве, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, М., 1965, стр. 23—24.

себестоимости, производственные затраты возмещаются в оценке их приобретения, и заниженные цены на средства производства оказывают влияние на установление уровня цен реализации, — соотношение цен и стоимости по материальным затратам не имеет столь важного значения для перераспределительных процессов, как это представляется отдельным экономистам.

Важно отметить, что сложившиеся формы распределения и перераспределения национального дохода в нашей стране (через отклонение цен от стоимости и финансовую систему) тесно связаны между собой. Например, в Узбекской ССР в 1964 г. платежи колхозов и колхозников в финансовую систему в виде подоходного и сельскохозяйственного налогов составили 144 млн. руб., тогда как расходы только по бюджетам сельских райнов на финансирование социально-культурных мероприятий и коммунально-бытовое обслуживание составили 242,4 млн. руб. Требование, чтобы при таких условиях цены на колхозную продукцию соответствовали ее стоимости, оказывается экономически нереальным.

Итак, при анализе сальдо перераспределительных отношений нужно учитывать все формы распределения национального дохода, что позволит ярче выразить суть и направленность распределительных отношений при социализме.

К. Н. Попадюк

ЎЗБЕКИСТОН ҚИШЛОҚ ХҲЖАЛИГИДАН ОЛИНГАН ВА ФОЙДАЛАНИЛГАН ДАРОМАДНИНГ НИСБАТИ ҲАҚИДА

Мақола назарий ва практик жиҳатдан муҳим иқтисодий проблема — Ўзбекистон қишлоқ хўжалигидан олинган ва фойдаланилган даромад ўртасидаги нисбатини тўғри ҳал этишга бағишланган.

О. П. УМУРЗАКОВА

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Одной из основных задач идеологической работы, как указывалось на XXIII съезде КПСС, является воспитание нового человека в духе коммунистической морали. В тесной связи с этой проблемой находится вопрос о судьбах национальных традиций, ибо воспитание нового человека предполагает окончательное преодоление пережитков прошлого и утверждение нравов, обычаев, традиций коммунистического общества¹.

Формирование и развитие общих для всех советских народов традиций, дальнейшее развитие национальных традиций каждой социалистической нации — это явление строго закономерное, глубоко объективное, основанное на таких факторах, как единая социалистическая экономика, равноправие всех наций и народностей, общая заинтересованность народов СССР в построении коммунистического общества, единая по содержанию социалистическая культура.

В отличие от антагонистических формаций, где возникновение и развитие традиций происходит стихийно, неосознанно, при социализме общество, его передовой отряд — Коммунистическая партия, а также государство получают реальную возможность сознательно воздействовать на традиции, т. е. способствовать оживлению отсталых взглядов, привычек, обычаев, формированию новых, прогрессивных традиций, помогающих строительству коммунизма.

Искоренение отсталых традиций и утверждение новых — исключительно сложный и трудный процесс. Дело в том, что устаревшие традиции способны в течение длительного времени сохраняться и в новых условиях. Поэтому надо очень умело и объективно отделять в традициях все отсталое, реакционное от прогрессивного, передового.

Возникновение и развитие традиций органически связано с историей народов и наций. Они создаются и накапливаются многими поколениями, исторически изменяются в зависимости от изменения экономического базиса и условий жизни общества.

Поэтому в оценке традиций, как и при рассмотрении любого общественного явления, следует «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

Известно, что в своем развитии национальные традиции подчиняются законам преемственности. Следовательно, нельзя представлять

¹ См. И. М. Муминов, Новым, лучшим традициям — простор широкий, *Общественные науки в Узбекистане*, 1963, № 8 и 9.

² В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 39, стр. 67.

коренные изменения их в результате изменения экономического базиса как отрицание всех традиций, созданных прошлыми поколениями. При смене общественно-экономических формаций одни традиции видоизменяются, другие складываются, а некоторые, не соответствующие новым условиям жизни, отмирают.

Традиции, как особое общественное явление, присущи различным областям жизни людей. Существуют традиции экономические, социальные, национальные, бытовые, культурные и т. д.

В результате победы социализма, сложения и развития советских социалистических наций в нашей стране создались все условия для зарождения и развития новых, социалистических традиций, а также освоения и использования в интересах строительства коммунизма лучших традиций прошлого.

Новые, советские традиции народов нашей страны, в том числе узбекского народа, развиваются на основе использования лучших народных традиций прошлого, а также традиций, рожденных национально-освободительным движением, революционной борьбой, идеями свободолюбия и демократизма, патриотизма и гуманизма, миролюбия и дружбы народов. Они отражают глубокие изменения в материальной и духовной жизни людей, принципиально новые взаимоотношения между трудящимися, основанные на их сотрудничестве и взаимопомощи.

Возможность зарождения и развития истинно народных традиций заложена в самой природе нашего общественно-политического строя. Эти традиции возникают закономерно в процессе революционно-практической деятельности советских людей, в ходе строительства социализма и коммунизма.

У советских людей стали традиционными многие общенациональные праздники. Так, ежегодно весь наш народ отмечает годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, день рождения В. И. Ленина, День Победы (9 мая), праздники, имеющие международный характер: 1 Мая — День международной солидарности трудящихся, 8 марта — Международный женский день, 10 ноября — Всемирный день молодежи и т. д. У социалистических наций нашей страны сложились и такие новые традиции, как празднование Дня космонавтики, Дня Военно-морского флота, Дня шахтера, Дня строителя, Дня учителя и др.

Общенациональной традицией стали проводы старого и встречи Нового года. Этот обычай за годы Советской власти приобрел новое содержание. В новгодний праздник наши люди подводят итоги минувшего года и с уверенностью заглядывают в будущее.

Вместе с тем есть праздники, отмечаемые лишь в той или иной республике. Как известно, хлопок — национальная гордость узбекского народа. Поэтому трудящиеся нашей республики ежегодно отмечают праздник «Пахта-Байрами». В ряде областей Узбекистана прочно вошло в жизнь и такое празднество, как «Торжественное посвящение в хлопкоробы». Это — замечательная традиция, прославляющая людей, отдающих свои силы выращиванию и сбору «белого золота». Тесная дружба рабочих Ташкента и тружеников Голодной степи вызвала к жизни праздник «Серпа и Молота», усиливший взаимную помощь города и села в борьбе за строительство коммунизма.

Самоотверженный труд на благо общества — важная черта духовного облика советских людей, одна из замечательных традиций строителей коммунизма. Коммунистический труд, указывал В. И. Ленин, это «труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в при-

вычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»³.

Зачинателем и носителем трудовых традиций в нашем обществе является коллектив. Именно он вырабатывает новые традиции и обеспечивает их преемственность.

Славной традицией в нашей стране стало массовое социалистическое соревнование. В настоящее время оно ярко проявляется в движении за коммунистический труд. Только в Узбекистане в этом патриотическом движении участвует 642 тыс. человек.

На многих предприятиях республики вошел в традицию торжественный прием на работу нового пополнения рабочего класса — «Посвящение в рабочее звание». Впервые оно возникло в октябре 1965 г. в Ленинграде, а затем быстро распространилось по всей стране и ныне становится общенациональным достоянием. Эта традиция имеет важное значение в воспитании молодежи, вступающей в самостоятельную трудовую жизнь.

В январе 1966 г. такое торжество проходило на одной из фабрик Ташкентского текстильного комбината. Выпускники ФЗУ собрались на выпускной вечер. Директор комбината Г. А. Давликамова тепло поздравила новое пополнение славной армии узбекских текстильщиков с выдающимся событием в их жизни. Она говорила, что только в нашей стране рабочий человек окружен огромной заботой и вниманием, и он должен с честью нести свое высокое звание. «Человек красив своим трудом, своими руками он создает все материальные ценности на земле» — эта мысль звучала во всех выступлениях на вечере. Каждому выпускнику было вручено «Свидетельство о посвящении в рабочий класс», в котором говорилось: «Дорогой товарищ!... С этого дня ты вступил в ряды славного рабочего класса. Помни, что принимаешь героическую трудовую эстафету, эстафету из рук старшего поколения. Ты должен найти свое место в рабочем строю Ташкентского текстильного комбината. Пусть каждый трудовой день служит нашему общему делу, делу построения коммунизма.

Не бойся мечтать и дерзать во имя прекрасного будущего! Будь всегда и во всем честен и правдив!

Свято храни революционные и трудовые традиции рабочего класса. Добрый путь тебе, рабочий человек!»

Со словами приветствия обратились к молодым работникам ветераны комбината — хранители революционных и трудовых традиций рабочего класса, передовики производства, представители партийной, комсомольской и профсоюзной организаций⁴.

В нашей республике эстафета поколений стала замечательной и прочной традицией. Многонациональный коллектив Ташкентского тепловозо-вагоноремонтного завода им. Октябрьской революции, в котором работают узбеки, русские, татары, казахи, украинцы и представители многих других национальностей, единодушно избрал почетным членом своего коллектива погибшего на войне Героя Советского Союза генерала Сабира Рахимова. Имя его навечно занесено на заводскую Доску почета. Станок, над которым висит портрет этого славного сына узбекского народа, считается его рабочим местом. На нем трудится лучший производственник завода Герой социалистического труда А. Кадыров. Так эстафета героя войны передана в надежные руки героя труда⁵.

³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 315.

⁴ Материалы социалистического обследования Ташкентского текстильного комбината (январь 1966 г.).

⁵ Материалы социологического обследования Ташкентского тепловозо-вагоноремонтного завода (февраль 1966 г.).

«Всякая нация может и должна учиться у других», — говорил К. Маркс. Братская дружба народов нашей страны, их тесные всесторонние связи создают наилучшие условия для широкого взаимообогащения национальных традиций. Все хорошее, что есть в традициях одной нации, становится достоянием других. Вместе с тем, как уже отмечалось, в условиях социалистического и коммунистического строительства складываются новые, общие для всех народов традиции.

В основе растущего процесса сближения советских социалистических наций лежит принцип полного равенства всех республик, принцип гармонического сочетания интересов каждой из них с интересами всех социалистических наций.

С каждым годом крепнут и развиваются экономические связи между советскими республиками. На этой почве возникла новая общенациональная традиция — обмен производственным опытом. Важной основой экономического сотрудничества между среднеазиатскими республиками служит производство хлопка. Ежегодно в Узбекистан для ознакомления с опытом узбекских хлопкоробов приезжают посланцы братских народов — таджикского, киргизского, казахского, туркменского, азербайджанского. Представители Узбекистана, в свою очередь, выезжают в другие хлопкосеющие республики. Эти взаимные посещения еще более сближают братские социалистические нации и способствуют успешному выполнению народнохозяйственных планов.

На современном этапе коммунистического строительства происходит интенсивный процесс взаимообогащения национальных культур советских народов, при котором все больше развиваются общие черты, общая направленность и идейная сущность национальных культур. Национально-своеобразное в культуре одного народа становится общим достоянием всех социалистических наций.

Сохраняя национальные особенности, народный колорит, литературы народов СССР вбирают в себя все лучшее, что есть в других литературах. Такое взаимное обогащение сделало многонациональную советскую литературу самой передовой, самой идейной литературой в мире.

Ценнейшей традицией стали переводы почти на все национальные языки нашей страны художественных произведений, созданных в той или иной советской республике. За годы Советской власти на узбекский язык переведены произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, В. Маяковского, Т. Шевченко, М. Шолохова, М. Ауэзова, М. Турсун-заде, Ч. Айтматова, Б. Кербабаева, С. Вургуня и др. Романы, повести и рассказы Л. Н. Толстого издавались на узбекском языке 56 раз общим тиражом 881 470 экз., а произведения А. П. Чехова на узбекском и каракалпакском языках — 46 раз тиражом 703 800 экз. Сейчас на узбекском языке издается восьмитомное собрание сочинений М. А. Шолохова. Только за последние пять лет переведено и издано на узбекском языке более 370 произведений классической и современной литературы.

В то же время лучшие образцы узбекской советской литературы переведены и изданы на русском, украинском, белорусском, армянском, казахском, таджикском и других языках. Народы братских республик на родном языке читают произведения Хамида Алимджана, Айбека, Гафура Гуляма, Шарафа Рашидова, Зулфии, Парды Турсуна и др.

Широкое распространение получил обмен телевизионными программами между республиканскими телецентрами, а также с Москвой и Ленинградом. Трудящиеся Узбекистана смотрят телепередачи Алма-Аты,

Фрунзе, Душанбе и столиц других республик, знакомятся с жизнью, культурой и трудовыми достижениями братских народов.

Доброй традицией в нашей республике стали вечера интернациональных встреч. В них участвуют представители различных национальностей, ветераны революции, борющиеся за установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Часто организуются лекции, доклады, читательские конференции, посвященные дружбе народов и социалистическому интернационализму.

Взаимный обмен культурными ценностями, усвоение традиций одних народов другими обогащает традиции каждой нации. В настоящее время под национальными традициями понимается не только то, что отличает одни народы от других, а и то, что сближает, объединяет их. Именно это становится главным в природе национальных традиций советских социалистических наций.

В жизнь наших народов вошло постоянное общение писателей, композиторов, художников, работников театра и кино братских союзных республик, проведение декад и недель литературы и искусства, кинофестивалей, совместных научных сессий и конференций. Трудящиеся Узбекистана тепло принимают приезжающих на гастроли деятелей искусства братских республик. Каждая такая встреча превращается в подлинный праздник советских народов.

В Узбекистане с большим успехом проходили декады русской, украинской и белорусской литературы и искусства, фестивали «Ташкентская весна», «Мелодии долины роз», которые вылились в яркие праздники, олицетворяющие торжество ленинской национальной политики партии, дружбы и братства советских людей, нерасторжимое единство узбекского народа с братскими народами СССР.

Все шире развивается замечательная традиция проведения дней городов или республик. Так, в Узбекистане проходили «День Баку», «День Душанбе» и т. д. В свою очередь, «День Узбекистана» празднуют в других республиках. Недавно состоялся «День Узбекистана» в столице нашей Родины — Москве. В этот день москвичи встретились со значительными людьми нашей республики, побывали на фотовыставках, демонстрации документальных фильмов, концертах мастеров искусств Узбекистана.

Как известно, в наследство от прошлого нам остались обычаи и нравы, оправдывавшие неравноправное положение женщин в семье и обществе. Ислам унижал человеческое достоинство женщины, утверждал ее моральное и имущественное неравенство с мужчиной. Коммунистическая партия и Советское государство с первых же лет Октября развернули огромную работу по ликвидации всех форм неравенства женщин и прежде всего по фактическому раскрепощению женщин Советского Востока. За годы Советской власти выросло новое поколение женщин — свободных и сознательных борцов за победу социализма и коммунизма. Сейчас сотни тысяч женщин Узбекистана самоотверженно трудятся в промышленности и на транспорте, в строительстве и сельском хозяйстве, в государственных учреждениях и общественных организациях, в различных областях науки, культуры и просвещения. Однако у нас еще имеется немало пережитков прошлого в быту, в том числе в отношении к женщине. Именно здесь надо с особой энергией прокладывать дорогу новым, советским традициям.

Общественность Узбекистана ведет большую работу по созданию новых брачных обрядов. В Ташкенте открылся «Дом бракосочетания», где только в минувшем году зарегистрировано 5127 браков, из них 250 — браки между представителями различных национальностей⁶.

⁶ Материалы социологического исследования, проведенного в «Доме бракосочетаний», Ташкент, январь 1966 г.

Все более широкое распространение получают комсомольско-молодежные свадьбы; в организации и проведении их широкое участие принимают те коллективы, в которых работают жених и невеста. Участие коллектива в бракосочетании укрепляет новую семью, повышает ее чувство ответственности перед социалистическим обществом. Комсомольско-молодежные свадьбы способствуют утверждению лучших народных обычаев, очищенных от религиозно-мистических наслоений; вырабатывается новый, красивый и торжественный свадебный ритуал.

Так, в сел. Гараша Галляларальского района Самаркандской области колхозники справили комсомольскую свадьбу Э. Сулайманова и Р. Хамзаевой. После нее односельчане говорили: «У нас ведь в кишлаке будут еще свадьбы, и немало — так вот справлять их надо только так!»⁷ Свадьбы по-новому все чаще проводятся в нашей республике, и местные партийные, советские и общественные организации прилагают немало усилий для их популяризации в массах.

Так новые национальные традиции приходят на смену старым, отжившим обычаям и обрядам. Однако, говоря о внедрении новых традиций, мы далеки от мысли, что их можно насаждать искусственно. Традиции создаются самим народом. Речь может идти только о том, чтобы распространять все лучшее, что возникает в нашей жизни. Поэтому, на наш взгляд, надо шире пропагандировать взаимосвязь национального и интернационального, добиваться превращения прогрессивных национальных традиций отдельных народов в интернациональные, общие для всех социалистических наций и наиболее полно отвечающие новым общественным условиям, задачам строительства коммунизма в нашей стране.

О. П. Умурзоқова

ЯНГИ МИЛЛИЙ ТРАДИЦИЯЛАРИНИНГ ШАКЛЛАНИШ ПРОБЛЕМАСИГА ДОИР

Мақола янги кишини коммунистик ахлоқ руҳида тарбиялашда катта аҳамиятга эга бўлган совет социалистик миллатларининг янги миллий традицияларининг шаклланиши ва ривожланиши масаласига бағишланган.

⁷ Правда Востока, 11 августа 1965 г.

Г. АБДУМАДЖИДОВ

НАСУЩНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКСКОЙ ССР

Коммунистическая партия и Советское государство уделяют огромное внимание всемерному укреплению социалистической законности как мощному рычагу решения экономических, политических и культурных задач коммунистического строительства.

В материалах XXIII съезда КПСС подчеркивается, что законность служит одним из эффективных средств руководства народным хозяйством, укрепления государственной дисциплины, борьбы с правонарушениями.

Вся деятельность советских органов и творческое участие широких масс в управлении делами страны должны основываться на строжайшем соблюдении социалистической законности. Советские законы, воплощая в себе проверенные жизнью нормы социалистического правопорядка, являются выражением воли всех трудящихся. Они проникнуты заботой о народе и надежно оберегают наш общественный и государственный строй, права и интересы советских граждан.

В отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии особо отмечалась необходимость дальнейшего усиления работы по развитию советского законодательства и проверке исполнения действующих законов.

В этой связи перед советской юридической наукой встает ряд важнейших задач, вытекающих непосредственно из практики коммунистического строительства. В области государственного правопорядка значение имеет дальнейшая демократизация системы управления обществом, совершенствование форм и методов работы государственных органов и общественных организаций. Этой задаче подчинено также изучение и обобщение богатейшего исторического опыта многогранной деятельности Советского государства на различных этапах его развития.

В области правоведения основное внимание уделяется развитию всех отраслей советского законодательства. С этой целью изучаются в их динамике существующие общественные отношения и эффективность применения действующих норм права.

В свете программных задач партии особое значение приобрели исследование причин преступности и разработка мер по ее предупреждению.

Практическое решение этих задач осуществляется в значительной мере через законодательную регламентацию, хотя ряд научных выводов и рекомендаций могут быть направлены непосредственно на устранение отдельных нарушений законов и других недостатков в деятельности государственных и общественных организаций, а некоторые касаются лишь теории государства и права.

Нельзя, например, представить себе претворение в жизнь научных рекомендаций о демократизации системы управления обществом или

совершенствовании деятельности государственных органов вне законодательной регламентации. Так, шестая сессия Верховного Совета УзССР шестого созыва (октябрь 1965 г.), рассмотрев вопросы дальнейшей демократизации и совершенствования системы управления промышленностью и других государственных органов, закрепила эти вопросы соответствующим законом. Предложения о последовательном развитии демократических основ советского правосудия также получили свое воплощение в Законе о внесении изменений и дополнений в Закон о судостроительстве Узбекской ССР. И впредь развитие тех или иных институтов многотраслевого советского законодательства будет выражаться в дополнениях и изменениях отдельных действующих законов и в принятии новых законодательных актов.

На первый взгляд, этого нельзя сказать относительно изучения причин преступности и разработки мер по ее предупреждению. Трудно проследить влияние криминологической науки на совершенствование законодательства. По своему содержанию криминология не «чисто» правовая, а комплексная общественная наука. Результаты криминологических исследований реализуются не столько путем законодательной регламентации, сколько путем проведения конкретных профилактических мер. Но нельзя забывать, что с учетом достижений криминологии представители этой науки и специалисты других отраслей права также могут разработать рекомендации о совершенствовании отдельных правовых норм.

Таким образом, осуществление стоящих перед юридической наукой задач является необходимой предпосылкой для совершенствования правовых норм и находит свое отражение в новых законодательных актах Советского государства.

Отмена устаревших, противоречащих друг другу норм, систематизация правовых актов по отдельным вопросам, институтам и отраслям представляют собой целый комплекс исследовательской работы. Действительно, разве можно, не изучая вопросов дальнейшей демократизации системы управления обществом, совершенствования форм и методов работы государственных органов, решать, устарели ли отдельные нормы права и не противоречат ли они друг другу? Не может быть и речи о совершенствовании и упорядочении законодательства без учета анализа эффективности применения законов.

За последние годы в нашей республике опубликовано немало монографий, брошюр и статей, содержащих ценные предложения по совершенствованию отдельных законодательных актов. Например, в работах Г. П. Саркисянца, посвященных проблемам участия защитника в советском уголовном процессе¹, обобщена богатая судебно-следственная практика и на основе глубокого научного исследования выдвинут ряд предложений, многие из которых нашли затем свое разрешение в законодательстве республики.

К сожалению, отдельные предложения о совершенствовании законодательства, выдвигаемые в нашей юридической литературе, оказываются необоснованными, а порою ошибочными. Такие предложения, как правило, выдвигаются без всестороннего изучения действующих законодательных актов, глубокого анализа практики их применения и предварительного обсуждения общественности.

¹ Участие защитника на предварительном следствии в советском уголовном процессе, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966; Участие защитника в суде первой инстанции в советском уголовном процессе, Ташкент, Изд-во «Наука», 1965; Участие защитника в кассационной, надзорной инстанциях и при исполнении приговора, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965.

Проекты отдельных законодательных актов республики, поступающие в научно-исследовательские учреждения для дачи заключений и замечаний, нередко остаются не рассмотренными в течение длительного времени или по ним даются поверхностные, некачественные ответы.

В. И. Ленин, придавая огромное значение правотворческой деятельности Советского государства, неоднократно призывал со всей серьезностью относиться к этому делу. Надо законодательствовать, предупреждал В. И. Ленин, с тройной оглядкой, не наспех. Если закон отстал от жизни или в процессе применения его выявились какая-то неясность или противоречие с другими законами, то следует уточнять или изменять его только в законодательном порядке².

Юридическая наука должна еще многое сделать для того, чтобы наше законодательство полностью отвечало всем требованиям жизни. Недостатки в действующем законодательстве отрицательно сказываются на укреплении социалистической законности. Д. И. Курский справедливо отмечал, что никакой речи о соблюдении законности не может быть, если сами законы противоречивы и не отвечают требованиям жизни³.

Необходимость устранения отдельных несогласованностей, упрощения изложения законов, сокращения их количества, исправления редакционных и терминологических погрешностей налагает на юристов-ученых и практических работников — большую ответственность.

Между тем многие научные работники республики еще не проявляют должной активности и творческой инициативы в этом важном государственном деле. Некоторые юристы считают, что в последнее время наши законы стали часто меняться, что не способствует обеспечению их стабильности. Прежде всего следует заметить, что совершенствование законодательства — это постоянно идущий процесс, который будет длиться до «отмирания» права в ленинском смысле этого слова.

Замедление данного процесса в 30—40-х годах привело к отставанию большого количества законов от требований жизни. Это отставание ныне во многом устранено, однако предстоит еще немало сделать для развития законодательной деятельности Советского государства.

Конечно, нет нужды из-за несущественных редакционных уточнений изменять законы. Но нельзя ради обеспечения внешней стабильности законов отказываться от внесения в них продиктованных жизнью изменений и дополнений. Законы должны быть гибкими и своевременно отражать преобразования в жизни общества.

Например, до недавнего времени в обязанности судебных исполнителей входило взыскание с граждан задолженности по квартплате, за коммунальные услуги, радио и т. п. Производства такого рода, составляющие около 15% общего объема работы судoisполнителей, заключались в пересылке исполнительных документов по месту работы должников. Это мешало судебным исполнителям выполнять их основные функции — взыскивать материальный ущерб, причиненный преступлениями, проверять правильность удержания алиментов и т. д.

В феврале 1966 г. Президиум Верховного Совета Узбекской ССР принял Указ о внесении дополнения в ст. 432 ГПК республики. Согласно Указу, исполнительные документы о взыскании с граждан в пользу государственных учреждений, предприятий, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций денежных сумм, не превышающих той доли месячной зарплаты или иного заработка, пенсии и пособия должника, на которую по закону может быть обращено взыскание, — направ-

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 504; т. 45, стр. 247—248; т. 53, стр. 249.

³ Д. И. Курский, Избранные статьи и речи, М., Юриздат, 1948, стр. 74.

ляются взыскателем непосредственно на предприятие, в учреждение или организацию, где должник получает вознаграждение, пенсию или стипендию.

В связи с расширением законодательных прав союзных республик появилась еще одна возможность совершенствования законов путем сравнительного исследования их по союзным республикам. Как справедливо подчеркивает Ф. И. Калинычев, любая отрасль советского законодательства может быть взята как нечто целое лишь в совокупности союзных и республиканских актов⁴. Каждое предложение о совершенствовании того или иного закона должно базироваться на анализе аналогичных законов всех союзных республик с учетом соотношения общесоюзного и республиканского законодательства. Следует всячески изучать лучший опыт законодательной регламентации братских республик и выяснять возможность применения его в условиях данной республики. Такое сравнительное исследование проводится сейчас еще слабо и не регулярно.

Известно, например, что в соответствии с решениями мартовского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС 1965 г. существенно расширена компетенция местных Советов депутатов трудящихся и их исполкомов в решении хозяйственных и культурных задач коммунистического строительства. Однако нуждается в уточнении соотношение функций постоянных комиссий и отраслевых отделов и управлений местных Советов депутатов трудящихся. В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в Положения о местных Советах, разработать положения об их отраслевых отделах и управлениях, а также положения о многих республиканских министерствах и ведомствах.

Многие вопросы брачно-семейного, трудового, жилищного, земельного и других отраслей права также нуждаются в новом регулировании. По этим отраслям права сейчас разрабатываются общесоюзные основы и республиканские кодексы, которые заменят законы, принятые еще в 20—30-х годах. Как подчеркивалось на шестой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, «нельзя ни в коем случае откладывать решение назревших вопросов законодательства до окончательного оформления кодексов. Работа по отмене или изменению устаревших, не соответствующих современному положению статей существующих кодексов должна продолжаться неослабными темпами... работы по частичному изменению существующих кодексов и по составлению новых могут протекать параллельно»⁵.

Наши праведы, участвующие в совершенствовании законодательства, должны творчески подходить к этому делу. Чтобы внести то или иное предложение о совершенствовании закона, недостаточно знать практику его применения — необходимо освоить специфику форм и методов совершенствования законодательства.

Для систематизации законодательства нужно изучать и соблюдать законодательную технику, представляющую собой совокупность правил наиболее рационального изложения правовых институтов, норм, статей в правовых актах. Несоблюдение этих правил приводит к тому, что при издании нового акта не отменяются или не изменяются ранее изданные, нарушается согласованность, редакционная увязка и т. д.⁶ Здесь необходимо освоить понятия совершенствования, систематизации, кодифи-

⁴ Ф. Калинычев, Новая кодификация советского законодательства, Социалистическая законность, 1966, № 1, стр. 41.

⁵ Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва, Шестая сессия, Стенографический отчет, М., 1957, стр. 517.

⁶ Д. А. Керимов, Кодификация и законодательная техника, М., Госюр-издат, 1962, стр. 14 и 47.

кации и инкорпорации законодательства. Различное толкование и употребление их приводит к нежелательным последствиям.

Систематизация законодательства означает упорядочение его, начиная от правильной расстановки норм и кончая созданием новых правовых актов, и протекает в двух формах — кодификации и инкорпорации.

Под кодификацией понимают переработку действующего законодательства и создание нового единого акта (Основ, Основных начал, Устава, Положения, Закона, Кодекса, Свода), который заменяет большое количество ранее действовавших разрозненных актов и может содержать изменения в регулировании важной сферы общественных отношений.

Кодификация устраняет устаревшие, отжившие, противоречащие друг другу нормы права. Например, А. А. Герцензон предлагает привести в общую, единую систему огромное количество законов по борьбе с пьянством, сосредоточив их в одном кодексе⁷. Полезность этой рекомендации очевидна.

Инкорпорация как форма систематизации представляет собой лишь обработку и объединение законодательного материала по определенному кругу общественных отношений. При этом содержание законодательных актов не изменяется, устраняются лишь противоречия, повторения и несогласованность.

При инкорпорации, как и при кодификации, необходимо изучать и анализировать не только сами законодательные акты, но и практику их применения, предложения трудящихся, государственных органов, общественных организаций и достижения науки.

Если кодификация всегда носит официальный характер, то инкорпорация может быть и не официальной, т. е. выполненной не органами, имеющими на то полномочия, а например, отдельными учеными. Инкорпорация может быть хронологической или предметно-систематической. Второй вид более сложен, но и более эффективен, ибо с помощью его быстрее отыскиваются необходимые нормы. Иногда его называют консолидацией, при которой разрозненные акты объединяются в цельный акт, не вносящий, однако, существенного изменения в регулирование каких-либо вопросов.

Одна из форм систематизации — учет законодательных актов в хронологической, алфавитной или предметно-систематизированной картотеке. В последнем случае составляется классификатор по соответствующим отраслям законодательства или в целом. Иногда картотека может быть текстовой, т. е. содержит не только дату, номер и название акта, но и полный его текст⁸.

По нашему мнению, понятия, связанные с совершенствованием советского законодательства, должны быть изучены как самостоятельный раздел общей теории государства и права; надо глубже уяснить их значение в укреплении социалистической законности.

Отсутствие систематизации законодательных и нормативных актов отрицательно сказывается не только на их совершенствовании, но и на правильном применении. Например, до сих пор кодексы республики издавались без постатейных материалов, в лучшем случае к ним давались отдельные примечания от составителей (например, в УК и УПК УзССР 1946 и 1960 гг.) или алфавитно-предметные указатели (в русских текстах действующих УК и УПК УзССР). Сейчас эти кодексы, подготов-

⁷ А. Герцензон, Такой закон нужен, Известия, 6 февраля 1966 г.

⁸ Подробнее о понятиях, связанных с законодательной техникой, см. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства». Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко, М., Госюриздат, 1962, стр. 9—30, а также «Законодательная техника». Под ред. Д. А. Керимова, Изд. ЛГУ, 1965, стр. 3—13.

ленные для переиздания, снабжены постатейными справочными материалами, куда вошли Законы, Указы и Постановления верховных органов власти СССР и УзССР, Постановления Советов Министров СССР и Узбекской ССР, руководящие разъяснения и постановления Пленумов Верховных Судов СССР и УзССР, касающиеся регламентируемых вопросов.

Следует отметить, что юридические научные и учебные заведения республики не располагают систематизированной картотекой, всеми законодательными и нормативными материалами. Поэтому необходимо, чтобы научные работники ознакомились с состоянием учета законодательства в Президиуме Верховного Совета Узбекской ССР и Юридической комиссии при Совете Министров республики и оказали практическую помощь в составлении такой картотеки, которую надо использовать и в научных исследованиях.

Не менее важное значение имеет составление справочников и сборников законодательных актов по отдельным вопросам. В частности, было бы полезным издание сборника важнейших постановлений Пленума и Президиума Верховного суда Узбекской ССР.

В совершенствовании советского законодательства широкое участие должны принимать все государственные и общественные организации, а также сами трудящиеся. Как предусмотрено в Программе КПСС, обсуждение трудящимися законопроектов должно стать системой, а важнейшие из них следует выносить на всенародное голосование⁹. В связи с этим надо усилить правовую пропаганду среди населения с тем, чтобы обсуждение проектов проходило при непосредственном участии широких масс.

Таковы некоторые насущные задачи науки и практики по дальнейшему совершенствованию законодательства республики в свете программных положений партии и решений XXIII съезда КПСС.

Г. Абдумажидов

ЎЗБЕКИСТОН ССР ҚОНУН ЧИҚАРИШНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШНИНГ МУҲИМ МАСАЛАЛАРИ

Мақолада коммунистик қурилишни ҳозирги замон актуал масалаларидан келиб чиққан ҳолда ва КПСС XXIII съезди қарорларидан фойдаланиб, Ўзбекистон ССР қонун чиқаришни баъзи бир муҳим масалалари юридик фанлари ва тажрибалар нуқтаи назаридан қаралганлиги ёритилган.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 104.

Х. Т. ТУРСУНОВ

50 ЛЕТ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В УЗБЕКИСТАНЕ

Исполнилось 50 лет народного восстания 1916 года, занявшего важное место в летописи национально-освободительной борьбы узбекского и других народов Средней Азии и Казахстана и сыгравшего огромную роль в революционизировании трудящихся масс края.

Восстанию 1916 года в Средней Азии и Казахстане посвящено много трудов советских историков, в том числе книга З. А. Кагельской¹, сборник статей под общей редакцией И. К. Додонова², работы П. А. Ковалева³ и др. Изданы сборник документов и большой академический сборник⁴, в которых опубликованы воспоминания участников восстания⁵ и другие материалы. Изучению характера восстания были посвящены также научные дискуссии и сессии, состоявшиеся в 1926, 1937, 1951 и 1954 гг. в Ташкенте, Алма-Ате, Ашхабаде и Фрунзе.

Все это свидетельствует о большом внимании научной общественности к восстанию 1916 года. Изучение истории его позволяет глубже раскрыть процесс развития национально-освободительного движения народов Средней Азии как одной из важных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

Восстание 1916 года было обусловлено всей экономической и политической обстановкой в колониальном Туркестане. Жестокий национальный и социальный гнет десятилетиями накапливал в народных массах глубокое возмущение и ненависть к царизму и местным эксплуататорам.

Противоречия между трудящимися и господствующими классами особенно обострились в период первой мировой войны, вся тяжесть которой легла на плечи трудового народа. Резко повысились налоги, многочисленные повинности и сборы. Поземельный налог в Туркестане в первый же год войны увеличился вдвое. Значительно возрос и налог на ремесленников-кустарей. Удвоились кибиточные подати с кочевого

¹ З. А. Кагельская, Восстание 1916 года в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1947.

² Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане. Сб. статей под ред. проф. И. К. Додонова (в сборнике помещены статьи И. К. Додонова, Э. Мавляни, П. П. Миронова, Я. Н. Серого), Ташкент, Госиздат УзССР, 1957.

³ П. А. Ковалев, Тыловые рабочие в Туркестане в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957. (Кроме того, им опубликован ряд статей в Трудах Ташкентского университета).

⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов, М., Изд-во АН СССР, 1960.

⁵ Много воспоминаний, в частности, было собрано в 1946 г. научной экспедицией АН УзССР во главе с Х. Т. Зарифовым в Джизаке. В 1956 г. Х. З. Зияев собрал воспоминания участников восстания в Маргелане, Андижане и других местах Ферганской долины. Ряд воспоминаний хранится в Музее истории Узбекистана и т. д.

населения. Был установлен дополнительный военный налог на хлопок. Возросли земские, дорожные и другие сборы с дехкан и мелких арендаторов, усилились поборы и злоупотребления волостных управителей, старшин и других должностных лиц. Широко практиковались так называемые «пожертвования» и «реквизиции на нужды войны». Все это окончательно разоряло и без того обнищавшее население края и пагубно отражалось на его экономике. Упала урожайность хлопчатника, зерновых и других сельскохозяйственных культур. В 1915 г. почти половина сельского населения края жила впроголодь, а многие кочевники и бедняки-переселенцы уже к началу года оказались без хлеба и были вынуждены продавать скот и имущество.

В 1915 г. царское правительство в угоду магнатам текстильной промышленности приняло закон об установлении очень низких закупочных цен на хлопок⁶. Этот акт в условиях, когда цены на промышленные товары и продовольствие резко возросли, поставил трудящиеся массы края в еще более тяжелое положение. В юбилейном отчете Кокандского биржевого комитета указывалось, что снижение цен привело к хаосу на хлопковом рынке; «убыточность введенной нормировки для производителей хлопка была до того очевидной, что протесты из Азии против нее, с требованием изменения, возникли тотчас же по опубликовании указанных цен»⁷.

Недовольство политикой царизма нарастало как в центральных районах России, так и среди трудящихся национальных окраин. Рост политической борьбы пролетариата промышленных центров страны оказывал революционизирующее влияние и на ее окраины.

Усилились народные волнения в Степном и Туркестанском краях. В донесении начальника Кокандского отделения жандармского управления (ноябрь 1915 г.) говорилось: «...Слухи о войне, дороговизне жизни и забастовках, которые не проникают в печать, еще более нервнируют население... нужда растет, а вместе с ней и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возмущение. Вне всякого сомнения, что левый политический элемент старается использовать настоящее положение вещей в целях дискредитирования власти». Далее отмечалось, что в край «стало больше поступать газет с.-д. направления»⁸.

К 1916 г. положение в стране еще более осложнилось. Из-за экономической отсталости страны, плохого вооружения и снабжения, бездарности командования, предательства в верхах и ряда других причин царская армия терпела поражение за поражением. Продолжавшаяся уже два года истребительная война требовала все новых пополнений. На фронт слали всех, кто мог носить оружие. Снимали людей даже с военных заводов и железных дорог. В результате создалась острая нехватка рабочих рук на военно-тыловых объектах.

В этой обстановке по предложению военного министерства⁹ был издан царский указ от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ»¹⁰.

⁶ О нормировании цен на хлопок, Кокандский биржевой комитет, 1915, Коканд, 1916, стр. 51.

⁷ Обзор хлопководства и хлопковой торговли в Фергане за 1916 г., Кокандский биржевой комитет, юбилейный отчет за 1906—1916 гг., Коканд, 1917, стр. 41.

⁸ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1084, л. 2—3.

⁹ ЦГАИЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 89, л. 28—30.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства, отдел I, № 182, 6 июля 1916 г., стр. 1747.

Указ предусматривал привлечение на время войны мужского «инородческого» населения в возрасте от 19 до 43 лет. Набору подлежало «инородческое» население Астраханской губернии, почти всех губерний и областей Сибири, Сырдарьинской, Ферганской, Закаспийской, Самаркандской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, мусульманское население Терской и Кубанской областей и Закавказья.

Обнародование и выполнение указа проводилось в лихорадочной спешке. Министерство внутренних дел в секретной справке, составленной в сентябре 1916 г., признавало, что указ «испрошен был военным министром ввиду категорических требований Штаба Верховного Главнокомандующего о срочном доставлении значительной силы для нужд армии. Соответственные предложения разрабатывались в военном ведомстве с исключительной спешностью»¹¹. Царское правительство хотело как можно быстрее направить в прифронтовую полосу сотни тысяч рабочих-тыловиков, не считаясь с разгаром летних сельскохозяйственных работ.

Объявление указа застало колониальные власти Туркестана врасплох. Впоследствии туркестанский генерал-губернатор А. Куропаткин писал в докладе Главному штабу, что население и администрация края совершенно не были подготовлены к исполнению царского указа¹².

Однако представители местной администрации ревностно приступили к осуществлению «высочайшего повеления». Согласно дополнительным указаниям туркестанского и степного генерал-губернаторов, набор должен был производиться в две очереди. В первую намечалось призвать из Туркестана 250 тыс., а из Степного края — 140 тыс. человек¹³.

Набор тыловых рабочих имел ярко выраженную социальную подоплеку. Колониальные власти разработали специальные инструкции, согласно которым представители «туземной» администрации, их джигиты (вооруженная охрана), духовенство, так называемые «почетные граждане» и некоторые другие категории имущих слоев населения освобождались от набора. Кроме того, любому лицу разрешалось нанять вместо себя другого человека. Это было в интересах эксплуататорской верхушки и представителей местных властей, которые получили еще большие возможности для злоупотреблений и произвола. Даже туркестанский генерал-губернатор был вынужден отметить «целый ряд возмутительных случаев вымогательства, доходивших до арестов отдельных туземцев, не желавших подносить требуемую сумму, которой можно было откупиться от наряда». Все это усиливало ненависть народных масс к царизму и местным эксплуататорам.

Указ о мобилизации сотен тысяч людей на тыловые работы явился одной из важнейших причин восстания 1916 года. Он затрагивал кровные интересы подавляющего большинства населения. Народным массам была ненавистна грабительская империалистическая война. Мобилизация трудоспособного мужского населения грозила семьям бедняков полным разорением.

Непосредственным поводом к восстанию послужили первые же распоряжения властей «о безотлагательном составлении списков мужчин-туземцев в возрасте от 19 до 31 г.», вызвавшее резкое возмущение населения. «Брожение росло, — писал военный губернатор Самарканд-

¹¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 34.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-25, оп. 1, д. 419, л. 12.

¹³ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 77, 145—147, 503, 573.

ской области генерал Н. Лыкошин, — драки и убийства вспыхивали то в одном, то в другом месте, уговоры и увещания местных властей не действовали, разъяснениям не доверяли, пока, наконец, все это не вылилось в форму открытого восстания против русского правительства»¹⁴. Куропаткин также признавал, что местное население «довольно нервно отнеслось к этому распоряжению» и «вслед за объявлением реквизиции рабочих начались беспорядки», которые охватили весь край.

Начавшееся со стихийного выступления трудящихся Ходжента 4 июля 1916 г. восстание вскоре охватило все области Туркестана и Степного края.

Стремясь предотвратить развертывавшиеся события, царские власти издали 17 июля 1916 г. указ об объявлении Туркестанского военного округа на военном положении. Однако это не могло остановить рост народного движения.

Открытое сопротивление набору происходило в Пенджикентской, Даульской, Чашмаобской, Фальгарской и других волостях Самаркандской области¹⁵. Вооруженные палками, кетменями, топорами толпы народа нападали на волостных управителей, старшин, представителей колониальной администрации. Самаркандский уездный начальник полковник А. И. Мартинсон в донесении военному губернатору области писал, что население уезда не слушает никаких распоряжений представителей власти. Далее, сообщая об избииении повстанцами старшин, Мартинсон заключал: «По-видимому, старшины эти не безгрешны при составлении списков»¹⁶.

Самаркандский военный губернатор Лыкошин в телеграмме на имя туркестанского генерал-губернатора признал провал осуществления указа. «На добровольное подчинение туземцев вряд ли можно рассчитывать», — сообщал он¹⁷.

Вслед за Самаркандским восстал Джизакский уезд. Движение разрасталось с неимоверной быстротой. Трудящиеся были возмущены указом и тем, что богатые добивались для своих сыновей освобождения от мобилизации, а местные власти творили бесчинства. Участник восстания в Джизакском уезде Абдали Уразбаев в своих воспоминаниях пишет: «По указу 3—4 дома посылали 1 мардикера. Богатые откликнулись деньгами и покупали бедняков, бедняки не имели денег и не могли откупиться, потому и начали восстание»¹⁸.

В речи на заседании Государственной думы (13 декабря 1916 г.) депутат Джафаров, анализируя начало джизакских событий, признал, что «возможность откупиться от призыва путем поставки вместо себя другого породила массу недоразумений между имущими и неимущими массами населения, именно здесь нужно искать первую вспышку того, что потом кровавым потоком разлилось по всему Джизакскому уезду... В мозгу туземцев зарождалась мысль, что начальство на стороне богатых людей, и поэтому всякий, кто имел над ними хотя бы какую-нибудь власть, будь то русский или мусульманин, в их глазах являлись виновниками того, что они должны отправляться на работу в район действующей армии. В воздухе висела угроза расправ с поря-

¹⁴ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 101.

¹⁵ Там же, стр. 110—111, 116—117.

¹⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1135, л. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, д. 329, л. 77—94; д. 1100, л. 89 об.—90.

ботителями-богачами и теми, кто их поддерживал, то есть с начальством»¹⁹.

Встревоженный развивавшимися событиями начальник Джизакского уезда Рукин решил предупредить восстание и, собрав население г. Джизака в старгородской мечети, заявил: «Как я слышал, среди вас имеются лица, желающие оказать сопротивление, поэтому ставим на вид, я предупреждаю вас, что если вы окажете сопротивление правительству, то я сделаю так, что ваше имущество и вы сами будете сравнены с землей»²⁰. Представители «туземной» администрации Акрам тура, Мухтархан тура, Абдусамат Магзум и другие заявили уездному начальнику о полной поддержке ими царского указа и дали подписку, что будут помогать властям в осуществлении набора и предупреждении народных волнений.

Угрозы уездного начальника и поведение представителей местных властей еще более взволновали население.

Утром 13 июля большая толпа жителей старого Джизака напала на старгородского старшину М. Худоярханова, убила его и направилась в новый город. Среди участников волнения было 160—180 гончаров, возглавляемых Дамином Кулолом, 170—180 кустарей-текстильщиков под руководством Ташпулата Рахманова, 300 ремесленников во главе с Карабаем Кабуловым и Ашурматом, 90—100 мыловаров, возглавляемых Таджибаем-аксакалом, до 300 пекарей, руководимых Абдуллой Ачиловым и Курбанбаем Уруновым, и многие другие²¹.

Повстанцы убили джизакского уездного начальника полковника Рукина, пристава, двух стражников и переводчика. Прибывший к месту событий отряд солдат открыл огонь по восставшим, в результате чего было убито 11 человек.

Восстание перекинулось и на другие города и районы края. В ходе его феодально-клерикальные элементы во главе с потомком чардаринского бека Абдурахманом Джевачи пытались использовать народное движение в своих реакционных, сепаратистских целях. Они спровоцировали в некоторых волостях, межнациональную рознь, объявили «газават» («священную войну») против русских. Но широкие народные массы не поддержали их, и эта авантюра потерпела провал.

К восстанию в Самаркандской области хронологически примыкают события в Сырдарьинской области. Наиболее значительными были выступления народных масс в Ташкенте — главном административном центре Туркестанского генерал-губернаторства, а также в Той-Тюбе (22 июля) и Чимбае (28 июля).

Несмотря на репрессии царских карателей, восстание расширилось и вскоре охватило Ферганскую долину, где, по официальным данным колониальной администрации, произошло в три с лишним раза больше народных выступлений, чем в Самаркандской или Сырдарьинской областях. В Ферганской долине, где социальные противоречия носили особенно острый характер, в движении участвовали более широкие слои трудящихся кишлаков и городов. В Маргилане, например, в нем участвовало свыше 25 тыс. человек. Они убили несколько аксакалов и полицейских чинов²². Аналогичные выступления произошли в Андижане, Намангане и многих других местах.

¹⁹ Материалы Джизакской научной экспедиции... т. I, стр. 21.

²⁰ Цит по кн.: З. Д. К а с т е л ь с к а я, указ. соч., стр. 84.

²¹ Т. У р у н х ў ж а е в, Унутилмас кунлар, Тошкент, 1961, стр. 52.

²² Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 229; ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 530, д. 1068, л. 54—62.

Из известных нам выступлений, состоявшихся в июле 1916 г. в Ферганской области, в 14 случаях произошли кровавые столкновения с войсками и полицией. По официальным данным, было убито 56 восставших и ранено 109, из которых 28 умерли от тяжелых ран²³. В действительности же число убитых и раненых было гораздо больше, ибо, как отмечал ферганский военный губернатор, нередко восставшие быстро уносили убитых и раненых, и властям не удавалось точно определить их количество²⁴.

Во время столкновений был убит один русский полицейский, ранены один офицер и пять солдат из казачьих сотен. Восставшие особенно часто нападали на представителей местных властей. По официальным (далеко неполным) данным, в Ферганской области было убито 34 человека, в том числе 8 волостных управителей, 11 сельских старшин, 5 пятидесятников, 10 джигитов, местных полицейских и др.

Волостные управители, пятидесятники, сельские старшины, казии и другие выходцы из имущих классов, были ревностными прислужниками колониальной администрации и потому вызывали особую ненависть трудящихся. В секретном донесении Туркестанского охранного отделения по поводу убийства араванского волостного управителя сообщалось, что оно «произошло ввиду сильных поборов, чинимых последним с населения». Волостной управитель вместе с писарем Гафуром внесли в призывные списки всех мужчин, а затем вычеркивали из списка тех, кто давал взятку. Так же поступали и другие управители области.

Между прочим, писарь Гафур, получавший 25 руб. в месяц, разбогател благодаря поборам так, что за два года купил себе большое земельное владение и накопил свыше 10 тыс. руб.

Многие чины низовой администрации бежали от мести народа. Ферганский военный губернатор Гиппиус сообщал в Ташкент: «Из всех уездов я получаю очень тревожные сведения. Туземная администрация уездов напугана настолько, что бежит из волостей в город, боясь кровавой расправы»²⁵.

Восстание 1916 года начало перерастать кое-где в движение дехканских масс против местных феодалов и баев. Восставшие не только убивали волостных управителей, старшин и судей, но и нападали на дома крупных землевладельцев и ростовщиков. Так, в сел. Чуама Майгирской волости Андижанского уезда повстанцами были разгромлены дома старшины и его отца — крупного ростовщика Каримбая Туракулова.

Следует отметить, что восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, возникнув как стихийное движение масс, на всем своем протяжении не имело организующего и руководящего начала. Безоружные повстанцы не в состоянии были оказать сопротивление царским войскам, учинившим кровавую расправу с участниками движения. Огню и полному уничтожению были преданы ряд кишлаков. Сгорел и старый город Джизака.

После подавления восстания с 25 июля по 15 декабря 1916 г. только по Туркестану в военно-прокурорский надзор поступило 148 дел, по которым привлекалось к ответственности свыше трех тысяч участников восстания. Из преданных суду лишь по 40 делам 587 человек были приговорены: к смертной казни — 202, к каторжным

²³ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1100, л. 40, 44.

²⁴ Там же, л. 40.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 1132, л. 44.

работам — 104, а остальные — к тюремному заключению. После утверждения приговоров главнокомандующим военным округом 20 человек были казнены, 162 отправлены на каторжные работы, остальные заключены в тюрьму²⁶. Так же действовали военно-полевые суды и в Казахской степи.

Основными причинами поражения восстания были отсутствие непосредственного руководства им со стороны рабочего класса, стихийность и разрозненность, свойственные всем крестьянским движениям. Однако в стычках и боях с царскими войсками, карательными отрядами, полицией, кулацко-байскими бандами трудящиеся массы коренного населения Средней Азии и Казахстана прошли большую школу революционной борьбы, воочию увидели своих истинных друзей и врагов.

Восстание 1916 года, как одно из крупнейших национально-освободительных движений в царской России эпохи империализма, имеет важное значение в истории народов Узбекистана. Оно было прямым результатом назревшего в России революционного кризиса и способствовало дальнейшему подъему движения народных масс против царизма. В этом — важнейший итог и значение восстания 1916 года, направленного против царизма и империалистической войны. Начавшись как антиколониальное и антиимпериалистическое, оно постепенно переросло в антифеодальное движение.

Народное движение проходило в различных формах — от демонстраций протеста, возмущений, ухода рабочих с предприятий, а батраков — из байских и кулацких хозяйств — до открытых массовых выступлений. Оно носило национально-освободительный характер и было направлено против колониального гнета, представляя собой часть общей борьбы народов России против войны и царского самодержавия.

Основной движущей силой восстания были трудящиеся кишлака и аула — дехкане и скотоводы, а потому оно приобрело характер крестьянской войны. Активное участие в восстании приняли также трудящиеся городов — местные рабочие, полупролетарские элементы, ремесленники, представители демократической интеллигенции.

В ходе восстания из народной среды выдвинулись подлинные вожаки масс — Ачил Бабаджанов, Юлчи Ибрагимов, Гулям Камалов и многие другие.

Одной из характерных особенностей восстания, показывающих его всенародный характер, является широкое участие в нем женщин, веками находившихся в рабском положении в обществе и семье.

Национальная буржуазия, феодально-байские элементы и мусульманское духовенство сыграли в восстании реакционную, предательскую роль. Находясь в зависимости от царизма и русской империалистической буржуазии, боясь широкого размаха революционного освободительного движения, национальная буржуазия открыто перешла в лагерь реакции. Она не только не участвовала в восстании, но активно помогала колониальной администрации подавлять народное движение и осуществлять царский указ о наборе. Оппозиция части национальной буржуазии не шла дальше подачи прошений об отсрочке мобилизации, оставлении части мобилизованных для работы в байских хозяйствах, промышленных заведениях и т. п.

В. И. Ленин писал, что «буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные

²⁶ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, стр. 73.

сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и против своего народа»²⁷. Эта характеристика вполне применима и к национальной буржуазии Средней Азии и Казахстана.

В ходе восстания трудящиеся массы Средней Азии все глубже убеждались в том, что они могут избавиться от всякого социального и национального гнета только при помощи и под руководством русского пролетариата. «Диалектика истории такова, — писал В. И. Ленин, — что мелкие нации, бессильные, как самостоятельный фактор в борьбе с империализмом, играют роль как один из ферментов, одна из бацилл, помогающих выступлению на сцену настоящей силы против империализма, именно: социалистического пролетариата»²⁸. В свете этого положения восстание народов Средней Азии и Казахстана 1916 года надо рассматривать как один из важных факторов, способствовавших усилению революционного движения рабочего класса России.

Восстание серьезно обеспокоило царское правительство, которое принимало лихорадочные меры к усилению гарнизонов в Туркестане и созданию карательных отрядов, перебрасывало сюда воинские части из внутренних губерний России. Против повстанческого движения было направлено 14 батальонов солдат, 33 сотни казаков, 10 орудийных и пулеметных расчетов.

Упорное сопротивление народных масс помешало царскому правительству осуществить в Средней Азии и Казахстане в полном объеме набор рабочих на военно-тыловые работы. На 1 марта 1917 г. из Туркестана было отправлено 123 тыс. рабочих-тыловиков²⁹, т. е. менее половины первоначального плана набора.

Несмотря на поражение восстания, оно имело большое социально-политическое значение, ускорило рост классового самосознания и подъем революционного движения трудящихся масс.

В заключение хочется сказать несколько слов о дальнейших задачах изучения истории данного движения.

Хотя по истории восстания опубликовано немало работ и сборников документов, нам предстоит еще многое сделать в этом направлении. Требуется более глубокий анализ социального состава участников движения. Исследователи располагают для этого многочисленными архивными источниками, в частности материалами царских военных судов над повстанцами, которые позволяют полнее раскрыть характер восстания и его движущие силы. Кстати, многие из этих материалов все еще не опубликованы. Следует принять меры к публикации новых сборников документов и шире использовать их в исследованиях.

До сих пор слабо изучен вопрос о роли русских рабочих и социал-демократических организаций Туркестана в восстании 1916 года. Историками выявлены пока лишь некоторые факты, свидетельствующие о благожелательном отношении передовых русских людей к восстанию (например, о русском враче Стец, спасавшем и лечившем раненых повстанцев), о связях большевиков с тургайским восстанием и др.³⁰ Необходимо тщательное исследование связи рабочего движения с национально-освободительным движением в Туркестане.

²⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 113.

²⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 56.

²⁹ П. А. Ковалев, Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 82.

³⁰ Об этом подробнее см.: Х. Т. Турсунов, Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1962.

Не все еще сделано нами в разоблачении буржуазных фальсификаторов истории, которые продолжают извращать характер и движущие силы восстания 1916 года. Глубокая критика домыслов буржуазных историков позволит полнее раскрыть сущность и характер восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане.

В изучении истории восстания важное значение имеет фольклор. В народных песнях, поэмах бахши, посвященных событиям 1916 г., отражены страдания масс от произвола и насилия эксплуататоров, начало и ход народной борьбы, недостатки и уроки движения. В этом отношении заслуживают всяческой поддержки многолетние плодотворные исследования наших фольклористов — доктора филол. наук Х. Т. Зарифова, кандидатов филол. наук М. Афзалова, М. Алавия и других. Дальнейший сбор и научный анализ произведений народного творчества позволят полнее раскрыть картину этого массового народного движения.

Всеобщее признание получили произведения наших писателей и деятелей искусства, воссоздавших немеркнущие образы героев восстания 1916 года. Роман Айбека «Священная кровь», переведенный на многие языки мира, стал одной из любимых и волнующих книг миллионов читателей. Это монументальное художественное произведение имеет большое значение и в освещении восстания 1916 года. Созданные на основе романа драма и кинофильмы еще более приблизили героев восстания к нашим современникам. Много ценных материалов о восстании 1916 года содержится также в произведениях Назира Сафарова.

Нашим писателям, поэтам, деятелям искусства надо создавать новые художественные произведения, всесторонне освещающие восстание 1916 года и другие революционные выступления узбекского народа, что имеет огромное значение для воспитания советской молодежи на замечательных революционных традициях прошлого.

Б. В. ЛУНИН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ЭТНОГРАФ ШАХИМАРДАН (ИВАН) ИБРАГИМОВ

Среди представителей национальной интеллигенции Средней Азии, нарождавшейся под влиянием передовой русской культуры во второй половине XIX в., видное место принадлежит Шахимардану Мирясовичу (Ивану Ивановичу) Ибрагимову. Близкий знакомый Чокана Чингисовича Валиханова, деятельный сотрудник русской и национальной печати Туркестана, участник научных изданий того времени, он оставил заметный след как во многом прогрессивно мыслящий этнограф-бытописатель жизни казахского, узбекского и туркменского народов.

Некоторые из печатных произведений Ибрагимова используются исследователями, другие забыты, но личность и жизнь их автора остаются почти неизвестными. Поэтому весьма отрадным было появление в 1964 г. небольшой, но ценной публикации ныне покойного Э. А. Масанова¹, в которой впервые сделана попытка дать общую биографию Ибрагимова (вернее материалы к ней), пополненную новыми, ранее неизвестными сведениями. В статье Э. А. Масанова мы находим текстуральные извлечения из архивных материалов и литературы, содержащие важные сведения об Ибрагимове и его деятельности («Документы о жизни и деятельности Ш. М. Ибрагимова»). Э. А. Масанов составил также наиболее полный список публикаций Ибрагимова².

Однако некоторые существенные факты из биографии Ибрагимова остались вне поля зрения автора, и, что особенно важно, — в статье, за небольшим исключением, не рассматриваются содержание, целенаправленность и характер его публикаций, их научно-общественная значимость, без чего нельзя получить достаточно полного представления о жизни и деятельности Ибрагимова. Не дано также анализа вопроса о степени дружеской близости его с Валихановым. Возможно, Э. А. Масанов предполагал вернуться к этим вопросам, но безвременная смерть помешала талантливому историографу осуществить свой замысел³.

Здесь мы попытаемся пополнить биографические данные об Ибрагимове и дать общий краткий обзор его этнографических публикаций. Родился Ибрагимов в 1841 г. в Оренбургской губернии⁴. По данным

¹ Э. А. Масанов, Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова, Вестник Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1964, № 9, стр. 53—60.

² Под названием «Научные труды Ш. М. Ибрагимова» в списке фигурируют и некоторые его публикации, не имеющие научного характера.

³ Эдиге Айдарбекович Масанов, Некролог, Советская этнография, М., 1965, № 6, стр. 143—144.

⁴ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 52. У Ибрагимова был брат (по-видимому — близнец) — Шахимурат Мирясович (Федор Иванович), служивший письмоводителем у отца Ч. Ч. Валиханова — султана Чингиса, а с 1870 г. и по день смерти (3 февраля 1881 г.) — в Ташкенте в должности переводчика персидского и татарского язы-

его формулярного списка, составленного в декабре 1869 г., он воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, но «курса наук в этом заведении не окончил»⁵. Затем пребывал в Омском полубатальоне военных кантонистов в качестве воспитанника, «приготовливающегося» в переводчики с татарского языка, в чем ему и было выдано свидетельство.

Национальность Ибрагимова точно не установлена. Н. И. Веселовский называл его «соотечественником Валиханова», т. е. казахом. Э. А. Масанов, ссылаясь на «целый ряд документов», но не называя их, категорически утверждал, что он «башкир по национальности»⁶.

С 11 ноября 1854 г. Ибрагимов работал переводчиком, а с 10 января 1868 г. — столоначальником Петропавловского городского управления⁷. К этому периоду относится и его общение с Чоканом Валихановым, о котором он оставил ценные воспоминания⁸. Однако обстоятельства и время их первоначального знакомства неизвестны⁹.

Из воспоминаний Ибрагимова видно, что он был довольно близок к Валиханову и его семье, в числе других участвовал во встрече Чокана Чингисовича при возвращении из Петербурга домой (в 1861 г.) и сопровождал его в поездке из Кокчетавы в аул, к отцу. Об этом свидетельствуют воспроизведенные Ибрагимовым детали поездки, слова Валиханова, обращенные к спутникам, и т. п.

Ибрагимов был очевидцем встречи Валиханова со своими родителями, подробно описал ее и ряд других эпизодов пребывания Валиханова в родном ауле. Можно полагать, что Ибрагимов пользовался доверием и расположением Чокана Чингисовича. Так, описывая семейную ссору, вызванную желанием Валиханова жениться на служанке его матери, он вспоминает: «Чокан написал своему отцу на большом листе... записку и просил меня прочесть ему, если отец попросит меня. Отец прочел и спрятал у себя записку, мне не показал»¹⁰.

ков Сырдарьинского областного правления, при канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства и др. О его службе в Ташкенте см. газ. «Туркестанские ведомости» (далее ТВ), 1870, № 15; 1872, № 26, 48; 1873, № 18; 1880, № 6, 30, 38, 46; 1881, № 5, 8, 12. Автор некролога, посвященного Ф. И. Ибрагимову, Н. А. Маев указывал, что, «имея постоянно по службе своей сношения со множеством просителей» (из среды коренного населения), Ф. И. Ибрагимов «скоро сделался известным между... населением Ташкента как человек гуманный, всегда готовый оказать помощь нуждающемуся и делом, и добрым советом». (ТВ, 18 февраля 1881, № 6, стр. 24).

⁵ Причины, побудившие И. И. Ибрагимова покинуть корпус, неизвестны. Документы свидетельствуют, что обучавшийся вместе с ним его брат Шахимурат «по просьбе матери... уволен из заведения по домашним обстоятельствам 26 июня 1854 г.» (ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 1932, л. 606—607). Видимо, по той же причине оставил корпус и Шахимардан Ибрагимов.

⁶ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 53. Возможно, Масанов имел в виду примечание редакции к статье Ибрагимова в «Записках» ИРГО (т. VIII, 1878, стр. 234), где он назван «образованным башкиром», что, однако, не может служить основанием для окончательного суждения о национальности Ибрагимова. Неясно также, были ли имена Шахимардан и Шахимурат первоначальными именами Ибрагимовых. Вспомним, что Валиханов (Чокан Чингисович, по отцу — Чингису) получил мусульманское имя Мухаммед-Ханафия.

⁷ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 4, д. 106, л. 234—237. (Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 55).

⁸ И. И. Ибрагимов, Воспоминание о Чокане, в кн.: «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», Записки отд. этнографии РГО, СПб., 1904, т. XXIX, стр. XL—XLVI (см. также кн.: «Чокан Валиханов в воспоминаниях современников». Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии А. Ахметова, Алма-Ата, КазГИЗ, 1964, стр. 110—114).

⁹ Не относится ли оно ко времени учения Валиханова и Ибрагимова в кадетском корпусе? Валиханов окончил корпус в 1853 г. Братья Ибрагимовы оставили корпус в 1854 г.

¹⁰ Чокан Валиханов в воспоминаниях современников, стр. 114.

Близость Ибрагимова к Валиханову подтверждается также тем, что в 1863 г. Валиханов ходатайствовал перед начальником областного правления сибирских киргизов К. К. Гутковским о переводе Ибрагимова в Кокчетав: «Ибрагимова нельзя ли сделать секретарем в наш приказ»¹¹.

Естественно, возникает вопрос — не под влиянием ли Валиханова зародился у Ибрагимова интерес к этнографии? Вспомним, что этнографическая статья Ч. Ч. Валиханова «Следы шаманства у киргизов» была написана им в 1862 г., т. е. во время его пребывания в степи, у отца, где с ним и общался Ибрагимов. Здесь же Валиханов написал и «записку № 2» («из черновых бумаг Чокана Валиханова») о распространении ислама и христианства в киргизских (казахских) степях. Известно также, что в это время Валиханов усердно занимался научной работой, в частности «собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен»¹², изучал киргизские законы, которые «имеют связь с уложением Чингис-хана». Он часто общался со своими сородичами, рядовыми жителями степей, вел с ними беседы, интересовался их жизнью и бытом, прошлым и настоящим.

С 1870 г. И. И. Ибрагимов начал службу в Ташкенте в должности переводчика с персидского и татарского языков при канцелярии туркестанского генерал-губернатора¹³. Он обратил на себя внимание несомненными способностями, общей культурой и кругозором, хорошим знанием языков. Последнее подтверждается тем, что 24 ноября 1870 г. его перевели на должность переводчика «маньчжурского и татарского языка», вместо П. И. Пашино — питомца восточного факультета Петербургского университета, работника с большой специальной подготовкой¹⁴.

В 1871 г. Ибрагимов — участник комиссии по выявлению возможности «применения русского алфавита к чтению и письму на сартовском языке» и «согласованию краткой хрестоматии самых легких рассказов на сартовском языке в русской транскрипции» (в связи с заявлением на имя генерал-губернатора Сейид Азим-бая о желательности открытия в Ташкенте школы для детей коренного населения «на новых началах с преподаванием русского языка и общепринятых в мусульманских школах наук»; ТВ, 1871, № 21).

Ибрагимов участвовал также в комиссии по приему арабского шрифта, полученного из Петербурга для типографии Военно-народного управления. В 1874 г. Ибрагимов посетил по делам службы Петербург (ТВ, 1874, № 23), в 1876 г. — Ферганскую область (ТВ, 1876, № 40), в 1875 г. участвовал в Кокандском походе переводчиком при Полевом штабе (ТВ, 1875, № 33).

С 1870 по 1878 г. И. И. Ибрагимов — редактор «Туркестан вилайети газети», выходившей на казахском («киргизском») и узбекском («сартовском») языках.

¹¹ Имеется в виду Кокчетавский окружной приказ, в котором с 31 июля 1856 г. в должности султанского письмоводителя работал брат Ибрагимова — Шахмурат.

¹² Письмо к А. Н. Бекетову, 2 января 1862 г. (Чокан Валиханов, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, стр. 554).

¹³ О его служебной деятельности в Туркестане см.: ТВ, 1870, № 9, 11, 15, 28, 34, 35; 1871, № 13, 21; 1872, № 3, 5; 1874, № 1, 6, 23; 1875, № 33; 1876, № 2, 40; 1877, № 3; 1878, № 9, 24, 29, 48; 1879, № 36; 1880, № 25, 48; 1881, № 1, 3, 5, 27, 47, 48; 1882, № 16, 19, 41; 1884, № 35; 1885, № 40; 1886, № 5.

¹⁴ О нем см.: Е. И. Гневушева, Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино, М., Госгеографиздат, 1960, стр. 112.

В 1873 г. его брат Ф. И. Ибрагимов временно замещал, а в 1878 г. — сменил его на этом посту¹⁵.

1 июля 1878 г. Ибрагимов был назначен на должность и. о. старшего чиновника по дипломатической части при генерал-губернаторе (ТВ, 1878, № 29). В следующем году, пользуясь отпуском, он посетил Германию и Францию (ТВ, 1879, № 36, 44), а в 1880 и 1881 гг. возглавлял русские посольства в Бухару. В апреле 1882 г. ему вынесли благодарность «за прекрасное во всех отношениях исполнение в продолжение всех четырех лет обязанностей дипломатического чиновника» (ТВ, 1882, № 19). Однако, 12 октября 1882 г. приказом генерал-губернатора Черняева он был «уволен, по прошению, от службы с мундиром».

Э. А. Масанов связывает эти факты, и, видимо, не без основания, с тем, что Черняев имел «столкновение с Ч. Ч. Валихановым и не любил и его друзей»¹⁶. Во всяком случае, характерно, что после замены Черняева Ибрагимов вернулся в Туркестан и был зачислен сверхштатным чиновником Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В 1886 г. он состоял в Петербурге при Путевой канцелярии туркестанского генерал-губернатора (ТВ, 1886, № 5). Этот период его деятельности известен пока еще слабо.

За год до этого, в 1885 г., возник, очевидно, вопрос о «повышении» Ибрагимова и возможности использования его на службе по ведомству народного просвещения. В связи с этим всемогущему обер-прокурору святейшего Синода К. Н. Победоносцеву было послано письмо, в котором небезызвестный Н. И. Ильминский с циничной откровенностью великодержавного шовиниста и ретрограда высказывался против кандидатуры Ибрагимова. «Для нас вот что подходяще было бы, — писал он, — чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника и т. п.». Ибрагимов же, по словам Ильминского, был слишком «тонким инструментом» и привлечение его к ведомству просвещения явилось бы делом рискованным.

Ильминский видел Ибрагимова в 1884 г. в Ташкенте, где Иван Иванович был известен «как отличный знаток азиатских языков и дельный дипломат». Он, писал Ильминский, «довольно высокий, стройный, тончайший, цивилизованный (курсив здесь и далее наш. — Б. Л.) и вполне коммифотный, можно сказать, блестящий... Говорит бойко, красноречиво и энергично... служив долго в центре Туркестанского управления, он, как человек внимательный и умный, вероятно, отлично узнал всю подноготную мусульманских стран, народов и правительств; как на ладони, видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли; лично знаком со многими лицами и в России, и в Средней Азии, и в Индии, и в Киргизской (Казахской. — Б. Л.) степи и т. д... (он) владеет блестящим русским говором и изложением, идеями прогрессивными, даже, когда нужно, либеральными, обращением и манерами ловкими и совершенно светскими, смелостью и умелостью держать себя с достоинством, но без дерзости перед кем угодно».

¹⁵ Работа братьев Ибрагимовых по редактированию газеты ускользнула от внимания даже такой компетентной специалистки, как покойная М. П. Авшарова, в ценнейшем указателе которой («Русская периодическая печать в Туркестане. 1870—1917 гг.») в качестве редактора газеты указан только Ш. М. Ибрагимов (стр. 64, 156). Деятельность И. И. Ибрагимова как редактора и автора «ряда этнографических очерков киргизского народа» была отмечена на страницах «Записок» Восточного Отделения Русского Археологического Общества (т. IX, СПб., 1896, стр. 256, «Двадцатипятилетие Туркестанских ведомостей»).

¹⁶ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 54.

Примечательно то, что именно эти положительные качества побуждали Ильминского высказаться против кандидатуры Ибрагимова, который «наших мешковатых духовных может стусевать», «... может обаять и облепить наших господ и чинов высшего управления. Тевкелев (оренбургский муфтий) перед ним мешок»¹⁷.

Для более полной характеристики личности Ибрагимова следует указать, что в начале 1878 г. он был назначен членом следственной комиссии по расследованию фактов незаконной скупки крупных земельных участков группой «господ ташкентцев» — начальником Кураминского уезда полковником Гуюсом, генерал-лейтенантом Головачевым, камер-юнкером Савенковым и др. Несмотря на все попытки замкнуть дело, члены комиссии (Д. М. Граменицкий, И. И. Ибрагимов и др.) довели свои функции до конца, опросив 800 человек — «виновных, участников, пособников, потерпевших и свидетелей». Они вскрыли истину вопреки тому, что «обвиняемые благодаря своему служебному положению имели сильное влияние на коренное население» (ТВ, 1878, № 9).

Примечателен факт пребывания И. И. Ибрагимова членом Туркестанского Отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, на заседаниях которого были заслушаны, в частности, его «несколько очерков из жизни киргизского народа, в которых подробно описывались рождение, обручение и женитьба киргизов Большой Орды», и «о материалах к характеристике мусульманских мулл в Киргизской степи»¹⁸.

Дипломатические способности Ибрагимова, проявленные им в годы службы в Туркестанском крае, не остались незамеченными. В 1890 г. он был назначен генеральным консулом российского консульства, учрежденного в портовом городе Джидде (ныне Саудовская Аравия). По этому поводу «Туркестанские ведомости» писали: «Не сомневаемся, что и на аравийском берегу И. И. Ибрагимов заслужит вскоре такую же любовь и уважение, какими пользовался он во все время своей долголетней службы в Туркестане» (ТВ, 10 июля 1890, № 28).

Очевидно, так оно и было бы, но менее чем через год жизнь И. И. Ибрагимова трагически оборвалась. Обстоятельства его смерти описаны служившим в Джедде сотрудником русского консульства. По его словам, вскоре после приезда к месту назначения Ибрагимов посетил Мекку, где в то время вспыхнула эпидемия холеры. «Оставив жену в Мекке, Ибрагимов с двумя джигитами и с одним из туркестанцев выехали в Джедду... Не проехали они и несколько сот сажен, как... с ним сделался сильный кровавый понос... Ибрагимов скончался, не доезжая

¹⁷ См. «Письма Николая Ивановича Ильминского», Казань, 1885, стр. 176—177. На страницах известной книги А. И. Добросмыслова «Ташкент в прошлом и настоящем» (Ташкент, 1912, стр. 291) об Ибрагимове сказано: «Первым редактором («Туркестанской туземной газеты») был назначен татарин (!? — Б. Л.), переводчик... Шагимурад Мирасович Ибрагимов, человек малограмотный, обучавшийся всего в одном или двух классах сибирского кадетского корпуса». Здесь Добросмыслов явно путает Шахимардана Ибрагимова с его братом Шахимуратом (в 1891 г. скончался Шахимардан, а не Шахимурад), и сама оценка эта, тенденциозная и сугубо несправедливая, может быть объяснена только получением Добросмысловым сведений от того-либо из шовинистически настроенных и пристрастных колониальных чиновников.

¹⁸ Б. В. Лукин, Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, Ташкент, 1962, стр. 97. И. И. Ибрагимов участвовал также в работе группы членов Среднеазиатского ученого общества (1870—1871), разработавшей проект «транскрибированного мусульманскими буквами словаря русских слов» в помощь коренному населению края и аналогичного словаря «туземных слов» в помощь русским (см. текст записки Бекчурина, Ибрагимова и Еникеева с дополнениями Федченко; там же, стр. 85—88).

до станции Хадда. Тело его доставлено в Джедду... На его могиле поставлен камень с надписью на русском и арабском языках... Покойный... относился к своим обязанностям ревностно и вел дело энергично, а потому его до сих пор с злобой вспоминают разные далили, вакили, те наши туркестанцы, которые в Джедде берут от легковых паломников деньги на сохранение на время поездки их в Мекку, и вообще все проходимцы, живущие исключительно обиранием паломников, всячески их эксплуатируя. Он, как русский консул, старался защищать своих соотечественников от этой саранчи... и вообще помогал им по мере возможности»¹⁹.

«В Ташкенте, — сообщала газета «Туркестанские ведомости» 30 июля 1891 г., — получено грустное известие о кончине... Ш. М. Ибрагимова.... Кончина этого, сравнительно еще молодого, энергичного человека, на которого возлагалось столько надежд и русскими и мусульманами, произвела удручающее впечатление на всех, кто знал близко и искренно уважал Шахимардана Мирясовича Ибрагимова».

Перейдем теперь к краткой характеристике этнографических публикаций Ибрагимова. Первая из них появилась в 1870 г. на страницах «Туркестанских ведомостей»²⁰. Это были записи 103 казахских пословиц, собранных Ибрагимовым в «Киргизской степи Сибирского ведомства». Среди них были и пословицы социального звучания, сложившиеся явно в среде трудовых масс («Камень жил не имеет, султан печени не имеет» (т. е. немилостив); «У богача жена умрет — постель обновится, а у бедного жена умрет — голова вскружится», «Пешему сабля нейдет, бедному богатство нейдет»).

Через год Ибрагимов опубликовал 10 стихотворных загадок и отгадок, записанных им «во время разъездов по кочевьям киргизов Большой орды», где «неоднократно случалось встречаться с киргизом Хасаном, 95-летним стариком..., который передал несколько весьма любопытных загадок в стихах»²¹. По словам Хасана, он был певцом и ухаживал за певичей Калипою. На одной из встреч в присутствии многочисленных гостей Калипа пела загадки, а Хасан должен был «разгадывать их в ответной песне».

В 1871 г. в «Туркестанских ведомостях» появилась весьма примечательная (в частности, для характеристики мировоззрения самого автора) статья Ибрагимова о муллах в Киргизской (Казахской) степи. Это был его доклад, прочитанный 8 апреля 1871 г. на открытом заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии²².

Ибрагимов прямо указывал, что вопрос о киргизских муллах связывается им с проблемами преобразования жизни населения киргиз-

¹⁹ Ш. Ибрагимов, Мекка, священный город мусульман, Средне-Азиатский вестник, Ташкент, ноябрь — декабрь 1896 г., стр. 1—5.

²⁰ Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские пословицы, ТВ, 1870, № 1 (47 пословиц), № 6 (56 пословиц). В 1870 г. (ТВ, № 14) Ибрагимов напечатал заметку, «Проповедник нового учения» (о «корыстолюбцах и обманщиках» — бухарце Аврузе и его сподвижнике казанском татарине-ишане, подвизавшихся среди казахов).

²¹ Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские загадки, ТВ, 1871, № 1. «Киргизские загадки» вошли также в содержание книги «Сборник материалов о русском Туркестане», Ташкент, 1871, стр. 452—458. См. также: «Материалы для этнографии Средней Азии». Киргизские пословицы и загадки. I. Киргизские пословицы. II. Киргизские загадки, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 391—400.

²² Ш. Ибрагимов, О муллах Киргизской степи, ТВ, 1871, № 14, стр. 55—56. См. также Ш. Ибрагимов, О муллах в Киргизской степи, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 353—361. Статья «О муллах в Киргизской степи» была выпущена также в приватном издании Н. В. Дмитровского (Ташкент, 1871,

ских (казахских) степей. По его мнению, муллы делились на категории: указных (назначаемых от правительства) и частных (назначаемых самими указными), а также «просто самозванцев», причем неуказные, как более близкие к народу и доступные ему, пользовались у населения наибольшим почетом. Большинство мулл составляли татары или выходцы из Средней Азии и соседних с Казахскими степями государств. Среди мулл было много бывших торговцев. Их образ жизни (нарочитое воздержание, показная скромность, усердное чтение «священных» книг, чтение молитв для исцеления больных и пр.) был направлен на снискание авторитета среди местного населения.

Ибрагимов не скрывал своего резко отрицательного отношения к муллам. По его словам, «мулла не ленится посещать аулы более богатых киргиз, имея от этого существенную пользу; — во-первых, он может в большом количестве и за хорошие цены сбывать свои заговоры и талисманы, а во-вторых, рассказывая легковерным киргизам закон и требы магометанской религии, ... приобретает в народе известность и доверие, а вместе с тем... и садака («всякое подаяние, идущее муллам, как-то: деньги, лошади, вещи и проч.»). Спустя много лет мулла этот, «не имеющий ничего за душой, торгаш, делается владельцем не маленького табуна скота», а женившись на казашке, приобретает себе верных покровителей в лице родственников своей жены; «в указные муллы поступить тогда делается гораздо легче».

Далее Ибрагимов рассказывает о том, как муллы, пользуясь почти поголовной неграмотностью населения, всячески фальсифицировали приговоры обществ об их желании иметь в качестве указного именно данного муллу. В Уфе будущие указные муллы держали у муфтия, в духовном собрании, экзамен на звание муллы²³. После этого «скромный учитель преобразуется... в важного барина, который на какие-нибудь просьбы бедняка не хочет обращать и внимания».

Ибрагимов рисует злоупотребления мулл при оформлении брачных союзов, высмеивает «вычитывание злых духов», совершаемое ими у постели больных, повествует о шарлатанских приемах, к которым они прибегают с целью обирания невежественного населения. Отсюда автор делает вывод: народ ошибается в муллах, которые «нисколько не заботятся о чистоте магометанской религии, да они и сами очень плохо ее понимают. Единственная их забота: набить себе потуже карман»²⁴.

Как видим, антиклерикальная, «валихановская» направленность статей Ибрагимова стоит вне сомнения. Поучителен также вывод Ибрагимова о том, что «ввиду столь вредного влияния мулл на киргизский (казахский) народ, нельзя не пожелать, чтобы поскорее пришло то время, когда это влияние встретит оппозицию со стороны истинного просвещения. Около трех миллионов киргизов более 150 лет находятся в русском подданстве: пора бы, казалось, местным администраторам подумать об участи киргизов».

В 1872 г. Ташкент посетил старший сын кокандского хана, андижанский бек Хан-Заде. На обратном пути его сопровождали войсковой

15 стр.); в этом же издании отдельным оттиском вышла и статья «Пять дней в Кокане» (Ташкент, 1871, 20 стр.). Ср. Н. А. Буров, Дореволюционная печать Туркестана (1868—1879 гг.), Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, вып. 261, Библиография, вып. X, Ташкент, 1964, стр. 69. «Все, что мы будем рассказывать, — писал Ибрагимов, — относится исключительно к восточной части Киргизской степи, т. е. к бывшей области сибирских киргизов».

²³ «Как он там держит экзамен и какие еще претерпевает метаморфозы, мы про это не знаем, но известно, что не было еще примера, чтобы уехавший держать экзамен возвращался оттуда, не получив желаемого», — писал Ибрагимов.

²⁴ Там же, стр. 56—57.

старшина Б. М. Берг и, в качестве переводчика, И. И. Ибрагимов²⁵. В пути Ибрагимов вел дневник, отрывки из которого вскоре были опубликованы²⁶. В них мы находим описание интересных подробностей этнографического характера — прием во дворце, дворцовая обстановка, музыканты, танцоры-бачи, празднества на дворцовой площади, канатоходцы, процессия музыкантов, певцов, танцоров с показом статуй (изображений) Урустема (Рустама) и его жены, курение опиума, местные похоронные обряды, байга (скачки с призами), представление маскарабазов, осмотр загородного ханского сада.

В 1872 г. Ибрагимов публикует свой этнографический очерк о киргизах («племенах, которых русские называли киргизами или киргиз-кайсаками и которые сами себя называют общим племенным именем казак»), т. е. о казахах Большой орды.

По словам Ибрагимова, он ставил своей задачей «собрать и представить в одной полной картине («от колыбели до могилы») быт, нравы и обычаи народа... который всегда возбуждал мою искреннюю симпатию и в характере которого я видел многие светлые черты», стремясь при этом «не упускать при случае проводить параллель между исконными киргизскими и коренными русскими обычаями», которая «может иметь свой этнографический интерес и значение»²⁷.

Действительно, несмотря на краткость очерка, Ибрагимов сумел насытить его ценными конкретными данными о местных обычаях, традициях, предрассудках, связанных с беременностью женщин, рождением и оберегом детей, женитьбой (выбор невесты, свата и пр.), калымом и т. д. Ибрагимов описывает способы определения размера калыма «богатых киргизов черной кости», среднего и бедного класса, обряд сватовства и венчания и т. п., рисует гостеприимство казахов. Далее он рассказывает о способах лечения болезней (домашние средства, приемы баксов-знахарей), похоронных обычаях²⁸.

В 1873 г. Ибрагимов напечатал краткое пособие для всех, «кому придется иметь дело с кара-киргизами и входить в разбирательство их споров и тяжб, часто весьма запутанных». Пособие содержало список соответствующих терминов (до 30) с их объяснениями (из быта и обычаев киргизов): акб, арз, гуа, дос, кун, талак, сауча и др.²⁹

В 1874 г. им опубликованы обстоятельные заметки о хивинских туркменах и киргизах³⁰. По словам автора, он, «состоя в должности переводчика при главном начальнике войск, действовавших в 1873 году против Хивы,... провел четыре месяца в Хивинском ханстве, в течение которых, записывая личные свои наблюдения и рассказы (жителей), успел собрать несколько, быть может, не лишенных интереса сведений

²⁵ Русское посольство в Кокане, ТВ, 1872, № 16, стр. 63—64.

²⁶ И. И. Ибрагимов, Пять дней в Кокане (отрывки из дневника), ТВ, 1872, № 20, стр. 80—81.

²⁷ Ш. Ибрагимов, Киргизы. Этнографический очерк, ТВ, 1872, № 1, стр. 2—3; №2, стр. 6—7; см. также: «Этнографические очерки киргизского народа И. И. Ибрагимова», Русский Туркестан, вып. II, М., 1872, стр. 120—152.

²⁸ В № 2 газеты «Туркестанские ведомости» за 1872 г. следует указание: «Продолжение в следующем номере». Однако в других номерах газеты продолжения очерка Ибрагимова мы не находим. Таким образом, публикация очерка не была закончена.

²⁹ Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве, ТВ, 1873, № 42, стр. 167.

³⁰ И. Ибрагимов, Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (из записной книжки), Военный сборник, т. XLVIII, 1874, № 9, стр. 133—163. Выдержки из «Заметок» были напечатаны на страницах «Туркестанских ведомостей» — Роды и подразделения туркмен Хивинского ханства, ТВ, 1874, № 42, стр. 166.

о туркменах и киргизах, кочующих как в Хивинском оазисе, так и вне его пределов».

«Заметки» открываются «общими замечаниями о туркменах». Автор приводит список родов и подразделений туркмен, «кочующих собственно в Хивинском ханстве, с показанием, насколько это возможно, числа населения в них», а также характеризует узбекско-туркменские отношения. Пользуясь приездом туркмен рода сарык из Мерва к командующему русскими войсками, Ибрагимов собрал сведения об их роде и о текинцах, о родовых подразделениях и местах их кочевий.

Далее он охарактеризовал «нравы, обычаи и особенности жизни туркмен и других народностей Хивинского ханства» (отметив, в частности, что, «в общем, народ в Хивинском ханстве... вовсе не относился враждебно к русским») ³¹. Ибрагимов подробно описал брачные и похоронные обычаи, одежду и обувь туркмен, узбеков и киргизов. Специальный раздел публикации составили сведения о бывших русских пленных, с которыми Ибрагимов встречался в Хиве (Постнов, Клинин и др.). Завершаются «Заметки» данными о породах и особенностях лошадей в Хивинском ханстве ³². В приложении даны «туркменские и киргизские пословицы и поговорки» (17) и «употребительнейшие туркменские и узбекские слова и выражения (с переводом их)», а также «имена у узбеков» и «имена у туркменов» (мужские и женские).

На страницах одного из сборников «Древняя и новая Россия» Ибрагимов описал поминки («ас») по мужчинам как одно из «характеристических празднеств киргизского народа» (на примере поминок, свершенных спустя два года после смерти зажиточного киргиза Чальдина, свидетелем которых он был в июне 1869 г.) ³³. Попутно автор привел некоторые данные об охоте с ястребами и соколами на уток, гусей и перепелов, а также об охоте на волков и с борзыми собаками на лисиц. В очерке содержались тексты некоторых казахских песен (в прозаическом переводе на русский язык), загадок, а также данные по судебному разбирательству и др. Описаны происходившие на поминках состязания певцов и борцов, а также скачки.

В 1878 г. в «Записках» Русского географического общества была опубликована статья Ибрагимова о суде у казахов ³⁴. Статья вошла в том «Записок», посвященный народным юридическим обычаям. По словам автора, он стремился дать в сжатом виде описание казахского суда по местным обычаям (на примере Средней орды). Суд был гласный, очный и апелляционный. Заочные решения выносились редко. В качестве судьи (бия) обычно выступало богатое лицо, в ауле которого проживал ответчик, или почетное лицо, под влиянием которого находился ответчик, либо, наконец, родоначальник. Казахи, враждовавшие между собой, выбирали для решения спорных дел родоначальников со стороны. Недовольные решением бия или родоначальника ждали большого собрания или поминок, на которых старший из аула защи-

³¹ И. Ибрагимов, Некоторые заметки..., стр. 143.

³² См. также: И. И. Ибрагимов, Породы лошадей в Хивинском ханстве, газ. «Коннозаводчик», СПб., 1874, № 19, стр. 166—168.

³³ И. Ибрагимов, Очерки быта киргиз. I. Поминки. Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник, 1876, Год второй, т. III, № 9, стр. 51—63, с 1 рис.

³⁴ И. Ибрагимов, Заметки о киргизском суде, Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии, т. VIII, СПб., 1878, стр. 233—257. Публикуя на своих страницах заметки Ибрагимова о киргизском (казахском) суде, редакция «Записок» в лице действительного члена РГО П. А. Матвеева указывала, что «Ибрагимов — автор интересных «Очерков быта киргизов» в «Древней и новой России» за 1876 г., № 9» (стр. 233).

шал интересы односельчан. Описывая подробности разбора дел, Ибрагимов останавливается также на обычаях мести, на выборах волостных управлений и т. п.

Здесь Ибрагимов проявил себя внимательным наблюдателем, не упустившим из поля зрения и социальную сторону дела. «Волость, в которую выбирали управителя, — отмечал он, — была богатая; многим хотелось покормиться на ней и набить себе карман»³⁵.

Ибрагимов описал систему подкупа избирателей и «разных мошенничеств», которые «каждому выбранному стоят немало денег». Выбранные «спешат скорее нажиться», ибо «уездный начальник может отстранить выборных от занимаемых ими должностей и раньше трехлетнего срока»³⁶. Автор не обошел молчанием и вопроса о злоупотреблениях биев, «которые действительно имеют большое пристрастие к сильным и богатым», о мытарствах рядовых казахов — просителей и истцов.

Изучая печатное наследие Ибрагимова, мы видим, что он, подобно Ч. Ч. Валиханову, отчетливо сознавал прогрессивное значение сотрудничества народов Средней Азии с русским народом.

Нельзя не согласиться с Э. А. Масановым, что печатные работы Ибрагимова «способствовали утверждению гуманного отношения к нерусским народам...», что «он был одним из немногих образованных этнографов, представителей национальных меньшинств, испытавших значительное влияние русской прогрессивной мысли»³⁷.

Ибрагимов делал и переводы с русского на узбекский язык, в частности им была переведена (в извлечениях) статья А. П. Федченко о причинах заболевания риштой³⁸.

Особо надо отметить, что с именем Ибрагимова связано издание первой выпущенной в Средней Азии книги на узбекском языке — «Календаря на 1871 год», составителем которого он был³⁹. Книга вышла в начале марта 1871 г. тиражом 500 экз. и тотчас была распродана, что вызвало необходимость повторного издания ее, осуществленного в конце того же года⁴⁰.

Затем вышел «Календарь» на 1872 г.⁴¹ В объявлении «Туркестанских ведомостей» о выходе этого календаря отмечалось, что в нем помещены, в частности, сведения об образовании Русского государства; о числе жителей в империи; об условиях торговли между Россией, Бухарой и Коканом; о конторах и отделениях Государственного банка; о городских общественных банках; о ярмарках в России, на которые

³⁵ И. Ибрагимов, Заметки о киргизском суде, стр. 243.

³⁶ Там же, стр. 248.

³⁷ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 55.

³⁸ А. П. Федченко, Отчего человек заболевает риштой, Перевод на сартовский И. И. Ибрагимова, Ташкент, 1882; см. также: «Как извлечь ришту», Туркестан вилаети газети, 1872, № 10 (Возможно наличие на страницах данной газеты и других публикаций, связанных с именем Ибрагимова и его брата).

³⁹ Календарь-книжка на 1871 год, Ташкент, 1871, 62 стр. Ср.: Е. К. Бетгер, Из истории книжного дела в Узбекистане, Известия АН УзССР, 1951, № 2, стр. 75—78.

⁴⁰ Географические известия, № 6, 25 августа 1871 г. (Известия ИРГО, т. VII, 1871, стр. 332): «Редакция Туркестанских ведомостей весьма обязательно препроводила в Географическое Общество экземпляр сартовского календаря, составленного по поручению генерал-губернатора Шахимарданом Ибрагимовым и изданного редакцией означенных ведомостей. При этом редактор г. Маев изъясняет, что присылка календаря замедлилась оттого, что все первое издание его разошлось в два дня, и редакция сейчас же приступила ко второму изданию».

⁴¹ Календарь-книжка на 1872 год, Ташкент, 1871, 187 стр. По словам Н. А. Бурова, Бетгер «предполагал, что оно идентично календарю 1871 г. и является его вторым изданием». Экземпляр «Календаря» на 1872 год имеется в собраниях Государственной публичной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте (С. Гафуров, Первый календарь на узбекском языке, Правда Востока, 20 ноября 1965 г.).

азиаты вывозят свои товары; медицинские сведения; список почтовых станций Туркестанского генерал-губернаторства; разные географические данные; почтовые правила и временные постановления по почтовой части; судебный отдел; сведения о расстоянии между Ташкентом и другими городами империи; арабская сказка (в приложении к календарю) и проч.

«Календарь» на 1873 г. печатался в Москве⁴². Всего, таким образом, «Календарь» издавался четыре раза⁴³.

Остается добавить, что письменное наследие Ибрагимова растеряно, не собрано, хотя в какой-то мере оно дошло до наших дней и ожидает своего исследователя. Так, в архиве востоковеда А. Л. Куна (Ленинград)⁴⁴ мы встретили рукопись Ибрагимова «Дорожные наброски. Воспоминания туриста», содержащую описание пути от Ташкента на Ходжент, самого Ходжента и других населенных пунктов, легенды о происхождении Ходжакента и др.⁴⁵

Люди, подобные Ибрагимову, не должны быть забыты. Поиски и разработки материалов к более подробной характеристике его жизни и деятельности должны продолжаться⁴⁶.

⁴² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 20, д. 4930.

⁴³ По сведениям, любезно сообщенным нам старейшим библиографом-туркестановедом Н. А. Буровым, кроме этих календарей, называвшихся «большими», были изданы стенные календари. «Они составлялись Шахимарданом Ибрагимовым, выходили отдельно на местных языках и на русском или вместе, как сартовско-русские; дата выхода стенных календарей, общее количество изданий этого рода и характер их неизвестны. Есть данные о напечатании стенового календаря на 1874 г. в типографии Академии наук в Петербурге» (письмо Н. А. Букова, 13 августа 1965 г.).

⁴⁴ Архив востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, ф. 33, д. 224, 225.

⁴⁵ Ср. Б. В. Лукин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 119, 404. Из сообщения Л. Е. Бертельса (28 октября 1965 г.) явствует, что «Дорожные наброски» (лл. 1—78) «написаны характерным писарским почерком (вероятно, переписчика) с многочисленными пропусками (видно, переписчик не разбирал слова и оставлял место) и вставками другим почерком (может быть, рука Куна?); рукопись не имеет конца; лл. 79—92 уже другой почерк, также с многочисленными поправками тем же почерком (Куна?). Что касается д. 225 (дневник лица, приставленного к старшему сыну кокандского хана андижанскому беку Сейид Мухаммад ад-дин-беку во время его посещения в 1872 г. Ташкента и сопровождавшего его на обратном пути в Андижан (этим лицом, как мы видели выше, был И. И. Ибрагимов. — Б. Л.), то дневник этот обернут листом бумаги, на котором написана записка на имя «Ив. Ив.» (несомненно, на имя И. И. Ибрагимова. — Б. Л.) с указанием, что «при переписке сделано много ошибок, затрудняющих чтение» (главнейшие из них указаны рукой Куна карандашом на полях рукописи) со словами: «ответьте мне Ив. Ив. насчет продолжения «Дневника». Прошу Вас, предварительно отъезда в Кокан, просмотреть корректуру «Киргизы». Дневник также «писан несколькими почерками, чередуются чистовые и черновые места, во многих случаях явно почерка переписчика, но что написано рукой самого Ибрагимова — сказать трудно».

⁴⁶ Настоящая статья уже была сдана в печать, когда ее автору довелось ознакомиться с формулярным списком Ш. М. Ибрагимова, хранящимся в архиве Министерства иностранных дел (Архив внешней политики России, ф. ДЛС и ХД, личные дела, 1891, д. 408). Список этот, составленный после смерти Ибрагимова, мало чем дополняет известные нам данные к его биографии. Однако заслуживают внимания следующие факты: а) о пребывании Ибрагимова учителем киргизского языка в Омской киргизской школе, учрежденной при Омском областном правлении и б) о зачислении его в августе 1887 г. на службу в ведомство Министерства иностранных дел (подробности не известны; консулом в Джиdde он был назначен приказом по Министерству 22 ноября 1890 г.). Ибрагимов был женат дважды: первый раз на дочери касымовского купца Такиева Айни Камал (развод последовал в 1880 г.) и второй раз (с 14 февраля 1891 г.) — на дочери штабс-капитана Рахимова Хусни-Дусхан Ахметовне.

Б. В. Лукин

ЎРТА ОСИЁЛИК ЭТНОГРАФ ШОҲИМАРДОН (ИВАН) ИБРОҲИМОВ

Мақолада Чўқон Валихоновнинг яқин дўсти, XIX асрнинг иккинчи ярмида яшаб ижод этган ўрта осиелик атоқли этнограф Шоҳимардон Мирясович (Иван Иванович) Иброҳимовнинг ҳаёти ва фаолияти ҳақида қизиқарли маълумотлар келтирилган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖРАЙОННЫХ ПОТОКОВ ПРОДУКЦИИ

Возрастающие темпы развития промышленности и сельского хозяйства, углубление процесса общественного разделения труда обуславливают усиление обмена средствами труда и предметами потребления между отраслями народного хозяйства и экономическими районами. Поэтому проблема определения оптимальных объемов производства и межрайонного обмена приобретает большое значение в планировании и анализе экономики страны.

Уже в первых исследованиях по теории размещения производства делалась попытка рационализировать межтерриториальный обмен продукцией. С возникновением новых математических методов — оптимального программирования и, в частности, так называемых транспортных задач линейного программирования, а также межотраслевых балансов производства и распределения продукции — поиски путей рационализации межрайонного обмена еще более усилились. В настоящее время известен ряд межрайонных межотраслевых моделей (разработанных нашими и зарубежными экономистами), в которых определяются объемы производства и межрайонные поставки продукции¹.

Однако ни одна из разработанных межотраслевых моделей еще не была апробирована на практике. На наш взгляд, основной причиной этого является громоздкость и сложность большинства моделей. Поэтому приходится допускать в них ряд предположений, касающихся коэффициентов затрат и номенклатуры баланса, что еще более суживает сферу их применения.

Предлагаемая нами модель межрайонного обмена несколько отличается от межрайонных межотраслевых моделей, в основном по способу определения объемов производства продукции районов. Если в межрайонных межотраслевых моделях размеры производства продукции каждого района зависят от производства продукции в других районах, в предлагаемой модели такая зависимость

отсутствует. Размеры производимой продукции можно определить любым доступным методом, обеспечивающим достаточное приближение к действительности, что намного облегчает решение задачи.

В общем виде вывоз определенного продукта правомерно представить как функцию от производства, а ввоз — как функцию от потребления его в районе. Ведь чем больше в районе производится какого-либо продукта, тем больше и вывозится его, и наоборот.

Однако на объем вывоза продукта из района влияют и многие другие экономические факторы, т. е. существует явная непропорциональность между вывозом и объемом производства. В частности, районный вывоз продукта зависит от объема производства и размеров потребления его во всех остальных районах. Если теперь предположить, что в многорайонной экономике определенный вид продукта производится с избытком и, следовательно, вывозится только из некоторых районов, причем объемы производства в них определены в соответствии с потребностями всей экономики, то можно составить строгую математическую формулу, позволяющую определять необходимые размеры их вывоза.

$$b_i^s = q_i^s k_i^s \gamma_i^s + \sum_{r \neq s} \sqrt{q_i^s k_i^s \gamma_i^s} \times \\ \times \sqrt{q_i^r k_i^r \gamma_i^r}; \quad i = 1, 2, \dots, n \\ r = 1, 2, \dots, m, \quad (1)$$

где: b_i^s — вывоз продукции i из района s во все другие районы;

q_i^s — удельный вес вывоза района s в общем вывозе:

$$q_i^s = \frac{b_i^s}{\sum b_i}$$

$\sum b_i$ — общий вывоз продукта i из совокупности вывозящих районов;

k_i^s — коэффициент вывоза, определяе-

¹ Подробнее об этом см.: «Межотраслевой баланс производства и распределения продукции экономического района», М., Изд-во «Наука», 1964.

мый отношением величины вывоза района s к объему производства в нем:

$$k_i^s = \frac{b_i^s}{\chi_i^s},$$

χ_i^s — объем производства продукта i в районе s .

Определение размеров ввоза продуктов можно проводить по этой же формуле с той лишь разницей, что вместо объемов производства и производных от него коэффициентов следует брать объемы потребления в совокупности потребляющих районов и соответствующие им коэффициенты. Определение ввоза продуктов намного упрощается при наличии районных межотраслевых балансов, т. е. когда известны сальдо между вывозом и ввозом. Тогда: $\text{ввоз} = \text{вывоз} - \text{сальдо}$.

Таким образом, описанная математическая модель позволяет определять ожидаемые ввоз и вывоз продуктов по заданным плановым объемам производства и потребления продукции в районах. При этом используемые в формуле отчетные коэффициенты должны быть откорректированы методами математической статистики применительно к плановому году. После определения объемов ввоза и вывоза для всех районов нетрудно будет, используя методы оптимального программирования, прикрепить поставщиков к потребителям.

Все планирование межрайонного обмена продукцией, вероятно, лучше всего проводить в такой последовательности.

1. Прежде всего необходимо проанализировать экономические связи всех районов за отчетный год.

Анализ связей одной из республик Прибалтики за 1961 г. показал, что даже при номенклатуре товаров (из 847 продуктов), принятой для расчета межрайонного обмена, в товарообороте участвовало лишь 280 продуктов. При этом в перечне продуктов, ввозимых в республику, мы находим гораздо больше наименований, чем в вывозе. В частности, в республику ввозились продукты 270 наименований; чистый же ввоз (без вывоза одноименной продукции) составил 120 наименований. В вывозе участвовало всего 160 видов продуктов, из них 10 вывозилось без встречного ввоза.

То же явление наблюдается и при рассмотрении товарооборота по укрупненной номенклатуре (239). В этом случае в товарообороте участвует 194 наименования продуктов, причем по ввозу 184 и вывозу — 128. Соответственно чистый ввоз составлял 59 видов продуктов, а чистый вывоз — 10.

Анализ произведенных расчетов позволил установить, что удельные веса различных товаров в общем ввозе и вывозе имеют разные значения, а в абсолютных показателях колеблются от 1 тыс. руб. и менее до сотен тысяч рублей. Поэтому без большого ущерба для точности достаточно планировать

ввоз и вывоз только продуктов, имеющих наибольшие удельные веса, суммарный объем которых составляет около 95% всего вывоза или ввоза. Это позволило бы резко сократить количество учитываемых продуктов, намного облегчить расчеты и организацию планирования. Так, если в исследуемом районе взять лишь те продукты, удельный вес которых в общем объеме ввоза или вывоза составляет 0,1% и более, то будет достаточно учесть всего 94 продукта (из 184) в случае ввоза и 75 продуктов (из 128) в случае вывоза, чтобы охватить планированием 95,11% ввоза и 97,39% вывоза района.

Таким образом, планированием не охватывается примерно 45—50% наименований продуктов, участвующих в товарообороте района. Они составляют менее 5% общего объема ввоза и вывоза района, и потребность в них, по-видимому, может быть удовлетворена без участия органов планирования самими предприятиями, по частным заявкам или иным способом.

Для того чтобы оставшиеся 5% объема ввоза и вывоза района не оказались вне модели оптимизации межрайонного обмена, можно объединить их под общим наименованием «прочие продукты», а после определения плановых объемов межрайонного обмена установить конкретный объем ввоза и вывоза этих продуктов, используя соответствующие отчетные данные по каждому отдельному экономическому району.

2. После расчетов и отбора планируемого круга продуктов для каждого района составляются сводные таблицы (раздельно для ввоза и вывоза). Планирование объемов ввоза и вывоза между экономическими районами производится для каждого продукта отдельно. Затем на основе сводных таблиц составляются две вспомогательные таблицы.

Допустим, имеется p районов, из них m районов вывозят продукт i . Предположим также, что плановые валовые выпуски продукта i в этих районах нам известны. Тогда с помощью сводных таблиц составляем две вспомогательные таблицы — для вывоза и ввоза (см. табл. 1 и 2), сопоставляем их и в случае каких-либо неувязок вносим необходимые исправления.

3. С помощью отчетных данных о коэффициентах q_i и k_i определяем планируемые объемы ввоза и вывоза районов, подставляя известные показатели в формулу (1). В некоторых случаях для продуктов с изменяющимися по годам объемами ввоза или вывоза приходится выравнивать их отчетные показатели, используя данные за достаточно продолжительный отрезок времени и путем экстраполяции определять их значения применительно к плановому году.

Приведем условный пример определения объемов вывоза на плановый год для трех вывозящих продукт i районов (1, 2 и m). Допустим, коэффициенты q_i и k_i для этих районов, после выравнивания соответствующи-

ших отчетных показателей и их экстраполяции, оказались такими, как показано в табл. 1, в графах q_i и k_i . Пусть будут заданы также плановые объемы валового производства этого продукта, например, для района 1 — 12 тыс. руб., для районов 2 и m — по 10 тыс. руб. Тогда вывоз продукта i из этих районов определяется следующим образом:

$$b_i^1 = \frac{2}{8} \cdot \frac{2}{10} \cdot 12 + \sqrt{\frac{2}{8} \cdot \frac{2}{10} \cdot 12} \times \\ \times (\sqrt{\frac{3}{8} \cdot \frac{3}{8} \cdot 10} + \sqrt{\frac{3}{8} \cdot \frac{3}{9} \cdot 10}) =$$

$$= 2,383 \text{ тыс. руб.}$$

$$b_i^2 = \frac{3}{8} \cdot \frac{3}{8} \cdot 10 + \sqrt{\frac{3}{8} \cdot \frac{3}{8} \cdot 10} \times \\ \times \sqrt{\frac{2}{8} \cdot \frac{2}{8} \cdot 12} + \sqrt{\frac{3}{8} \cdot \frac{3}{9} \cdot 10} = \\ = 3,649 \text{ тыс. руб.}$$

$$b_i^m = \frac{3}{8} \cdot \frac{3}{9} \cdot 10 \cdot (\sqrt{\frac{3}{8} \cdot \frac{3}{9} \cdot 10} \times \\ \times \sqrt{\frac{2}{8} \cdot \frac{2}{10} \cdot 12} + \sqrt{\frac{3}{8} \cdot \frac{3}{8} \cdot 10}) = \\ = 3,440 \text{ тыс. руб.}$$

Таблица 1

Вывоз продукта в отчетном году, тыс. руб.

Вывозящий район	Ввозящие районы				Удельный вес, q_i	Валовое производство, χ_i	Коэффициент вывозимости, k_i
	$m+1$	$m+2$	n	всего			
1	—	1	1	2	2/8	10	2/10
2	—	2	1	3	3/8	8	3/8
m	1	—	2	3	3/8	9	3/9
Итого	1	3	4	8	1	27	

Таблица 2

Ввоз продукта в отчетном году, тыс. руб.

Ввозящий район	Вывозящие районы				Удельный вес, q_i	Потребление, G_i	Коэффициент ввозимости, k_i
	1	2	m	всего			
$m+1$	—	—	1	1	1/8	6	1/6
$m+2$	1	2	—	3	3/8	9	3/9
n	1	1	2	4	4/8	12	4/12
Итого	2	3	3	8	1	27	

И, наконец, после определения объемов ввоза и вывоза всех районов можно приступить к прикреплению поставщиков к потребителям.

Расчеты по определению межрайонного обмена для сопоставимости их показателей надо вести по единой для всех районов методологии и в единых ценах продукта.

В заключение следует отметить отличие рассматриваемой модели от межрайонных межотраслевых моделей некоторых западных авторов (Ченори и Кларка, Леонтьева, Мозеса).

В моделях западных авторов поставки продукции данного района жестко фиксированы для всех остальных районов через отчетные коэффициенты поставок (распределения); например, если в отчетном периоде данный район вывозил 30% общего вывоза

продукта в первый район, 20% — во второй и 50% — в третий, то и в плановом периоде данный район должен распределять вывоз этого продукта в такой же пропорции.

В нашей модели, как уже отмечалось, распределение районного вывоза осуществляется методами линейного программирования, т. е. выбираются наиболее рациональные варианты прикрепления поставщиков к потребителям.

В моделях западных авторов коэффициенты межрайонных поставок рассчитываются по данным какого-либо одного отчетного года, тогда как у нас они корректируются методами математической статистики, с учетом тенденции изменения их во времени.

Модели западных авторов намного сложнее нашей, как в части получения

необходимых исходных данных, так и по решению самой модели.

Однако и рассматриваемая модель не отвечает всем требованиям, предъявляемым к оптимальному планированию межрайонного обмена, главным из которых является достижение общего минимума затрат.

Кроме того, многие одноименные для разных районов продукты, рассматриваемые в моделях, состоят из подобных, но не строго идентичных изделий. Это затрудняет решение транспортных задач и заставляет либо заранее фиксировать структуру предметов, входящих в состав одноименной

продукции, либо проводить расчеты по очень широкому кругу наименований продуктов.

Все это, естественно, ограничивает сферу применения данной модели, и она может служить лишь вспомогательным средством планирования межрайонного обмена продукции. Устранение основного недостатка указанных выше моделей может быть достигнуто при комплексном определении уровней производства районов с одновременным учетом производственных и транспортных затрат.

А. Ж. Нуруллаев

О ПОНЯТИИ ПРИНЦИПА КОЛЛЕКТИВИЗМА В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ЭТИКЕ

Коллективизм — важнейший принцип совместного существования людей — возник с зарождением человеческого общества и в своем развитии претерпел ряд существенных изменений. В каждую историческую эпоху принцип коллективизма обогащается новым содержанием, приобретает новые формы.

При первобытно-общинном строе коллективизм основывался на общинной собственности на средства производства, воплощался в навыках и привычках людей, выработанных в совместном труде.

В антагонистическом обществе, основанном на частной собственности, принцип коллективизма, коллективистские убеждения приобретают иной характер. Отношения между людьми строятся на базе социального индивидуализма. Частная собственность порождает резкие противоречия как между классами, так и между отдельной личностью и обществом в целом.

С развитием классовой борьбы в капиталистическом обществе сформировался принцип пролетарского коллективизма, основанный на общественном характере труда и общих интересах трудящихся в деле своего освобождения от эксплуатации. Коллективистские убеждения стали неотъемлемой частью морали революционного рабочего класса.

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс показали коренную противоположность пролетарского коллективизма «мнимой коллективности» буржуа, основанной на эгоистических узкоклассовых интересах. «В существовавших до сих пор суррогатах коллективности... личная свобода существовала только для индивидов, развивающихся в рамках господствующего класса... В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»¹.

Творчески развивая в новых исторических условиях марксистскую этику, В. И. Ленин характеризовал коллективизм как важней-

ший принцип классовой борьбы и солидарности пролетариата, лежащий в основе пролетарской морали.

Для успешного построения социализма, подчеркивал В. И. Ленин, необходимо искоренение индивидуалистического правила: «каждый за себя, один бог за всех» и внедрение в сознание в привычку, в повседневный обиход масс правила: «Все за одного и один за всех»².

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, утверждение общественной собственности на средства производства, уничтожение эксплуатации человека человеком, установление социалистических общественных отношений создали реальные условия для воспитания широких народных масс в духе социалистического коллективизма, сплочения их в монолитную трудовую семью.

Принцип коллективизма отражает сущность производственных отношений социализма и полностью отвечает природе человека, как существа общественного. Добросовестное и творческое отношение к труду, забота о сохранении и умножении общественного достояния, активное участие в управлении общественными делами, высокая ответственность за свое поведение в обществе и быту, сочетание личных интересов с общественными — вот характерные черты социалистического коллективизма, которые пронизывают всю жизнь тружеников социалистического общества.

В условиях социализма основным звеном, связывающим личность и общество, выступает трудовой коллектив. В производственном коллективе личность развивается и формируется на принципе ответственности каждого за судьбу коллектива и заботы коллектива об удовлетворении интересов личности.

«Только в коллективе, — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, — индивид получает средства, дающие ему возможность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 75—76.

² В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 108.

всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»³. Само внутреннее содержание личности, ее индивидуальная судьба в основном определяются уровнем общественных отношений, многогранностью и глубиной взаимоотношений личности с коллективом.

Социалистическое общество — это сложный комплекс органически связанных между собой отношений товарищеского сотрудничества и однородных социально-политических коллективов. В свою очередь, каждый коллектив характеризуется определенной формой — производственной, общественной, государственной, семейной и т. д.

Особое место в этом комплексе занимает производственный коллектив, ибо он связан с материальным производством — основой существования и развития общества, фактором, определяющим все стороны его жизни. Производственный коллектив — устойчивое объединение с единой организацией совместной трудовой деятельности, единой формой управления, общностью целей, товарищеским сотрудничеством и сплоченностью.

Социалистический характер общественного производства и распределения создают благоприятные условия для развития коллективизма, зарождения его новых форм. Это ярко проявляется в массовом движении за коммунистический труд, в котором воплощается ленинская идея социалистического соревнования, товарищеской взаимопомощи и взаимовыручки.

Производственные коллективы — бригады, цеха, смены, участки и предприятия — борясь за коммунистическое отношение к труду, способствуют формированию нового человека.

Ныне на предприятиях промышленности и сельского хозяйства Узбекистана за коммунистический труд соревнуются уже 642 тыс. человек. Основные заповеди участников движения за коммунистический труд гласят: «Всемерно повышать производительность труда, постоянно учиться и воспитывать в себе и в товарищах черты человека нового общества». Для участников соревнования характерно стремление органически сочетать общественные и личные интересы. У них пробуждается творческое отношение к выполняемой работе, возрастает чувство личной ответственности за порученное им дело.

Предпринимаемые ныне широкие мероприятия по перестройке управления отраслями народного хозяйства и усилению материальной заинтересованности работников в результатах своего труда создают производственным коллективам лучшие условия для проявления самостоятельности и инициативы в хозяйственных делах. Все это обеспечивает наиболее правильное сочетание интересов коллектива и отдельной личности, повышает ответственность каж-

дого работника за результаты своего труда. В условиях коллективной материальной заинтересованности личный интерес перестает быть экономической основой индивидуализма, превращается в основу социалистического коллективизма, в предпосылку подлинной свободы человека, осознавшего необходимость трудиться на благо общества⁴.

Заинтересованность в успехах коллектива — необходимое условие осознания каждым членом общества кровной заинтересованности в умножении общественного богатства страны, понимания государственной интереса как своего личного. Этот интерес, как известно, не сводится лишь к материальной обеспеченности людей, а предполагает в качестве важнейшего компонента всестороннее развитие человека, как производителя материальных и духовных благ, как общественного деятеля, как нравственной личности.

В ходе социалистического соревнования за коммунистический труд все большее развитие получает движение рабочих различных специальностей за овладение смежными профессиями. В результате усиливается процесс постепенного отмирания профессиональной ограниченности, расширяются возможности взаимозаменяемости между работниками, что позволяет рационально использовать рабочее время, рабочую силу и оборудование⁵.

Из опрошенных нами 500 рабочих Узбекского металлургического завода им. Ленина, завода «Ташкенткабель», швейной фирмы «Юлдуз» и других предприятий одной профессией владеет 131 человек, двумя — 178, тремя — 73, четырьмя — 166, пятью и более — 52 человека. Подавляющее большинство рабочих довольны работой, ценят ее за разнообразие, технический интерес и отчетливо сознают социальную значимость своего труда, видят в своих производственных успехах весомый вклад в общее дело строительства коммунизма.

Материалы проведенного нами социологического исследования показывают взаимосвязь между культурно-техническим, общеобразовательным уровнями рабочих и их деловыми качествами. Чем выше у рабочих культурно-технический и общеобразовательный уровень, тем разностороннее и выше их производственная квалификация, участие в общественной жизни коллектива, богаче и содержательнее личная жизнь каждого из них.

Так, на заводе «Ташкенткабель», где ежегодно учится каждый третий рабочий,

⁴ См. Л. Н. Коган, З. А. Зорина, Коллективная материальная заинтересованность и развитие личности советского рабочего, «Философские науки», 1966, № 1, стр. 16.

⁵ См. А. И. Афанасьева, А. А. Наруллаев. Коллектив и личность, М., 1965, стр. 18.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 75.

коллектив успешно справляется с производственной программой и живет многосторонней, полноценной жизнью. В минувшем году, например, 84 человека учились в высших учебных заведениях, 140 — в техникумах, 170 — в школах рабочей молодежи, 275 — на производственно-технических курсах, 50 — в школе передового опыта, 113 — на курсах смежных профессий. Кроме того, многие занимаются в системе политического просвещения. Вместе с тем в коллективе немало спортсменов, участников самодельности, любителей художественной литературы и музыки. Таких примеров можно привести очень много. Они свидетельствуют о богатстве духовного мира советского ра-

бочего, широте и многообразии его культурных запросов.

Коммунистическая партия неустанно воспитывает советский народ в духе коллективизма, товарищеской дружбы и взаимопомощи. Закрепленный в Программе партии замечательный принцип — человек человеку друг, товарищ и брат — ярко проявляется в нашей повседневной жизни, в конкретных делах и поступках советских людей. И в этом мы видим один из важнейших залогов наших побед в строительстве коммунизма.

Х. Шайхова

К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНИЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО В ПРОГРЕССИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Выдающиеся представители прогрессивной общественно-философской мысли народов Средней Азии — Фараби, Бируни, Ибн Сина, Навои и многие другие — внесли огромный вклад в формирование естественно-научных стихийно-материалистических воззрений на явления природы. Большой интерес, в частности, представляют их взгляды по одной из важнейших проблем философии — категории единичного и всеобщего.

Наиболее ранние и весьма интересные суждения по этому вопросу мы находим у Фараби (873—950). Согласно его учению, всеобщее сначала выступает как творец единичного, как причина следствия. Всеобщее не связано с единичным, оно достигает своего совершенства в процессе развития и становится «свободнее от причин — материи, формы, действия и цели»¹, иначе говоря, теряет свою субстанцию и акциденцию.

Освободившись от своей материальной основы и формы, всеобщее становится обезличенно-абстрактным, неким бестелесным существом. А поскольку бестелесное существо не способно порождать материальных веществ, некое бестелесное всеобщее не может быть причиной возникновения единичного. Единичные вещи возникают естественным путем, в результате различного сочетания и взаимопроникновения четырех элементов: огня, воды, земли и воздуха.

Итак, реальное всеобщее начало — это не абстрактное бестелесное всеобщее, а единство четырех элементов. «Эти четыре материи, лежащие в основе возникновения и уничтожения, допускают превращение одной из них в другую. Возникающие и уничтожающиеся вещи появляются благодаря смесям. Смеси имеют различные пропорции, каковые и предрасполагают вещи к приня-

тию тех или иных форм, составляющих основу их существования»².

«...Из этого сочетания, — писал Фараби, — возникает великое множество других смесей и соединений, причем в каждом виде этих смесей оказывается огромное число многообразных индивидуальных вещей. Таковы причины существования природных вещей, пребывающих под небесными сферами»³.

Итак, простые тела (огонь, вода, земля и воздух), смешиваясь между собой, образуют сложные тела — субстанции. Субстанция, в понимании Фараби, — это материя или материальное вещество и их неизменяемая сущность. В одном случае она выступает как предмет, как единичная субстанция, в другом — как вид или род предметов, всеобщая субстанция. «Отдельные предметы суть единичные субстанции, а их роды и виды суть универсалии (всеобщие. — Х. М.) субстанции»⁴.

Фараби все более приближается к пониманию того, что всеобщее существует только в единичном. В трактате «Философские вопросы и ответы» он утверждает, что существование всеобщего «вытекает из существования индивидуальных вещей».

Рассматривая вопросы логики, в частности формы мышления, философ отмечает, что суждения, как и понятия, также имеют момент всеобщности и единичности. Члены суждения — субъект и предикат — представляют собой «либо выражение, указывающее на какое-либо значение, либо значение, на которое указывает какое-либо выражение, либо имеет универсальный харак-

² Там же, стр. 173.

³ Фараби, Трактат о взглядах жителей добродетельного города, в кн: С. Н. Григорян, Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв., М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 62—63.

⁴ Фараби, Комментарии к «Категориям» Аристотеля, в кн.: «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока», стр. 177.

¹ Фараби, Существо вопросов, § 4. в кн.: «Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока», М., Соцэкгиз, 1961, стр. 166.

тер, либо указывает индивидуальную вещь»⁵. Фараби пишет, что иногда обе части суждения могут выступать как всеобщее. Так, в суждении «человек есть животное» «человек» — это субъект, «животное» — предикат и обе части суждения выражают момент всеобщности.

Фараби отмечает и другую крайность суждения: «Иногда же обе части суждения бывают индивидуальными, когда, например, мы говорим: «Зейд — вот этот стоящий» или «этот стоящий — Зейд», но такие суждения употребляются редко»⁶.

Раскрывая соотношение субъекта и предиката суждения, Фараби показывает как бы соотношение единичного и всеобщего. Если в одном положении субъект выступает как единичное, предикат как всеобщее, то в другом положении оба они выступают как единичное.

В «Комментариях» Фараби объясняет свое понимание категорий всеобщего и единичного. Всеобщее «есть обладающее таким свойством, по которому ему уподобляются два или более предмета», а единичное «есть то, в чем не может быть никакого сходства между двумя предметами»⁷. Эталонам отличия всеобщего от единичного у Фараби выступают чисто внешние стороны, сходства вещей.

Таким образом, в исходном положении философии Фараби всеобщее выступает как идеальная первопричина, а единичное — как ее следствие. Но философ не останавливается на этом. Он идет дальше, выдвигая на место абстрактного всеобщего реальное всеобщее, состоящее из единства четырех элементов. Это единство на основе естественных законов превращается в множество. Единство и множество, как всеобщее и единичное, взаимобусловлены и взаимосвязаны между собой. Всеобщее находит свое действительное бытие в единичном, в силу чего единичное становится условием существования всеобщего.

Продолжателем прогрессивных идей Фараби был Абу Рейхан Бируни (973—1048).

По мнению Бируни, всеобщим началом являются единство первоэлементов и их частиц. Пустота (пространство), ветер (воздух), огонь, вода и почва — вот те материальные основы отдельных предметов, из которых образуется вселенная.

Единичные вещи возникают в результате перемены и взаимопревращения первоэлементов и их частиц на основе строгих естественных законов⁸. Всеобщее является

началом всего сущего, в том числе, движения. Это не первотолчок, не бог, а материя, творчески активное вещество. «Все действия принадлежат материи, — писал Бируни, — материя сама связывает и изменяет форму вещей. Следовательно, эта материя есть творец»⁹.

Материя лежит в основе всех единичных вещей и как всеобщая основа объективного мира выступает в конкретной форме. «Материя, одеваясь в одежду конкретности, проявляется в виде той или иной вещи»¹⁰.

Бируни, подобно Фараби, считает всеобщим началом единство четырех элементов. Однако в отличие от Фараби Бируни стремился сводить всеобщее (четыре элемента) к единой основе. Так, в известной полемике с Ибн Синой Бируни склонялся к тому, чтобы признать в качестве всеобщего определенное конкретно-чувственное вещество. Таковым, согласно Бируни, мог быть воздух. Эту точку зрения ученый развивает в своем знаменитом труде «Индия». Но здесь уже единой материальной основой всех вещей выступает не воздух, а вода.

Итак, по Бируни, в роли всеобщего выступает реальное единое материальное образование, которое находится в беспрестанном движении и изменении. Причины изменения и развития материи заключаются в «естественных силах» («кувваи табия»). «Бытие находится в изменении, развитии — в этом и заключается сила природы»¹¹. По мнению Бируни, бытие состоит из множества миров, отличающихся друг от друга тем, что они могут быть образованы из различных элементов и имеют разные направления движения. Однако они обладают одинаковыми природными свойствами. «Можно так же допустить, — писал Бируни, — что другой мир обладает теми же природными свойствами, что и наш мир»¹².

Итак, множество миров при всем своем разнообразии обладают общими свойствами, которые тесно связаны всеобщим началом, как реальной основой всех вещей, придающей им характер всеобщности. Эта всеобщность проявляет себя и через множество единичных вещей, образующих мир.

Глубокие мысли о категориях единичного и всеобщего находим мы и в произведениях Ибн Сины (ок. 980—1037).

Философская система Ибн Сины состоит из трех составных частей — метафизики, физики и логики. В метафизике центральное место отведено теории эманации, в кото-

И. М. Муминова, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 152.

⁹ Абу Рейхан Бируни, Памятники минувших поколений, в кн.: «Избранные произведения», т. I, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 287.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бируни, Сборник статей, М., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 42.

¹² Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане, стр. 141.

⁵ Фараби, Комментарии к «Введению» Порфирия, в кн.: С. Н. Григорян, указ. соч., стр. 133.

⁶ Фараби, Комментарии к «Введению» Порфирия, стр. 134.

⁷ Там же.

⁸ Материалы по истории прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане. Под редакцией и с введением акад.

рой в роли всеобщего, первопричины выступает бестелесный абстрактный творец. Мир, согласно учению Ибн Сины, есть эманация этого творца. «Мир имеет первое начало, которое не похоже на мир, из которого происходит бытие мира»¹³. Творец не предшествует миру во временном отношении, поэтому мир столь же вечен, как и творец. Если глубже вникнуть в сущность вопроса, то станет ясным, что «бытие мира» не есть результат непосредственного творения бога, ибо первой непосредственной эманацией бога является не мир (материя), а разум, который определяет последующие эманации единичных вещей реального мира. Следовательно, мир не создан богом, а возник из него путем эманации через ряд порождаемых им умов.

Всеобщему началу Ибн Сина отводит только роль первопричины. Здесь всеобщее выступает в отрыве от единичного, от вещей, но вместе с тем Ибн Сина критикует тех, кто считал, что всеобщее имеет некое самостоятельное существование, вне связи с единичным. Всеобщее, утверждает он, существует объективно, в самих вещах. Говоря, например, о таких общих понятиях, как «человечность», «чернота», Ибн Сина отмечает, что они «в действительности существуют в бесчисленном множестве вещей»¹⁴.

Однако эта мысль проводится Ибн Синой не последовательно. Он считает, что всеобщее существует в разуме, в воображении человека. «Такого общего, — писал он, — которое является единым и принадлежит вещам, конечно, не существует, кроме как в воображении человека и в его мысли»¹⁵. Это высказывание следует понимать правильно. Говоря о том, что общее, принадлежащее вещам, существует в мысли человека, философ имел в виду, что всеобщее как сущность вещей находится внутри явлений. Оно не сразу бросается в глаза, а раскрывается в процессе рационального познания, через изучение единичных вещей. В мышлении человека всеобщее может существовать только на основе познания единичных вещей. Вот почему Ибн Сина утверждал, что всеобщее существует в разуме.

Единичное как носитель всеобщего отличается от другого единичного своей спецификой. Особенность единичного не мешает существованию единой субстанции, «общей для всех вещей»¹⁶.

Особенное, предполагая всеобщее, в то же время выступает как различие. Всеобщее же выступает как тождественное. «А тождественным называют то, что отно-

сится ко многим вещам, но всегда в одном смысле и без всяких различий»¹⁷.

Подобно Фараби, Ибн Сина исследовал формы мышления, в том числе понятие, которое, по его мнению, содержит в себе момент всеобщего и единичного. Каждое простое высказывание бывает всеобщим или единичным. Всеобщее — это высказывание, охватывающее одним понятием одновременно много предметов, а единичное — один предмет. Каждое всеобщее (понятие) включает в себя множество единичных¹⁸.

Понятие как единство всеобщего и особенного выступает в качестве рода и вида. «Стало быть, более широкое общее (понятие) является родом (джинс) по отношению к менее широкому общему (понятию), а более узкое общее (понятие) — видом по отношению к менее узкому (нав)»¹⁹.

Свое толкование категорий единичного и всеобщего дает выдающийся узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои (1441—1501). Как отмечает И. М. Муминов, «в основе миропонимания Навои, стоящего на вершине передовой, прогрессивной общественной мысли средневековой феодальной Средней Азии и Переднего Востока, лежит пантеизм, существенно отличающийся от пантеизма крайне-суфийского»²⁰.

Согласно учению Навои, существует единая божественная субстанция, проявляющаяся в виде природы. Все процессы, происходящие в природе, связаны с действием божественной красоты, которая отражается в бесконечно разнообразных единичных вещах и явлениях. Навои писал: «Ни проявлению бога в виде бесконечных конкретных вещей, ни этому процессу проявления, ни миру, состоящему из этих вещей, нет границ»²¹.

По мнению Навои, в каждом атоме «отражен весь мир земной»²², «в каждой капле блещет океан»²³. Единичное (капля воды) содержит в себе единство многообразия, а всеобщее скрыто в единичном и проявляется через него.

Проблема категорий единичного и всеобщего занимала и Ахмеда Донниша (1827—1897). По его мнению, в основе единичных вещей лежит единство четырех элементов: огня, воды, земли и воздуха. Единичные вещи возникают путем соединения этих эле-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 90.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ибрагим Муминов. Из истории общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 45.

²¹ А. Навои. Чор диван, в кн.: В. Захидов. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент, Госиздат УзССР, 1961, стр. 261.

²² А. Навои. Стихотворения и поэмы, М.—Л., «Советский писатель», 1965, стр. 86.

²³ Там же, стр. 225.

¹³ Ибн Сина, Даниш-намэ. Перевод и предисловие акад. А. М. Богоутдинова. Госиздат ТаджССР, 1957, стр. 184.

¹⁴ Ибн Сина, Даниш-намэ, стр. 159.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 158.

ментов²⁴. Материалистически объясняя возникновение и уничтожение отдельных вещей, Дониш стоял намного выше своих современников. Однако он не смог полностью отойти от идеалистических представлений прошлого.

В основе всех существ, согласно учению Дониша о духе, лежит некая духовная субстанция, как первопричина всех вещей окружающего нас мира. Дух проявляет себя в двух видах («Дух разделяется на два, один из них (без структуры) простой, а другой сложный»)²⁵.

Простой дух, по мнению Дониша, является божественным, ибо берет свое начало от бога. Сложный же дух выступает как создатель мира и человека. Самая высшая и чистая часть сложного духа проникает в человека, а остатки духа переходят в организм животных²⁶.

Следовательно, дух не существует вне связи с реальными вещами. Проникая в материальные образования, он и сам как бы материализуется.

Первоначальное всеобщее (дух), постепенно проникая в предметы, становится атрибутом единичного. Поэтому всеобщее надо искать в самой сущности единичных вещей. Всеобщее является той материальной базой, из которой образуется единичное. Всеобщее как единое переходит во множество, которое содержит в себе единое. И единое как всеобщее проявляется во множестве единичных вещей.

Таким образом, проблема единичного и всеобщего вызвала большой интерес у

передовых мыслителей Средней Азии. Взгляды Фараби и Ибн Сины по этой проблеме в основном связаны с категориями необходимого и возможного. У них все сущее делится на необходимо-сущее и возможно-сущее. По Фараби, необходимо-сущее, выступая как всеобщее, порождает возможно-сущее (единичное), но не непосредственно, а через ряд (порожденных) умов. Примерно таких же взглядов придерживался Ибн Сина. Но различие между Фараби и Ибн Синой по данному вопросу, несомненно, существует. Фараби, признавая необходимо-сущее, как бы признает существование всеобщего до вещей, но прямо об этом он не говорит. Ибн Сина же ставит этот вопрос более или менее открыто. Однако оба они признавали существование всеобщего до вещей лишь формально, сводя необходимо-сущее к чистой абстракции; их больше интересовало реальное всеобщее, заключенное в самих вещах.

По Бируни, в качестве всеобщего выступает единое материальное образование. А. Навои считал, что живые существа, в том числе человек, возникли из сочетания четырех материальных элементов. По существу, эту традицию продолжал и Ахмед Дониш.

Идеи прогрессивных мыслителей Средней Азии по вопросам взаимосвязи единичного и всеобщего сыграли в свое время огромную роль в борьбе против мистических учений суфиев о сотворении мира, о божественном предопределении и т. д. А в наши дни изучение идейного наследия передовых мыслителей прошлого представляет большой научно-познавательный интерес для исследования многовековой истории развития прогрессивной общественно-философской мысли народов Средней Азии.

М. Хусанбаев

УЗБЕКИСТОНДА ПРОФЕССИОНАЛ-ТЕХНИКА ТАЪЛИМИ СИСТЕМАСИНING ТАРАҚҚИЙТИГА ДОИР

Ўзбек халқи қадимий, ўтроқ, шу билан бирга меҳнатсевар ва талантли халқлардан биридир. Ҳунармандчилик революциядан илгари ҳам Республикамиз территориясида кенг ривожланган эди.

Октябрь революциясидан кейин мамлакатимизда аввало, халқ ҳўжалигини ривожлантириш вазифаси кўндаланг бўлиб турарди. Бунинг учун биринчи навбатда малакали мутахассис кадрларни тарбиялаб етиштириш зарур эди. Шу мақсадда завод ва фабрикалар ҳузурда ФЗО мактаблари, турли кечки курслар ташкил этилиб, буларда ёш ишчиларга касб-ҳунар эгаллаш учун зарур бўлган билимлар бериларди.

СССР Олий Совети Президиумининг 1940 йил 2 октябрда қабул қилинган «СССР меҳнат резервлари тўғрисида»ги Фармони малакали ишчи кадрларни ташкилий ва планли равишда кенг миқёсда тайёрлашга асос солди. Давлат меҳнат резервлари системасининг ташкил этилиши малакали

мутахассислар тайёрлашда янги босқичга на бўлиб қолмай, балки ўсиб келаётган ёш авлодга профессионал-техника таълими ва коммунистик тарбия асосларини узвий боғлиқ ҳолда ўргатишга ҳам имкон берди.

1940—41 ўқув йилининг охирида Республикамизнинг завод ва фабрикалари, шахта ва конлари, шунингдек, Урал ва Сибирь, Украина ва РСФСР, Қозоғистон ҳамда Туркменистон каби қардош республикалар қорхоналарида Ўзбекистон профессионал-техника билим юртларини битириб чиққач, ўз касбини пухта эгаллаган 4 мингга яқин ёш мутахассислар енг шимариб иш бошлаган эдилар.

Республика ҳунар мактаблари ва билим юртлари ўзларининг барча ишларини тез орада ҳарбий асосда қайта қурдилар, барча иш фронт манфаатларига қаратилди. 1942 йилнинг бошларидаёқ барча ҳунар мактаблари ва билим юртлари Республиканинг кўпгина завод ва фабрикаларига му-

дофаа маҳсулотлари ишлаб чиқаришда ёрдам бердилар. Улар деталлар, автомат ва пулемётлар учун мураккаб қисмлар ишлаб чиқардилар. Жумладан, Тошкент шаҳридаги 1-ФЗО мактаби, 2 ва 5-хунаар билим юртлири, 1-қурилиш билим юрти, Қўқон шаҳридаги 2-ФЗО мактаби, Самарқанд шаҳридаги 7-хунаар билим юрти ва бошқалар мудофаа тапшириқларини бажара бошладилар.

1-темир йўл билим юртининг номи бутун Совет Иттифоқига таралди. Бу билим юртининг тарбияланувчилари Октябрь революцияси номли заводда самарали ишлаб, 1944 йилда мустақил равишда 44 паровоз ва 640 вагонни ремонт қилиб бердилар, Мудофаа ҳамда Темир йўл транспорти халқ комиссарликларининг махсус заказларини анча ошириб бажардилар. Давлат топшириқларини бажаришда кўрсатган меҳнат қаҳрамонликлари учун ишлаб чиқариш таълими мастерлари Словянский, Евдокимов, Глухов, ўқувчилардан Содіқов ва Аҳмедов «Давлат меҳнат резервлари аълочилиси» значоги билан мукофотландилар. Билим юрти эса Давлат мудофаа комитетининг байроғи ва «Иттифоқда энг яхши темир йўл билим юрти» деган шарафли номни олишга сазовор бўлди.

Иккинчи жаҳон уруши йилларида Республика профессионал-техника билим юртлири ўқувчиларининг кучи билан катта миқдорда қурол-яроғ ва аслаҳалар тайёрланди. Фронт эҳтиёжлари учун миллионлар сўмлик ҳар турли ҳарбий қурол-анжомлар тайёрланди, 100 дан ортиқ паровоз, 1900 та вагон ремонт қилинди, 85 та металл қирқиш станоклари, 627 минг сўмлик турли асбоб-ускуналар ишлаб чиқарилди.

Малакали ишчи кадрлар тайёрлашга эҳтиёж орта бориши билан профессионал-техника ўқув юртлирининг тармоғи ҳам кенгайа бошлади. 1941 йилда Ўзбекистонда 23 та ФЗО мактаби ва билим юрти бўлса, 1942 йилда уларнинг сони 54 тага етди. Айниқса уруш йилларида профессионал-техника билим юртлирига ҳарқачонгидан кўра кўпроқ ўқувчи қабул қилинди. Жумладан, 1941 йилда ФЗО ва хунаар билим юртлири 17 минг 466 йигит ва қизларни қабул қилди, 1942 йили эса 41 минг 410; 1943 йили 27 минг 635 ўқувчи қабул қилинди.

Улуғ Ватан уруши йилларида Республика профессионал-техника билим юртлирида маҳаллий миллат фарзандларидан 9 080 йигит ва қиз таълим олди. Улар билим юртлирини тамомлағач, Республиканинги йирик завод ва фабрикалари, қурилиш ва бошқа корхоналарига бориб фидоқорона меҳнат қилиб, ишлаб чиқариш илғорлари сафидан ўрин олдилар.

Улуғ Ватан уруши йилларида Республика профессионал-техника билим юртлири халқ хўжалигига 69 минг 600 мутахассис, шу жумладан, 41 минг 663 металлсоз, 14 минг 242 бинокор, 1136 қонча ва нефтьчи, 831 тўқимачи ва бошқа кўпгина малакали ишчилар етиштириб берди.

Урушдан кейинги йилларда Ўзбекистонда қора металлургия, машинасозлик, химия, кўмир саноати, қурилиш, темир йўл транспорти, пахтачилик янада тез суръатлар билан ривожланди. Ҳамма жойда: ёш Олмалиқ саноат маркази қурилишига, Бекобод металлургия заводига, Оҳангарон шахталари ва кўмир разрезларига, Бухородаги газ конларини очишга малакали ишчилар зарур эди. Бу борада Республика профессионал-техника билим юртлири малакали мутахассислар етказиб беришда катта роль ўйнайди.

КПСС Марказий Комитети сентябрь Пленуми (1953) нинг қарорига асосан, қишлоқ профессионал-техника билим юртлири ташкил этилди. Ўзбекистонда механизация мактаблари қайта қурилиб, қишлоқ хўжалигини механизациялаш хунаар билим юртлирига айлантирилди. Қишлоқ хўжалигини механизациялаш хунаар билим юртлирида кенг ихтисосли механизаторлар тайёрлана бошланди. Жумладан, илгари тор доирада бир неча мутахассис бажарган ишни, эндиликда битта тракторчи-машинист бажара олади.

Маълумки, кейинги йилларда Ўзбекистонда кўпгина янги тураржой бинолари, янги саноат объектилари қад кўтарди. Ана шу ишда ҳам Республика профессионал-техника билим юртлирининг муносиб ҳиссаси бор. Юқори малакали бинокор кадрлар тайёрлаш мақсадида Бинокорлик мактаблари Қурилиш хунаар билим юртлирига айлантирилди. 10-, 23-, 37-қурилиш билим юртлири ва 4-алоқа билим юрти таълим ишларини мустақил бинокорлик ва монтаж объектиларида олиб бормоқдалар. Ўқув процессида кино ва бошқа экран кўргазмаларидан фойдаланишда кўпгина диққатга сазовор ишлар амалга оширилмоқда.

4-профессионал-техника билим юртида ишлаб чиқариш таълими оқилона ташкил этилган. Билим юртининг ўқувчилари устхоналарда дастлабки таълимни олгачларидан кейин, мустақил алоқа объектиларига бориб, коммутаторлар ўрнатиш, шунингдек, бинолар ва территорияларни телефонлаштириш ва радиоллаштириш, алоқа линияларини ремонт ва реконструкция қилиш, алоқа узеллари асбоб-ускуналарини капитал ремонтдан чиқариш ва ҳоказо ишларини бажаришда қатнашмоқдалар.

Билим юртининг энг яхши мастерларидан Исломов, Нейматов, Мохноқ ўртоқлар ўқувчилар бажарётган ишларнинг юқори сифатли бўлишида ўзларининг қимматли маслаҳатлари ва шахсий намуналарини билан ўрناк кўрсатмоқдалар.

Республика саноати техника қудратининг кун сайин ўса бориши, ишлаб чиқаришга янги машиналар, механизмлар, янги технологиянинг кенг жорий қилиниши натижасида юқори малакали ёш мутахассислар тайёрлаш зарурати туғилди. Ана шу мақсадда 1954 йилда республикада янги типдаги ўқув юртлири — ўрта техника билим юртлири ташкил этилди. Буларга ўрта мактабни тамомлаб чиққан йигит ва қизлар қабул қилинади. Ҳозир 7 та техника

билим юртларида 2 мингга яқин ўқувчи таълим олмақда.

СССР Олий Совети томонидан 1958 йилда қабул қилинган «Мақтабиниг турмуш билан алоқасини мустақкамлаш ва халқ маорифи системасини янада ривожлантириш тўғрисида» ги Қонун профессионал-техника билим юртлари ходимлари ўртасида ҳам ижодий кўтаринкилик уйғотди; ўқув-ишлаб чиқариш базасини кенгайтириш, тарбияланувчилар тайёрлашнинг форма ва методларини янада такомиллаштириш, ўқув юртларини заводлар, қурилмишлар, колхоз ва совхозлар билан алоқасини мустақкамлашга имкон берди. Тарбияланувчилар профессионал маҳоратини оширишнинг муҳим омилларидан бири бўлган ўқув-материал базаси жиддий мустақкамланди. Қўшимча равишда ўқув кабинетлари, лаборатория ва устахоналар очилди, билим юртларининг ўқув базаси янги станоклар, механизмлар, машиналар, шунингдек, тракторлар ва экскаваторлар билан жиҳозланди. Ўқувчилар, билим юртларининг ходимлари оталиқ ташиқлотларининг ёрдами билан 45 та ўқув кабинетлари ва лабораториялар, 20 та устахона ва полигонлар қуриб олдилар. Бу каби хайрли ишлар ҳозирги кунда ҳам давом этмоқда.

Қайта қурилган шаҳар ва қишлоқ профессионал-техника билим юртларида ҳозир 211 та ўқув устахоналари, 477 та ўқув кабинетлари, 175 лаборатория, 29 та полигон ва 24 ўқув хўжалиғи бор.

Ўқувчилар ихтиёрида 1251 қишлоқ хўжалиқ машинаси, 925 та металл қирққиш ва ёғочни қайта ишлаш станоклари, 737 та тракторлар ва ер ўйиш механизмлари, 147 машина, бинокорлик, пайвандлаш ва бошқа ишлаб чиқариш механизмлари бор. 25 та қишлоқ профессионал-техника билим юртлари ихтиёрида 4 минг 700 гектар ўқув хўжалиқ майдони бўлиб, булардан 1100 гектарда пахта ва 400 гектар майдонда эса галла етиштирилмоқда. Фақат ўтган Сир йил мобайнида профессионал-техника билим юртларининг ўқув-ишлаб чиқариш базаси 38 трактор, 9 та ер ўйиш механизмлари, 44 та қишлоқ хўжалиқ машиналари, 31 та металл қирққиш ва ёғочни қайта ишлаш механизмлари билан тўлдирилди.

Шу нарса диққатга сазоворки, профессионал-техника билим юртларининг тарбияланувчилари, ўқини, касб-ҳунар эгаллаш билан бир қаторда янги-янги машиналар, биналар, пахта териш ва тозалаш машиналари ихтиро этиш, рационализаторлик ва новаторлик тақлифларини киритишда қатнашиб, коммунизмнинг моддий-техника базасини барпо қилишда ўзларининг муносиб ҳиссаларини қўшмоқдалар.

Жумладан, Республика қишлоқ профессионал-техника билим юртларининг тарбияланувчилари ўзбек пахтакорларининг «оқ олтин» дан мўл ҳосил етиштириш учун умумхалқ курашига қўшилиб, пахтадан йил сайини мўл ҳосил етиштирмоқдалар. Фақат 1965 йили улар давлатга 2 минг тоннадан зиёд пахта сотдилар. Бу аввалги йилга қараганда ҳар гектаридан 6,1 цент-

нердан ортиқ пахта топширилди, демакдир. Самарқанддаги 9-, Андижондаги 15-, Фарғонадаги 17-, Тошкентдаги 15- ва Сурхондарё областидаги 22- қишлоқ профессионал-техника билим юртлари пахта далаларида фидокорона меҳнат қилган илгорлар жумласидандир.

КПСС Марказий Комитети июнь Пленуми (1963) дан кейин профессионал-техника билим юртларида таълим-тарбия ишининг сифати янада яхшиланди. Билим юртларида тарбиявий ишнинг янги формалари: «Санъат дўстларининг клуби», «Ажойиб учрашувлар клуби», Маданият университети, «Ижтимоий касб-ҳунарлар мактаби» кенг жорий этилмоқда.

Фарғона шаҳридаги I-профессионал билим юртида ўқувчилар билан олиб борилаётган сермазмун тарбиявий ишлар диққатга сазовордир. Ўқувчиларни коммунистик руҳда тарбиялаш ишида лекциялар, суҳбатлар, докладлар ва диспутлар ўтказиш муҳим ўрнини эгаллайди. Билим юртида педагогик коллективдан иборат лекторлар гуруҳиаси тuzилган. 1964—1965 ўқув йилида ўқувчилар учун турли темаларда 9 та лекция ўқилди. Германия фашизми устидан қозонилган ғалабанинг 20 йиллиғини байрам қилиш кунларида билим юртининг директори, Улуғ Ватан урушининг қатнашчиси ўртоқ Бурханов «Совет халқининг буюқ ғалабаси» деган темада доклад қилди. Улуғ рус композитори П. И. Чайковскийнинг туғилгани 125 йил тўлиши муносабати билан эстетик тарбия ўқитувчиси ўртоқ Дорофеева «Композитор П. И. Чайковский» деган темада доклад қилди. Абдусатторов, Дубас ва бошқа ўртоқлар ҳам тез-тез лекция ва суҳбатлар билан чиқиб турадилар. Билим юртида: «Октябрь байроғи остида 48 йил», «Икки дунё, икки хил ёшлик», «Ленин абадий барҳаёт» каби темаларда бир қатор назарий конференциялар ўтказилди. «Қандай кишини чиройли деб ҳисоблаш мумкин?», «Совет қизларининг орномуси ва қадрқиммати тўғрисида», «Бахт нима?» каби темалардаги диспутлар қизиқарли ўтди. «Зангори чироглар», буюқ расомлар ва композиторларнинг хотира кечалари, санъат ходимлари билан учрашувлар, ўқувчилар солган расмлар виставкаси, экскурсиялар, театр ва киноларга бориш ва бошқа тадбирий чоралар оммавий тус олди. Бу каби тарбиявий ишлар Республикадаги 4-, 6-, 9-, 10-, 13-, 22-, 31-шаҳар профессионал билим юртларида, 9-, 19- ва бошқа қишлоқ профессионал-техника билим юртларида ҳам амалга оширилмоқда. 64 клуб ва 75 қизил бурчакда 300 дан ортиқ бадий ҳаваскорлик тўғарақлари ва 220 та техника ва бошқа ижодий тўғарақлар ишлаб турибди. Буларда олти мингдан ортиқ ўқувчилар шуғулланмоқда. Бадий ҳаваскорлик тўғарақларининг қатнашчилари билим юртлари, маданият ва истироҳат боғлари, Совет Армиясининг жангчилари, ишчилар ва колхозчилар олдидан концертлар бериб турдилар.

Билим юртларида физкультура ва спорт билан шуғулланиш учун кўнгилдагидек шароит яратилган: 220 та спорт майдончалари, 15 та спорт зали ўқувчилар хизматида. Спортнинг оммавийлигини ривожлантириш учун Республика профессионал-техника билим юртларида мунтазам равишда спартакиадалар ўтказиб турилади.

Шу кунларда барча билим юртларида «Коммунистик меҳнат бригадасининг резерв гуруҳи» деган ном учун кураш мусобақаси авж олиб кетди. Бу мусобақада 600 та ўқув гуруҳи қатнашмоқда. Ҳозиргача 50 гуруҳга ана шу юксак ном берилди.

Ўқувчилар ўрасида техника пропаганда-си бўйича катта ишлар олиб борилмоқда. Ҳозир Республика профессионал-техника билим юртларида 280 та техника ижоди тўғрисида ишлаб турибди, буларга 4 минг 520 киши жалб этилган.

Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитети ва Республика Министрлар Совети, маҳаллий партия, совет ва комсомол органларининг доимий ва кун сайин кўрсатаётган ғамхўрлиги, шунингдек, оталиқ ташкилотлар — заводлар, қурилишлар, совхоз ва колхозларнинг қундалик ёрдами натижасида профессионал-техника билим юртларининг тармоғи тобора ўсиб бормоқда. Кейинги беш йил мобайнида уларнинг сонининг бири ярим баравар ошди. Ўқувчилар сонининг эса икки марта ўсди. Саноат ва қурилишга малакали кадрлар етиштириб бериш мақсадида 14 та янги ҳунар билим юрти, шунингдек, 10 та қишлоқ профессионал-техника билим юрти, 2 та комплекс ҳунар билим юрти очилди, 44 та ўқув бинолари ва ётоқхоналар қурилди. Ҳозир Республикада 48 та шаҳар, 35 та қишлоқ ва битта кечки — сменали ҳунар билим юрти ишлаб турибди.

Шу нарса диққатга сазоворки, кейинги йилларда профессионал-техника билим юртларининг тамомлаб чиқабган ёшларининг кўпчилиги маҳаллий миллат вакилларидир. 1964—1965 ўқув йилида Республика профессионал-техника билим юртларида 26,5 минг ўқувчи таълим олди, шулардан 17 мингдан кўпроғи маҳаллий миллат вакиллари ва 15 проценти ўзбек қизларидир. Кейинги беш йил мобайнида 17 мингдан кўпроқ киши курслар ва кечки — сменали таълим мактабларида билим олдилар. Ўзбекистон профессионал-техника билим юртлари 25 йил ичида 300 мингга яқин малакали ёш ишчилар етиштириб чиқарган бўлса, шулардан қарийб 200 мингга яқини маҳаллий миллат фарзандларидир.

Республика профессионал-техника билим юртларининг тамомлаб чиққанлар орасида 22 Социалистик Меҳнат Қаҳрамони, юзлаб СССР ва Республика Олий Советлари ҳамда Маҳаллий советларининг депутатлари бор.

Профессионал-техника таълими системасининг истиқболли порлоқ. КПСС Марказий Комитети ва СССР Министрлар Советининг 1966 йил 4-февралда чиқарган қарориди профессионал-техника таълими системасининг янада ривожлантириш зарурлигини

алоҳида қайд қилиб ўтилди. Чунки бу йил ўрта мактабларнинг 10- ва 11-синфларининг кўпгина ёшларининг, тамомлаб чиқабганлар. Албатта, уларнинг кўпчилиги ҳаётда ўз ўрнини топиб олишга — жамиятимиз учун бирор фойдали иш билан шуғулланишга ҳаракат қиладилар. Бу борада профессионал-техника юртларининг эшикларини ўрта маълумотли ёшлар учун янада кенг очиб қўйилади.

Шунга кўра, республика профессионал-техника билим юртлари олдида ҳам бир қатор муҳим вазифалар турибди. Яқин йиллар орасида Республика профессионал-техника билим юртлари халқ хўжалигига 20 минг малакали ишчи тайёрлаб беради.

Бироқ шунинг ҳам айтиш керакки, ана шундай катта миқдорда битириб чиқувчилар ҳам заводлар, қурилиш ташкилотлари, савдо ва манший хизмат корхоналари, колхоз ва совхозларнинг малакали ишчиларга бўлган эҳтиёжини тўла равишда қондира олмайди. Шунинг учун мавжуд профессионал-техника билим юртларининг кенгайтириш 1970 йилгача Ўзбекистонда 31 та янги билим юрти қуриш ва ҳар йили етиштириб чиқариладиган ишчилар сонининг 38 минг кишига етказиш кўзда тутилмоқда.

Шу йилнинг ўзидеёқ Республикада 20 та янги билим юрти ташкил этилади ва 1965 йилга қараганда 7,5 минг йилит ва қиз кўпроқ қабул қилинади.

Профессионал-техника таълими системасида кўпгина ишлар қайта қурилмоқда. Тош терувчилар, формовкочилар, металл бўйича токарлар, фрезерчилар ва бошқа касблардаги ишчилар тайёрлаш муддати бир йилга қисқартирилмоқда. Аммо, таълим муддатини барча касб-ҳунарлар бўйича қисқартириш ярамайди, чунки бундан кадрлар тайёрлаш сифатига жиддий зарар етқиши мумкин.

Билим юртларининг битириб чиқувчиларини тайёрлаш сифатининг юқори даражада бўлиши учун қандай ишлар қилинмоқда? Шунинг айтиш керакки, ҳозирча ихтисослаштириш масаласига етарли эътибор берилмаётганлиги, кўпгина билим юртларида касб-ҳунарлар ўргатишининг кўпчилиги умумий ишга пугур етказмоқда. Бу педагогик кадрларни танлаб олишни, ўқув процессини ташкил этишни мураккаблаштирмоқда, яъни ўқув базаси ташкил этишга ҳалақит бермоқда. Лекин барча билим юртларида касб-ҳунарларнинг кўп хиллигини бирданига қисқартиришининг имкони йўқ, албатта. Шундай бўлса ҳам баъзи бир билим юртлари ҳозирдеёқ ихтисослашмоқдалар.

Мзмлакатимизда ёшларнинг кечки — сменали профессионал-таълими кенг қулоқ бўлмоқда. Бу иш ўқувчилар учун ҳам, давлат учун ҳам қўлайдир, чунки харажатлар анчагина қисқаради. Бироқ, Республика-мизда ишчилар тайёрлашининг ана шу формаси ҳали кўнгилдагидек йўлга қўйилган эмас, албатта, ана шу масалада ҳам кўпгина иш қилиш керак бўлади.

Республикада 1966 йилдан бошлабқ малакали кадрлар тайёрлашни жиддий ра-

вишда яхшилаш, корхоналар, қурилшлар, колхсз ва совхозларнинг мутахассис кадр-

ларга бўлган эҳтиёжини янада тўлароқ қсндириш учун барча шарт-шаронт мавжуд.

А. Исмоилов

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ (1925—1937)

Одним из величайших завоеваний социализма в нашей стране явилось радикальное решение извечного крестьянского, аграрного вопроса — исключительной сложной, трудной и вместе с тем жизненно важной проблемы, от которой во многом зависели судьбы строительства социализма в нашей стране.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства на основе объединения миллионов мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, базирующиеся на общественной собственности и современной машинной технике, явилось составной частью гениального ленинского плана строительства социализма в нашей стране.

В. И. Ленин убедительно доказал, что путь крестьян к социализму лежит через кооперацию. «Кооператив, — говорил В. И. Ленин — если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм»¹. При условии полного кооперирования «мы стояли бы уже обеими ногами на социалистической почве»².

Опираясь на ленинское учение о кооперации, Коммунистическая партия и Советское государство последовательно и настойчиво создавали необходимые условия для социалистического преобразования сельского хозяйства. Решающими факторами в этом отношении явились национализация земли, превращение в общенародное достояние промышленности, банков, транспорта, развертывание социалистической индустриализации.

Уже в итоге первого десятилетия Советской власти благодаря мудрой политике Коммунистической партии, многогранной деятельности Советского государства и героическим усилиям советского народа были достигнуты существенные успехи в социалистическом преобразовании нашей страны.

Однако дальнейшее развертывание строительства социализма в СССР затруднялось сохранением в деревне старых производственных отношений, распыленного, мелко-товарного хозяйства, отсталой техники земледелия, тормозивших развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Кулачество — последний и самый многочисленный паразитический класс — про-

должало эксплуатировать миллионы трудящихся крестьян. Система мелко-товарного хозяйства не могла избавить деревню от кулацкой кабалы, классового расслоения, нищеты и отсталости.

Вопрос о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства со всей остротой был поставлен на XV съезде партии (декабрь 1927 г.). Исходя из анализа сложившейся в стране обстановки и руководствуясь ленинским планом строительства социализма, съезд вынес решение о подготовке к массовой коллективизации сельского хозяйства СССР.

На основе ленинского кооперативного плана нашел свое радикальное решение и крестьянский вопрос в национальных республиках Союза, в том числе в Узбекистане.

Социалистическое преобразование сельского хозяйства Узбекистана осуществлялось на основе общих закономерностей, характерных для всей страны. Однако в местных своеобразных условиях этот процесс имел свои специфические черты.

Бывшая аграрно-колониальная окраина царской России, Узбекистан унаследовал от дореволюционного прошлого глубокую экономическую, политическую и культурную отсталость. Вплоть до победы Октября в узбекском кишлаке продолжали господствовать феодальные отношения. Они сохранялись в значительной степени даже в первые годы революции, несмотря на крупные аграрные мероприятия Советской власти (принятие Декрета о земле, земельная реформа 1921 г. и др.).

Окончательная ликвидация феодальных отношений в узбекском кишлаке была обеспечена лишь в результате земельно-водной реформы 1925—1929 гг.

В районах нынешней Самаркандской области эта реформа была проведена (на основании декрета ЦИК Советов УзССР от 2 декабря 1925 г.) в 1925—1926 гг.³. В ходе реформы было ликвидировано 350 крупных эксплуататорских хозяйств⁴; у 3573 землевладельцев конфисковано 28 164 десятины земли⁵, которые были переданы 7175 безземельным и малоземельным

³ Декрет ЦИК УзССР «О земельно-водной реформе», Самарканд, 1925, стр. 4.

⁴ Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 215, оп. 1, д. 10, л. 36.

⁵ Отчет Самаркандского облгорисполкома за 1926 г., Самарканд, 1927, стр. 65.

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 161.

² Там же.

дехканам⁶. Кроме того, беднейшие хозяйства области получили 39 912 голов скота⁷.

Земельно-водная реформа, уничтожив остатки феодально-патриархальных отношений в узбекском кишлаке, создала благоприятные условия для социалистической реконструкции сельского хозяйства, сплотила крестьянские массы вокруг Коммунистической партии и Советской власти, укрепила союз рабочего класса и трудового дехканства.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 мая 1929 г. «О работе парторганизации Узбекистана» отмечалось, что «проведение в Узбекистане земельной реформы является важнейшим шагом в деле советизации кишлака и освобождения деревенской бедноты и середнячества из-под байского влияния»⁸.

Партийные и советские организации Узбекистана, в том числе Самаркандской области, руководствуясь решениями XV съезда ВКП(б) и III съезда КП(б) Уз (1927), после осуществления земельно-водной реформы приступили к подготовке мероприятий по проведению коллективизации сельского хозяйства. В области повсеместно развернулась работа по созданию сельскохозяйственных кооперативов. «Кооперация в системе Советской власти, — указывалось в решении II съезда КП(б) Уз (1925), — была для дехканства, как профсоюзы — для рабочего класса, — школой коммунизма»⁹. Если в 1925 г. в области насчитывалось 18 843 члена кооперативов, то в 1927 г. — 44 614 человек¹⁰. Вторая Самаркандская окружная партийная конференция (1927 г.) отметила, что кооперацией охвачено уже 55,6% дехкан¹¹.

Коллективизация сельского хозяйства в Узбекистане, в том числе в Самаркандской области, развертывалась в сложных и своеобразных условиях сильной экономической, политической и культурной отсталости кишлака, недостаточного развития классового самосознания масс, значительного влияния байско-кулацких и клерикальных элементов, острой классовой борьбы. В республике, особенно на селе, испытывалась острая нехватка грамотных, преданных делу партии и народа кадров. Рабочий класс Узбекистана был еще малочисленным. Низкий удельный вес промышленности в народном хозяйстве УзССР, преобладание в сельском хозяйстве примитивных ручных

орудий труда не обеспечивали прочной материально-технической базы, необходимой для крупного коллективного хозяйства.

Все эти отрицательные объективные и субъективные факторы крайне затрудняли развитие колхозного строительства.

Однако Коммунистическая партия и Советское государство настойчиво развертывали борьбу за социалистическое преобразование сельского хозяйства Узбекистана, в том числе Самаркандской области.

Если в 1927 г. в области насчитывалось 26 колхозов, то в 1928 г. — 135, объединивших 1572 крестьянских хозяйства¹².

Советское государство оказывало колхозам всестороннюю помощь финансами, техникой, стройматериалами, семенами и т. д. Только в период весенней посевной 1928 г. дехкане Самаркандской области получили от государства 112 723 пуда пшеницы и ячменя и 25 500 пудов семян люцерны¹³. В 1928 г. Узсельхозбанк отпустил хозяйствам области 882 342 руб. кредита против 180 000 руб. в 1927 г.¹⁴ В 1926—1927 гг. область получила 813 различных сельскохозяйственных машин¹⁵, в 1928—1929 гг. — 6792, в том числе 81 трактор. Большую помощь оказывали колхозам агропункты, число которых в 1929 г. возросло в целом по республике до 202. В них было 314 тракторов и много другой техники¹⁶.

Огромную роль в коллективизации сельского хозяйства сыграла деятельность МТС. Первые МТС появились в Узбекистане в 1929 г. В Самаркандской области первая МТС была организована в сентябре 1929 г. в Янгикурганском (ныне Галляральский) районе. Сеть МТС быстро росла и вскоре охватила все районы республики. Машино-тракторные станции оказали большую помощь укреплению и развитию колхозного строительства.

Успехи первых колхозов убеждали дехканские массы в преимуществах коллективного хозяйства и способствовали дальнейшему росту колхозного движения. В результате большой и разносторонней деятельности партии и государства по подготовке сплошной коллективизации уже со второй половины 1929 г. в стране началось массовое вступление крестьян в колхозы. К концу 1929 г. в Самаркандской области

⁶ Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 215, оп. 1, д. 5, л. 24.

⁷ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 3, д. 15, л. 7.

⁸ Известия ЦК ВКП(б), 14 июля 1929, № 16, стр. 16.

⁹ Резолюции и решения съездов Компартии Узбекистана, Ташкент, Госиздат. УзССР, 1957, стр. 102.

¹⁰ Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 215, оп. 1, д. 10, л. 92—93.

¹¹ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 3, д. 439, л. 7.

¹² Колхозы УзССР в цифрах, Самарканд, 1930, стр. 9—10.

¹³ Самаркандский облгосархив, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 123.

¹⁴ Партархив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 4, д. 676 л. 32.

¹⁵ Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 65, оп. 1, д. 645, л. 8.

¹⁶ См. Д. Е. Шалашилин, Победа социалистического хлопководства в Узбекистане, Ташкент, Госиздат УзССР, 1949, стр. 24.

было 302 колхоза¹⁷, которые объединяли 3679 дехканских хозяйств¹⁸, или 2,1% хозяйств области.

Вслед за бедняцко-батрацкими массами в колхозы пошел середняк, что ознаменовало новый этап в развитии колхозного строительства, придало ему подлинно массовый характер, ибо после земельно-водной реформы 1925—1929 гг. середняк стал центральной фигурой в узбекском кишлаке.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане, как и по всей стране, осуществлялось при самом активном участии рабочего класса, усилившего шефскую работу и всестороннюю помощь трудящимся массам крестьянства. Особую роль в колхозном строительстве сыграла посылка в деревню 25 тыс. лучших рабочих, имевших большой опыт организационно-политической работы. В Узбекистан в начале 1930 г. приехало 433 рабочих, из них 92 — в Самаркандскую область¹⁹. 25-тысячники помогли партийным и общественным организациям области развернуть массовое колхозное строительство, ликвидировать кулачество как класс, укрепить вновь созданные колхозы в организационно-хозяйственном отношении.

Вместе с тем следует отметить, что в проведении коллективизации, особенно в первый период, были допущены серьезные ошибки и искривления, выразившиеся прежде всего в чрезмерной торопливости, погоне за высокими темпами коллективизации, нарушении ленинских принципов добровольности кооперирования, строгого учета местных условий, недопустимости перерыва через незавершенные этапы развития. Искривление линии партии в колхозном строительстве проявилось и в ошибочном решении пленума Самаркандского окружкома партии (январь 1930 г.) о завершении сплошной коллективизации округа в 1931 г. Тем самым были нарушены прямые указания о темпах и сроках коллективизации, данные в Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г.

ЦК ВКП(б) решительно осудил ошибки и извращения, допущенные в колхозном строительстве, потребовал быстрее устранения их и проведения серьезной подготовительной работы по развертыванию колхозного строительства в национальных республиках и областях.

Большое значение для дальнейшего развития колхозного строительства имели решения XVI съезда партии (июнь 1930 г.). Партийные организации Самаркандской области, руководствуясь решениями XVI съезда ВКП(б) и V съезда КП(б) Уз (июнь 1930 г.), ликвидировали ошибки в колхозном строительстве, что способствова-

ло новому подъему колхозного движения. К 5 февраля 1931 г. в Самаркандской области было коллективизировано 52,3%, а к 10 февраля 1932 г. — 30,3% дехканских хозяйств²¹.

В организационно-хозяйственном укреплении колхозов важное значение имела резолюция состоявшегося в январе 1933 г. объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов»²².

В течение 1933—1934 гг. в Узбекистане было создано 80 политотделов в МТС и 30 — в совхозах²³, в том числе 14 в МТС и 14 в совхозах Самаркандской области.

Политотделы стали центром политического и организационно-хозяйственного руководства колхозами. За два года своего существования они проделали огромную работу по очистке колхозов от байско-кулацких элементов, ликвидации недостатков в деятельности сельхозартелей, повышению трудовой и политической активности колхозного крестьянства.

Уже в 1935 г. в колхозах Самаркандской области было объединено 102 850 дехканских хозяйств, или 87,6% хозяйств области²⁴. К 1937 г. колхозами области было охвачено 98,75%²⁵, а в целом по республике — 99,4% дехканских хозяйств²⁶.

Победа колхозного строя обусловила подъем всех отраслей сельского хозяйства. Расширились посевные площади, особенно под хлопчатником. Урожайности этой важнейшей культуры в Самаркандской области в 1937 г. увеличилась до 11,8 ц/га против 7,6 ц/га в 1933 г. Если в 1932 г. в среднем на один колхоз области приходилось 50—52 тыс. руб. дохода, то в 1937 г. — 132 тыс. руб. Стоимость одного трудодня достигла 4 руб. 89 коп.²⁷ против 60 коп. в 1933 г.²⁸ В конце второй пятилетки более 70% колхозного крестьянства Самаркандской области было обеспечено коровами. В ряде

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-387, оп. 8, д. 10, л. 135.

²¹ Партапхив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 8, д. 10, л. 535.

²² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. III, изд. 7-е, М., Госполитиздат, 1954, стр. 87.

²³ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1964, стр. 263.

²⁴ Колхозы Узбекистана в 1935 году, Ташкент, 1936, стр. 26.

²⁵ Архив ЦСУ УзССР, отдел сельского хозяйства, 1937, папка 6, л. 2—5.

²⁶ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, стр. 300.

²⁷ Партапхив Самаркандского ОК КПУз, ф. 31, оп. 8, д. 10, л. 97—98.

²⁸ А. Г. Кузнецов, Экономика Самаркандской области в прошлом и настоящем, Труды Самаркандского пединститута им. Горького, вып. I, Самарканд, 1940, стр. 59.

¹⁷ Партапхив Института истории партии при ЦК КПУз, ф. 58, оп. 5, д. 221, л. 22.

¹⁸ Партапхив Самаркандского ОК КПУз, ф. 65, оп. 1, д. 268, л. 14.

¹⁹ Узбекстанская правда, 9 февраля 1930 г.

районов области бескорытность была совершенно ликвидирована²⁹.

Укрепление экономической базы колхозов сопровождалось ростом благосостояния и культуры дехканства. В колхозах строились новые дома, клубы, детские сады, ясли, красные чайханы, библиотеки, бани, амбулатории и др. Если прежде в кишлаках Самаркандской области совершенно отсутствовали культурно-бытовые и просветительные учреждения, то в 1937 г. в колхозах области имелось 244 клуба, 808 красных чайхан, 356 детских яслей, 139 детсадов, 107 бань и т. д.³⁰ Значительные успехи были достигнуты в развитии народного просвещения, осуществлении всеобщего обязательного начального и семилетнего образования, ликвидации неграмотности взрослого населения.

Таким образом, переход от раздробленного, индивидуального дехканского хозяйства к крупному механизированному социалистическому сельскому хозяйству позволил коренным образом улучшить состояние всех отраслей сельского хозяйства, обеспечить неуклонный рост материального благосостояния и культуры колхозного крестьянства.

Под руководством Коммунистической партии, в результате многогранной работы Советского государства, при всемерной помощи и поддержке рабочего класса миллионные массы крестьян прочно и бесповоротно встали на путь социализма. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства»³¹.

Колхозное крестьянство под руководством Коммунистической партии стало активнейшей силой строительства социализма и коммунизма в СССР. Преимущества колхозного строя ярко проявились в грозные годы Великой Отечественной войны и в трудных условиях восстановления народного хозяйства страны в послевоенный период. А ныне многомиллионная армия тружеников колхозных полей вносит огромный вклад в решение грандиозных задач строительства коммунизма.

Колхозный строй, как подчеркивается в Программе КПСС, стал неотъемлемой частью советского социалистического общества, школой коммунизма для крестьянства. Колхозная форма, сочетающая личные интересы крестьян с общественными, обще-

народными интересами, полностью отвечает уровню и потребностям развития современных производительных сил в деревне, позволяет эффективно применять новую технику и достижения науки, рационально использовать материальные и трудовые ресурсы сельского хозяйства.

Коммунистическая партия и Советское государство проявляют неустанную заботу о всемерном использовании огромных возможностей и преимуществ колхозного строя, укреплении материально-технической базы, всей экономики колхозов, улучшении планового руководства развитием колхозного производства, совершенствовании организации и оплаты труда, развитии внутриколхозной демократии, повышении материальной заинтересованности колхозников, развешивании их творческой инициативы, воспитании колхозного крестьянства в духе коммунизма.

Важным событием в жизни партии и народа явились октябрьский и ноябрьский Пленумы ЦК КПСС 1964 г., решения которых устранили элементы субъективизма и волюнтаризма в руководстве народным хозяйством страны, укрепили ленинские принципы партийной и государственной жизни.

Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г. открыл новые перспективы перед нашим сельским хозяйством, наметил конкретные пути подъема экономики колхозов и совхозов.

Широкая программа дальнейшего подъема всех отраслей сельского хозяйства страны начертана в решениях XXIII съезда КПСС, в принятых съездом Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг.

Задачи развития хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства в Узбекистане конкретизированы в материалах XVII съезда Компартии Узбекистана.

Новым ярким выражением заботы партии о неуклонном подъеме сельского хозяйства, в том числе отраслей колхозного производства, явились решения майского Пленума ЦК КПСС 1966 г. о широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур.

Колхозное крестьянство орденоносной Самаркандской области, как и все труженики нашего сельского хозяйства, горячо одобряя решения XXIII съезда партии и последних Пленумов ЦК КПСС, наметили конкретные рубежи первого года пятилетки и активно включились в борьбу за превращение в жизнь заданий нового пятилетнего плана, выполнение которого является важной вехой в создании материально-технической базы коммунизма в СССР.

А. К. Камалов

²⁹ Партархив Самаркандского ОК КПУз, ф. 31, оп. 8, д. 10, л. 57.

³⁰ Из материалов архива ЦСУ УзССР, отдел сельского хозяйства, папка 6, 1937 г.

³¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1961, стр. 14.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СОВЕТСКОЙ КАССАЦИИ В ТУРКЕСТАНЕ

Институт советской кассации, возникший после победы Октябрьской революции, представляет собой качественно новый, высший тип обжалования и пересмотра судебных решений, доступный всем лицам, участвующим в деле. Он в корне отличается от подобного института в буржуазном судопроизводстве. Поэтому следует признать неточными высказывания ряда авторов о том, что в советской кассации якобы соединены все формы обжалования, известные буржуазному процессу¹.

Решающую роль в создании института советской кассации в Туркестане сыграли первые ленинские декреты о суде, а также законы РСФСР по вопросам обжалования судебных решений.

В соответствии с декретом СНК РСФСР о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Совет Народных Комиссаров Туркестанского края издал 12 декабря 1917 г. приказ (№ 17) «О реорганизации судебных установлений»². Этим приказом были упразднены старые реакционные институты апелляции и кассации и заложены основы нового порядка обжалования решений судов. Согласно приказу, решения местных судов считались окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали. Подача кассационной жалобы допускалась по делам, рассмотрение которых заканчивалось присуждением штрафа от 100 руб. и выше.

Допущение качественно измененной кассации означало, что вышестоящий суд, наряду с проверкой соблюдения судом первой инстанции требований закона, обязан был интересоваться правильностью разрешения дела по существу. Однако, рассмотрев жалобу, он не перерешал дела по существу и не выносил нового решения, как это имело место в апелляционном производстве, а либо оставлял обжалуемое решение в силе, либо изменял или отменял его.

Кассационной инстанцией был уездный съезд местных судей, в заседаниях которого поочередно участвовали местные судьи. Но отсутствие в приказе определения полномочий съезда и указаний на основания к отмене решений местных судов создавало на практике большие трудности. К тому же

¹ См. А. А. Бугаевский, Гражданский процесс в его движении, Л., 1924, стр. 61; Г. Рынцзюнский, Техника гражданского процесса, М., 1925, стр. 266; Редакционная статья «В помощь народному судье», журн. «Советская юстиция», 1939, № 19—20, стр. 31; М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., Госюриздат, 1946, стр. 454; редакционная статья, журн. «Советское государство и право», 1948, № 8, стр. 37—38.

² Сборник декретов и приказов Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики (с 23 ноября 1917 по 1 июня 1918 г.), Ташкент, 1918, стр. 3.

приказ совершенно не касался казийских судов, продолжавших разбирательство значительного числа гражданских споров на основе норм шариата. Все это сдерживало формирование новой кассации.

Исходя из этих обстоятельств, а также учитывая местные условия, СНК Туркестанского края 22 февраля 1918 г. временно приостановил действие приказа от 12 декабря 1917 г.³

Из-за отдаленности, временной оторванности края от Центральной России и плохой связи на места несвоевременно поступали новые декреты, и трудящиеся массы, возглавляемые местными Советами рабочих, солдатских и дехканских депутатов, по собственной инициативе упраздняли старые суды, старые формы судопроизводства и создавали новый, советский суд, институты социалистического правосудия. Так, в Сырдарьинской области просьбы и представления об отмене решений и приговоров волостных судов рассматривало общее присутствие Сырдарьинского областного Совета народных комиссаров⁴.

Творческая инициатива трудящихся Туркестана наглядно подтверждала ленинские слова о том, что «революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизнеспособность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»⁵.

Так при участии самих масс в Туркестане создавался институт новой, советской кассации.

Для наиболее полного осуществления советских декретов о суде съезд комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана разработал 25 мая 1918 г. проект Положения о местном суде⁶. Проект предусматривал, в частности, допуск кассационных жалоб на все решения местных народных судов. Кассационной инстанцией для них устанавливалось собрание постоянных местных судей — Совет местных народных судей.

В проекте отмечалось, что кассационная жалоба должна рассматриваться в составе трех судей, причем в заседаниях Совета не мог участвовать тот судья, на решение которого принесена жалоба.

Совет местных народных судей (Совнарсад) мог отменить решения местного суда как по формальным нарушениям, так и ввиду явной несправедливости этого реше-

³ Сборник декретов и приказов Совета Народных Комиссаров Туркестанской республики, стр. 33.

⁴ Материалы Народного Комиссариата Юстиции, вып. II, М., 1918, стр. 67.

⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 197.

⁶ Материалы Народного Комиссариата Юстиции, вып. II, стр. 41—46.

ния. В случаях отмены решения дело подлежало передаче на новое рассмотрение в другой участок местного суда. Решения Совета считались окончательными (§ 56 проекта).

16 ноября 1918 г. Декретом ЦИК ТАССР была утверждена «Инструкция о выборах во вновь организуемый народный суд»⁷. В ней роль постоянной кассационной инстанции по делам, решенным местными народными судами, также отводилась Советам местных народных судей, образованным в каждой области. Постоянные члены народного суда (не менее шести), согласно инструкции, избирались исполнительными комитетами областных съездов Советов и через Наркомат юстиции представлялись на утверждение ЦИК Советов ТАССР.

В качестве кассационной инстанции по делу, решенным окружными народными судами, был образован единый для всей республики Туркестанский кассационный суд в Ташкенте. Порядок рассмотрения кассационных жалоб на решения местных и окружных народных судов был единым. Обжалованные судебные решения рассматривались в Совете местных народных судей и в Туркестанском кассационном суде на заседании трех постоянных членов суда и четырех очередных судей-заседателей.

13 декабря 1918 г. ЦИК Советов ТАССР утвердил «Инструкцию об организации и действии местных народных судов» и «Инструкцию об организации и действии окружных народных судов Туркестанской республики»⁸. Эти акты стали для судов края, оторванного от Центра, в полном смысле кратким кодексом законов о судостроительстве и судопроизводстве. В них также подчеркивалось, что решения местных и окружных судов обжалованию в апелляционном порядке не подлежат.

Согласно «Инструкции об организации и действии местных народных судов», по делам, по которым присуждено взыскание свыше 500 руб., допускалось кассационное обжалование в Советы (съезды) местных народных судей в течение месяца со дня вынесения решения. К слушанию дела в кассационном порядке в Совете вызывались стороны и лица, заявившие права на вещественные доказательства. Неявка их не останавливала рассмотрения дела, кроме тех случаев, когда Совет признавал присутствие их необходимым.

Совет местных народных судей как кассационная инстанция имел право отменять решения местного народного суда в случае установления существенных нарушений материальных и процессуальных законов,

а также когда признавал обжалованное решение явно несправедливым. Это говорит о том, что инструкция закрепила принципы кассации нового типа, важнейшим из которых является несвязанность кассационной инстанции пределами и поводами кассационной жалобы.

Инструкция отменила установленное ранее взимание кассационного залога и тем самым открыла трудящимся широкий простор для защиты через суд своих прав и законных интересов.

По «Инструкции об организации и действии окружных народных судов» кассационные жалобы на их решения подавались по-прежнему в Туркестанский кассационный суд. Основаниями к отмене решений этих судов также были их незаконность и несправедливость.

Приказом ЦИК Туркестанской Республики от 6 мая 1919 г.⁹ окружные суды были ликвидированы и заменены единым народным судом. Функции Туркестанского кассационного суда стали исполнять областные Советы местных народных судей, как единственные кассационные суды в каждой области. Областные Советы народных судей имели мусульманский и русский отделы.

Особенности экономической и политической жизни Туркестана обусловили и своеобразие в развитии института кассации. Это видно, например, из циркуляра № 1 НКЮ Туркестанской Республики от 20 февраля 1920 г. «Об обжаловании решений Совнарсов»¹⁰, в котором говорилось, что «все решения Совнарсов могут быть обжалованы заинтересованными лицами и учреждениями в первый отдел (отдел судостроительства. — Н. И.) Комиссариата Юстиции республики».

В результате на практике возник своего рода дуализм в области кассации. Участники процесса получили право жаловаться на решения суда по одному и тому же делу дважды: на решения народного суда — в Совет народных судей и на решения Совета, вынесенные в кассационном порядке, — в первый отдел НКЮ, который также был кассационной инстанцией. В этом качестве отдел НКЮ мог оставить в силе решение Совета народных судей или отменить его и передать дело на новое рассмотрение Совета в другом составе, если признавал решение противозаконным либо не соответствующим фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции.

Первый отдел НКЮ при рассмотрении проверял законность и обоснованность решений, вынесенных не только Советом народных судей, но и местными народными судами. В случае признания последних

⁷ Сборник декретов, приказов и распоряжений Центральной власти Туркестанской республики Российской Федерации, Ташкент, 1919, стр. 41—46.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 1035, л. 45—50, 81—88.

⁹ Газ. «Известия» ЦИК Туркестанской республики Российской Советской Федерации и Ташкентского Совета рабочих, солдатских и дехканских депутатов, 10 мая 1919 г.

¹⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 72, л. 19.

незаконными или несправедливыми дело направлялось в Совнарсуд на предмет отмены такого решения.

Постановления, вынесенные отделом судостройства НКЮ Туркеспублики по жалобам на решения Совета народных судей, официально именовались «разъяснениями НКЮ», которые были для судов обязательными руководящими директивами.

Первоначально жалобы подавались сторонами и их представителями непосредственно в НКЮ. 29 декабря 1920 г. НКЮ Туркеспублики издал циркуляр № 56, предлагавший Советам народных судей объявлять сторонам право обжалования своих решений в порядке, предусмотренном циркуляром № 1. Жалобы следовало подавать через Советы народных судей, которые отсылали их вместе с делом в отдел судостройства НКЮ республики¹¹.

17 января 1921 г. ЦИК Советов Туркеспублики принял новое Положение о народном суде ТуркАССР, воплотившее основные идеи Положения о народном суде РСФСР 1920 г.¹² Оно еще раз подтвердило отмену апелляции и частично изменило порядок подачи кассационных жалоб, которые могли теперь подаваться не только через суд, вынесший обжалуемое решение, но и непосредственно в Совет народных судей. На подачу их был установлен 17-дневный срок со дня объявления решения.

В Положении впервые отмечалось, что указания Совета народных судей обязательны для суда, пересмотрившего дело (ст. 92 Положения о народном суде Туркестанской республики). Здесь же был дан перечень оснований к отмене судебных решений (нарушение или неправильное применение декретов; нарушение существенных форм судопроизводства; явная несправедливость решения).

В отличие от Положения о едином народном суде РСФСР, запрещавшего ссылки в решениях на законы свергнутых правительств, Положение о народном суде Туркестанской республики допускало ссылки на нормы шариата и адата при условии, что они не противоречат социалистическому законодательству, интересам угнетенных и эксплуатируемых классов. Разумеется, это была временная мера, вызванная отсталостью местного населения, сильным влиянием религии, особенностями местного уклада жизни и быта.

Указание о допустимости применения норм шариата и адата осуществлялось в судебной практике следующим образом. Совет народных судей, установив, что решение вынесено на основе шариата или

адата, проверял, во-первых, не противоречит ли примененная норма советским декретам, интересам социалистического государства; во-вторых, нет ли нормы советского права, регулирующего отношения, рассмотренные народным судом, и, в-третьих, имеется ли согласие сторон на применение шариата или адата (циркуляром НКЮ Туркеспублики от 13 октября 1920 г. применение норм шариата и адата в мусульманских судах допускалось лишь с согласия обеих сторон)¹³.

Что же касается записанной в Положении оговорки о возможности применения норм шариата и адата лишь «поскольку они не противоречат социалистическому законодательству, интересам угнетенных и эксплуатируемых», то она была не только неудачной, но и в корне неверной, ибо шариат и адат, призванные защищать интересы эксплуататоров и реакционные по своей сущности, не могли не противоречить советскому законодательству, интересам трудящихся¹⁴.

25 июля 1922 г. ЦИК Советов ТАССР утвердил Положение о мусульманских народных судах Туркеспублики, согласно которому для местного населения учреждались мусульманские суды (халк-казии и халк-бии). Этим положением вносились некоторые изменения в институт обжалования. Решения мусульманских народных судов могли обжаловаться в апелляционном порядке. Функции апелляционной инстанции присваивались съезду халк-казиев и халк-биев, который пересматривал решения в составе не менее трех и не более шести человек.

При рассмотрении жалобы на съезде мог присутствовать халк-казий или халк-бий, вынесший обжалуемое решение, но он не участвовал в разрешении жалобы. Решения съезда принимались большинством голосов, а если они разделялись поровну, то принималось то решение, к которому присоединился председатель (ст. 2 Инструкции НКЮ ТАССР к Положению о мусульманских народных судах 1922 г.)¹⁵. Решения съезда объявлялись немедленно по вынесении их и считались окончательными.

Положение допускало также кассационное обжалование решений съезда халк-казиев и халк-биев, вынесенных в апелляционном порядке. Кассационные жалобы на эти решения подавались в мусульманское отделение областного Совета народных судей.

Процессуальная новелла, введенная летом 1922 г., действовала недолго. 23 декабря того же года было принято новое Положе-

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 107, л. 241.

¹² Сборник декретов, распоряжений, и постановлений Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркеспублики, 9-й сессии, Ташкент, 1921, стр. 9—18.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 68, л. 47.

¹⁴ См. об этом И. Б. Стерник, Становление революционной законности в Туркестане, Советское государство и право, 1958, № 6, стр. 140.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 4, д. 17, л. 80.

ние о судах казиев¹⁶, упразднившее съезд халк-казиев и халк-биев как апелляционную инстанцию. Теперь с просьбой об отмене решения халк-казиев и халк-биев и пересмотре дела можно было обращаться в ближайший уездный народный суд (в двухнедельный срок).

Народный суд, пересмотрев дело по единым правилам советского судопроизводства, быстрее и справедливее разрешал его и тем самым доказывал трудящимся местных национальностей преимуществва советского народного суда, советского судопроизводства перед старым, основанным на нормах шарията и адата. Кроме того, рассмотрение и разрешение жалоб на решения судов казиев и биев способствовало налаживанию контроля над их деятельностью со стороны народных судов и местных Советов.

Анализ кассационной практики Советов народных судей за изучаемый период показывает, что, рассматривая дела в кассационном порядке, они не ограничивались формальной проверкой решений народных судов, а тщательно и объективно проверяли соответствие ревизуемых решений советским законам и фактическим обстоятельствам дела и в случае незаконности или несправедливости решений тут же отменяли их.

Так, Семиреченский совнарсуд определенно от 18 августа 1922 г. отменил решение нарсуда Верненского судебного района от 17 июня 1922 г., указав, что суд ограничился объяснениями сторон, не допросил свидетелей и тем самым допустил неполноту судебного разбирательства¹⁷. Этим же Совнарсудом было пересмотрено решение народного суда Токмакского судебного района от 21 августа 1922 г. об отказе в иске только на том основании, что он предъявлен женщиной. Усмотрев в этом решении явное противоречие советским декретам, установившим полное равноправие женщин с мужчинами, кассационная инстанция отменила его¹⁸.

Заметные изменения в области кассации судебных решений по гражданским делам

¹⁶ Сборник важнейших декретов, постановлений и распоряжений правительства ТССР за 1917—1922 гг., Ташкент, 1922, стр. 127—129.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 2, д. 90, л. 52.

¹⁸ Там же, л. 71.

произошли в связи с принятием 15 апреля 1923 г. Положения о судостроительстве ТАССР, которым были упразднены областные Советы народных судей. Право рассмотрения кассационных жалоб и протестов на решения народных судов было предоставлено вновь созданному гражданскому отделению областных судов. Дела в кассационном порядке рассматривались в составе трех членов областного суда, один из которых председательствовал в заседании. Дела докладывались одним из присутствовавших на заседании членов облсуда. На каждую поступившую кассационную жалобу давалось письменное заключение прокурора.

Кассационные жалобы и протесты на решения областных судов ТАССР вносились непосредственно в Гражданскую кассационную коллегия Верховного суда РСФСР¹⁹.

Важной вехой в развитии института кассации в ТАССР было принятие Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г., действовавшего до образования Узбекской ССР и принятия Гражданского процессуального кодекса УзССР. ГПК РСФСР 1923 г. сохранил и развил основы советской кассации, заложенные ленинскими декретами о суде, положениями о народном суде РСФСР и др. При этом были учтены новые условия и новые задачи, вставшие перед советским судом в связи с осуществлением новой экономической политики и развертыванием социалистического строительства в нашей стране.

Мы считаем, что нельзя согласиться с мнением Н. И. Авдеевского и М. А. Кабаковой о том, что «ГПК РСФСР 1923 года не регулировал всех вопросов института обжалования. В связи с этим он нуждался в ряде изменений и дополнений»²⁰. На наш взгляд, ГПК РСФСР 1923 г. был кодексом, полностью отразившим основные положения советской кассации судебных решений и требования своего времени. Что же касается последующих дополнений и изменений его, то они были закономерными, продиктованными всем ходом дальнейшего развития социалистического строительства в СССР.

Н. Ильхамов

¹⁹ Там же, ф. Р-343, оп. 2, д. 1, л. 4.

²⁰ См. «40 лет советского права», т. I, Изд-во ЛГУ, 1957, раздел XII, «Гражданское процессуальное право».

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ХИВЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

В конце XIX — начала XX в. Хивинское ханство, находившееся под протекторатом царской России, оставалось крайне отсталой аграрной колониальной окраиной, где продолжал господствовать феодальный строй с сильными пережитками родо-племенных отношений. Положение народных масс, изнывавших под двойным гнетом царских колонизаторов и местных феодалов, было исключительно тяжелым. Крестьяне,

составлявшие подавляющее большинство населения страны, жили в нищете, бесправии, темноте и невежестве. Они испытывали жестокое бремя феодальной эксплуатации, невыносимый произвол и притеснения местных властей, разорялись хищническим торгово-ростовщическим капиталом. Все это вело к росту обнищания и обезземеливания широких масс непосредственных произ-

водителей. Так, в 115 мечетях Хивинского района безземельные составляли 12%, в 154 мечетях Ново-Ургенчского района — 15%¹ и т. д. Лишившиеся своих наделов крестьяне превращались в издолщиков, батраков. Например, земли Мухаммед-Панах-бая в окрестностях г. Хивы обрабатывали 83 хозяйства батраков².

Особенно тяжкий гнет испытывали населявшие ханство туркмены, каракалпаки и другие народности. Ханские власти облагали их непомерными налогами. С 1875 г. туркмены вместо ирригационной и воинской повинности должны были платить, помимо других сборов, по 12 тилля (21 руб. 60 коп.) за каждый атлык (30 танапов), а также налоги «закет-кесым», «дахьяк», «ушр» и др.³ Кроме того, ханское правительство взимало с них различные подати. Одна лишь контрибуция, наложенная ханом на туркмен, составляла почти полмиллиона рублей.

Даже царские чиновники отмечали, что «туркмены сильно раздражены на хана и его сановников вследствие сбора с них в излишнем количестве податей и контрибуции...»⁴

В феврале 1875 г. представители от 2 тыс. кибиток туркмен-номудов и чаударов — старшины Баям аталык, Мамат-Кули батыр, Палван-Кули и Исенбай — обратились к начальнику Амударьинского отдела Туркестанского края с прошением о принятии их в российское подданство. Получив отказ, туркмены стали действовать более активно. Упомянутые старшины писали начальнику отдела, что «мы, номудские, старшины, просили отсрочку на уплату нукерских денег⁵, но такой не дали, говоря, что взыщут деньги, не позволив встать с места. Русские деньги (т. е. контрибуцию. — А. С.) и заквет уплатим, а из нукерских денег не дадим ни одного коканя»⁶.

Среди крестьян распространились слухи, что «туркестанским генерал-губернатором наложена на номудов контрибуция не в 60 тыс. тиллей (108 тыс. руб.), а в 60 тыс. руб., ... что туркмены в течение 20 лет не должны платить никаких податей и повинностей...» и т. д.⁷

В 1875—1876 гг. ханские власти направили в туркменские районы, отказывавшиеся платить налоги, карательный отряд в составе 1500 человек. Протестуя против произвола ханских властей, туркмены-емре-

ли заявили тогда, что, «так как к ним прислано в качестве ясаулов много людей, то пусть же они возьмут с них деньги силой, а добровольно они не дадут ни гроша, и что согласятся платить в том только случае, если с них будут собирать деньги по-прежнему постепенно»⁸.

В. И. Ленин писал о крестьянине: «...Условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы с средневековым»⁹. Эти ленинские слова полностью относятся и к хивинским крестьянам, среди которых росло острое недовольство гнетом и эксплуатацией со стороны феодалов, торгово-ростовщического капитала и ханского государства, эксплуатировавшего их на феодальной основе.

Растущий протест крестьян выражался в массовых случаях отказа от уплаты податей и выполнения феодальных повинностей, в захвате земель, имущества феодалов, избивании ненавистных народу налоговых сборщиков, представителей ханской администрации. Так, в октябре 1876 г. туркмены-иомуды связали и избili прибывшего к ним хивинского сановника Кулмурад Сардара¹⁰. 31 декабря 1876 г. начальник Амударьинского отдела писал в своем рапорте туркестанскому генерал-губернатору: «В отношении туркмен хан хивинский недоумевает, какие предпринять ему меры: заставить подчиниться себе во всем не может, а между тем они действительно не платят ему никаких повинностей ни за настоящий, ни за прошлый год...»¹¹

Нередко антифеодальные выступления крестьян принимали форму вооруженной борьбы. Небольшие отряды крестьян разрушали дома феодалов, изгоняли сборщиков налогов, уничтожали долговые расписки («казыхаты»).

В 70—80-х годах XIX в. крестьянские отряды во главе с Ураз-балы действовали в районе Питняка, Казак-балы — в районе Хазараспа, муллы Бабаджана — в районе Нового Ургенча, Айман Кала — в районе Амбар-Манака, Ураз-казы и Баям-аталыка — в районе Куния-Ургенча.

Туркменские отряды, в отличие от других крестьянских отрядов, действовали более сплоченно и организованно. Сохранявшаяся у туркмен сельская община с существовавшими в ней видоизмененными остатками родо-племенной демократии становилась как бы элементарной организационной ячейкой сопротивления крестьян феодальной эксплуатации. «Община, хотя бы и закрепощенная, — писал Ф. Энгельс, — давала угнетенному классу, крестьянству, даже в период жесточайшего средневекового крепостного права, территориальную сплочен-

¹ ЦГА УзССР, ф. И-125, оп. 1, д. 402, л. 1—48; д. 399, л. 1—15.

² Там же, д. 400, л. 112, 132; д. 402, л. 12.

³ Там же, д. 473, л. 1—4.

⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 63.

⁵ До 1873 г. за пользование «атлычными землями» туркмены с 5 танапов уплачивали 1 тилля и выставляли одного всадника с каждой кибиткой, а после 1873 г. — 12 тилля.

⁶ Кокан — условная денежная единица, равная 10 коп. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6894, л. 18).

⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 65.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6883, л. 127.

⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 437.

¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6894, л. 16.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 69.

ность и средства к сопротивлению»¹². Во время восстаний туркменские крестьяне выступали аульными общинами, как правило, под руководством своим аксакалов и аталыков и часто сохраняли родо-племенную связь, что придавало определенную организованность движению.

Несмотря на присущую крестьянским движениям локальность и стихийность, восставшие крестьяне проявляли местами большую сплоченность и самопожертвование, оказывая упорное сопротивление ханским властям и карательным отрядам.

В беседе с начальником Амударьинского отдела хан жаловался на туркмен, которые «не платят ни подати, ни тех денег, которые остались за ними». Для подчинения их у хана не хватало нукеров и денег, и он просил, чтобы царские власти постоянно держали в ханстве русские войска или отпускали ему деньги для борьбы с движением туркмен¹³.

Хан был орудием в руках царизма, верным проводником его колониальной политики в Хиве. Поэтому царские власти всегда приходили на помощь своему сателлиту. Так, в январе 1877 г. на помощь хану были отправлены сотня казаков и 4 роты пехоты с тяжелыми орудиями.

Царские чиновники считали «полезным держать туркмен в постоянном страхе, и спокойным движением по их кочевьям и им, и остальному населению доказать свое бессилие туркмен против нас и невозможность не подчиняться хану, раз мы оказываем последнюю помощь»¹⁴.

Опираясь на царские штыки, хан жестоко расправлялся с восставшими. Так, в Бийбазаре было повешено 4 узбека, в Ташаузе — 2 узбека и 2 туркмена, в Ильялы арестовано 20 человек, из них казнены 2 узбека. Были казнены также один из руководителей крестьянских отрядов Ураз-казы, его мать и брат¹⁵.

Однако жестокие репрессии не могли подавить антифеодальное движение крестьян. В конце 90-х годов с новой силой вспыхнули волнения крестьян в юго-западных районах ханства. Конкретные причины нового подъема крестьянского движения вкратце сводились к следующему. В 80-х годах была восстановлена плотина Бент на Дарьялыке, преградившая ток воды из Лаузана и Шамурата в Дарьялык. Крестьяне, жившие близ Дарьялыка и выведенных из него каналов, оказались в бедственном положении. Часть их перекочевала в район Куны-Ургенча, часть ушла в Закаспийскую область.

Плохая организация очистки ирригационных каналов обусловила маловодье в каналах Хан-яб, Лаузан, Нура, Сабет-ярган, Кизыл-такыр, Шамрат, Он-кулач, Шаркраук. В результате резко сократилась пло-

щадь орошаемых земель. От засухи гибли урожан, и многие крестьяне голодали. Зима 1899—1900 гг. была очень сурова, — писала газета «Русский Туркестан», — туркмены, живущие в ханстве, потеряли много скота, у оседлых туркменов озимые посевы вымерзли, хлеб вздорожал. Прокормливаться даже состоятельным стало очень трудно, а бедным совсем невозможно»¹⁶. Многие хозяйства не получили никакого урожая.

Однако ханское правительство по-прежнему требовало уплаты высоких налогов, при сборе которых допускались всякие злоупотребления. К тому же узбекские феодалы продолжали захватывать у туркмен наиболее удобные орошаемые земли.

В 1900 г. туркмены обратились к военному министру России с прошением об упорядочении оросительной системы Лаузана и установлении определенной подати за пользование землей и водой вместо произвольных поборов хана. Они писали, что хан, «желая нас подчинить себе, поставил плотину (Салах-Бент. — А. С.) при начале арыка (Лаузана. — А. С.), давшего нам воду из Амударьи, чем приобрел возможность лишить нас ее, когда признает это для себя нужным»¹⁷. Далее они сообщали, что 8 тыс. кибиток (около 40 тыс. человек) терпят постоянные притеснения от хана и его сановников, которые «дают мало воды и вместе с тем требуют уплаты таких податей, которых мы не в состоянии им выплачивать, вследствие малой площади посевов. Кроме того, при неуплате требуемого хлеба, они забирают наш скот и всякое иное имущество и грозят продажей в рабство наших женщин, сопровождая эти сборы насилием и убийствами»¹⁸.

Крестьяне подчеркивали, что их терпение истощилось и теперь они, будучи совершенно разоренными и не имея возможности куда-либо перекочевать, просят принять их в российское подданство или разрешить прорыть канал своими силами и пустить воду к Лаузану, а также «понудить хивинского хана собирать с нас за пользование землею и водою определенную подать соразмерно с получаемыми доходами, а не производить произвольные сборы, не ограничивая таковые какой-либо суммой, как это существует в настоящее время»¹⁹.

Это прошение было оставлено без последствий, и туркменам пришлось бросить свои земли у Дарьялыка. Часть их перекочевала к границам Афганистана, часть перешла к низовьям Газавата, Шахабада и других оросительных систем, где также едва хватало воды для земледелия.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Социология, т. XVI, ч. I, стр. 132.

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6883, л. 113—117.

¹⁴ Там же, д. 6875, л. 73.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 165, л. 96—97.

¹⁶ Газ. «Русский Туркестан», 1901, № 26, 27.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, д. 174, л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Тяжелое материальное положение, невыносимый гнет вызывали все новые выступления крестьян против своих угнетателей. Осенью 1900 г. ханское правительство направило 500 нукеров во главе с Мат-Муратом диванбеги для подавления волнения туркмен. Навстречу им вышли 4 тыс. туркмен, которые собрались около плотины Салах-Бент на канале Лаузан. И карательный отряд вынужден был возвратиться в Хиву. 9 декабря 1900 г. начальник Амударьинского отдела сообщал, что «номуды отказались уплатить подать, оскорбили и прогнали посланцев диванбеги, который, опасаясь серьезных беспорядков, был вынужден поспешно возвратиться из Куныя-Ургенча в Хиву, хотя имел 500 нукеров»²⁰.

Ханское правительство нередко прибегало к убийству из-за угла руководителей крестьянских движений. Так, в 1898 г. были убиты Сахар-хан с сыном. В 1902 г. Мат-Мурат диванбеги организовал убийство Махмуд-хана, который пользовался большим авторитетом среди туркмен рода орускошчи и других родов. В 80—90-х годах он возглавлял выступления туркмен против хана. Объясняя причину убийства Махмуда в письме от 6 мая 1902 г., хан писал, что сам приказал убить его, ибо боялся «оставить среди колл-номудов (озерных номудов. — А. С.) Махмуда Аталова при настоящих вредных действиях»²¹.

В то же время усиление крестьянского движения заставляло феодалов и представителей царской администрации идти на известные уступки. Так, в 1903 г. хан вынужден был удовлетворить требование озерных туркмен-номудов и заменить «закет-кесым» и «дахьяк» кибиточной податью (20 тенег с кибитки)²².

Официальные документы русских чиновников не отражают истинной картины антифеодальной борьбы трудящихся Хивы в 90-х годах XIX в. Если судить по официальным данным, в ханстве все казалось спокойным. На самом же деле доведенные до отчаяния трудящиеся массы неоднократно выступали против хана и феодалов, опиравшихся на поддержку царизма. Эти выступления нередко приводили к столкновениям с силами царских властей. Так, А. В. Пясковский отмечает, что в Кунграде «местные сководы-казахи, прибывшие на

базар, не побоялись вступить в рукопашную схватку с казаками III-й сотни первого Астраханского казачьего полка, причем нанесли казaku Борису Гаврилову тяжелые раны в голову». Схватка эта (или, как ее называют царские документы, «драка») произошла 26 декабря 1901 г.²³

Ханские и царские власти по-разному толковали причины непрекращавшихся народных волнений. Хан объяснял «беспорядки и грабежи как частные случаи», утверждая, что «везде есть дурные люди...»²⁴. Начальник Амударьинского отдела, со своей стороны, писал, что «сановниками хана население издавна недовольно...; что народу на левом берегу живется труднее...»; «корень всего зла — хивинское правительство, которое своей апатией и жадностью к деньгам, вооружает против себя население и вместе с тем, боясь последнего, смотрит сквозь пальцы на все грабежи и беспорядки в ханстве...; ханские нукеры, которых посылают ловить воров, сами везде грабят, сваливая вину на туркмен»²⁵.

Выступления крестьян были, как правило, стихийными, неорганизованными, локальными, не выходившими за пределы того или иного района, причем отряды восставших обычно были малочисленными.

В. И. Ленин писал, что «вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков... Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»²⁶.

Но несмотря на все свои недостатки и слабые стороны, крестьянское освободительное движение сыграло большую роль в расшатывании старых, феодальных устоев, реакционного режима ханской деспотии. В начале XX в. в Хиве происходит дальнейшее обострение социальных противоречий, рост классовой борьбы народных масс, антифеодальное и антиколониальное движение которых развернулось с новой силой в период первой русской революции 1905—1907 гг.

А. С. Садыков

1905—1907 гг. в Туркестане, М., 1955, стр. 175.

²⁴ ЦГВИА, ф. 1996, оп. 2, д. 114, л. 24, 34, 101—102.

²⁵ Там же, ф. 483, д. 6894, л. 62.

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 194.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 12, д. 116, л. 11.

²¹ Там же, л. 10.

²² Там же, ф. И-125, оп. 1, д. 149, л. 7.

²³ А. В. Пясковский, Революция

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМОВ «ШИБЕР» И «СИБИРЬ»

Топонимика — наука, изучающая географические названия, их систему, историю происхождения и классификацию, — нередко помогает научно решить многие спорные вопросы из истории прошлого, точнее устанавливать этнические границы, направления

древних переселений народов, колонизации территорий. Большая роль принадлежит топонимике в изучении истории языка, особенно лексики и словообразования. Нередко забытое, вышедшее из употребления слово продолжает жить в форме географиче-

ского названия. Установление исходного значения топонима позволяет иногда восстановить характер почвенно-растительного покрова и животного мира прошлого.

Здесь мы остановимся на этимологии слова «Сибирь». Выбор этого названия обусловлен тем, что народы Сибири и Средней Азии имели давние экономические, политические и культурные связи, и мы находим много общего в их языках. Эта общность нашла свое отражение и в системе географических названий, подтверждением чему служит, например, термин «Сибирь».

Происхождением слова «Сибирь» интересовались многие исследователи. Одни считали, что слово «Сибирь» образовано от татарского *сибирмак* — очинять, другие утверждали, что это — искаженное русское *север*. Некоторые ученые связывают этот термин с разными культурами и человеческими жертвоприношениями либо предполагают, что слово «Сибирь» — скифского или угрофинского происхождения.

Встретив в географических справочниках указание на то, что в лесах Бельского уезда Смоленской губернии имеется местность под названием «Сибирь», А. И. Соболевский увидел здесь подтверждение своей гипотезы с «скифстве» этого названия. При этом он основывался на звучании одного из имен древних скифов — сакн. Однако другие исследователи не согласны с ним, так как название «Сибирь», принадлежавшее в прошлом веку местности на стыке Бельского уезда Смоленской губернии и смежных уездов Тверской губернии, возникло около 200 лет назад, а не во времена скифов.

«Причиной возникновения названия явилось то обстоятельство, — пишет А. И. Попов, — что здесь было место ссылки для окрестных крестьян огромной здешней вотчины помещиков графов Шереметьевых, причем одна из деревень для ссыльных получила даже официальное наименование Сибирь¹.

Действительно, такое наименование мест ссылок было распространено довольно широко. Есть оно и в Средней Азии. Так, туркмены Закаспийской области называли «Сибирью» полуостров Мангышлак². Даже был образован глагол «Сибирь қилмоқ» — ссылать.

По мнению С. Патканова, К. В. Вяткина, В. И. Огородникова и других, слово

¹ А. И. Попов, Основные принципы топонимического исследования, Сб. «Принципы топонимики», М., 1964, стр. 34.

² В. В. Бартольд, Сочинения, М., Изд-во АН СССР, 1963, т. II, ч. I, стр. 398.

³ С. Патканов, Происхождение слова Сибирь, Сибирский сборник, 1891, кн. II, стр. 127; К. В. Вяткина, К вопросу термина «Сибирь», Советская этнография, 1935, № 1, стр. 91—96; В. И. Огородников, Очерк истории Сибири до начала XIX в., Иркутск, 1920, стр. 116.

«Сибирь» происходит от названия племени «Сибирь», «Себер»³. Но с этим объяснением вряд ли можно согласиться, так как авторы исследуют происхождение топонима «Сибирь» изолированно, не видя его аналогов в языках других народов. А как пишет В. А. Никонов, «рассматривать изолированное название столь же не научно, как этимологизировать любое нарицательное слово вне его системы словообразовательной, семантической и иной»⁴.

На наш взгляд, прав В. А. Никонов, когда утверждает, что топонимика территориально неделима, и что ключ к топонимии любого района чаще всего лежит за его пределами. Именно под таким углом зрения мы и подходим к объяснению этимологии названия Сибирь.

Вице-президент Венгерской академии наук, специалист по алтаистике и монгольской филологии, профессор Будапештского университета Л. Лигети пишет, что

в монгольском языке есть слово *sibar* — грязь, грязная земля, глина, глинистая земля, в калмыцком — *sawr*, ордосском — *sawar*, халхаском — *шавар*, бурятском — *шабар*. Основываясь на том, что это монгольское слово имеет широкий ареал, мы связываем с ним и происхождение топонима Сибирь.

А. З. Розенфельд в статье «Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана» пишет, что термин *шибер* (*шивер*) в местных таджикских говорах означает болото⁵. По И. И. Зарубину, в шугнанском языке *sabar* — болото, топь, низменное место, болотистый дуг⁷.

В киргизском языке «*Кок орой шибер*» или «*кок орой чалгын*» — место с хорошей высокой, густой и сочной травой. «*Шибер* — всякая высокая густая трава»⁸. *Кок шибер* — трава⁹ (болгарское *шавар-трѣстика* — болотная трава¹⁰, тростник¹¹).

⁴ В. А. Никонов, Принципы топонимики, М., 1964, стр. 82, 83.

⁵ Л. Лигети, Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане. Краткие сообщения Института народов Азии, № 83, Монголоведение и тюркология, М., 1964, стр. 18—19.

⁶ Топонимика Востока. Новые исследования, М., 1964, стр. 175.

⁷ И. И. Зарубин, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 233.

⁸ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965, стр. 578.

⁹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, М., 1963, т. IV, стр. 1089.

¹⁰ Н. П. Копчаев, Местные названия от Севлиевско. Под ред. акад. Л. В. Георгиева, София, Изд-во АН Болгарии, 1961, стр. 20.

¹¹ Болгарско-русский словарь. Под общ. ред. акад. Н. С. Державина, М., 1947, стр. 401 и 443.

В Зааминском и Галляаральском районах Узбекской ССР *шивером* (*шибер*) называют луга по берегам рек, занятые главным образом гидрофитами, растущими обычно на болотистых местах. *Шивером* именуется также водянистая болячка на ногах лошадей.

В современном монгольском языке слово *шивэр* имеет следующие значения: пот (на ногах); заболоченная чаша; накрапывающий редкими каплями дождь¹².

Слово *шибер* с небольшими фонетическими изменениями и смысловыми оттенками встречается на большой территории — от Восточной Сибири до Афганистана. «*Шабар* — грязь, топь, вязкий ил (бурят-монг.), *шабартэ* — болото, топкий»¹³.

Э. и В. Мурзаевы приводят географические названия со словом *шабар* — села *Шабарга* и *Большая Шабарта* в бассейне р. Джиды в Бурятии; оз. *Шабартэ* в Восточной Монголии.

«*Шивер*, *шивера* — каменный перекал на реке; поперечная гряда; длинный покатый порог, мелководный участок на каменистом дне; быстрое течение на таком участке (реки Сибири и Дальнего Востока). Село *Шивера* на р. Ангаре выше Усть-Уды Иркутской области, село *Шивера* на р. Енисее ниже Красноярска»¹⁴.

Эти примеры говорят о том, что «Сибирь» не одинока в своем происхождении, на ее территории насчитываются десятки «сибирей». Продолжим этот список.

«*Шабартуй* — так называются некоторые бурятские улусы (от слова *шабар* — грязь, *шабарта* — грязный), расположенные вблизи заболоченных земель или за болотами, куда подходы затруднены»¹⁵.

«*Шеберта*, Нижнеудинский район — по-бурятски *шэбэр* — чаша, густая заросль, что здесь раньше имело место»¹⁶. В Горно-Алтайской автономной области имеется населенный пункт *Шиберти* и река *Шиберти*¹⁷.

Получается, что *сибирь*, *шибер*, *шабар* — фонетические варианты одного и того же слова. Поищем это название на других территориях. В Зааминском районе имеются урочища *Катта Шибер* и *Кичик Шибер*. Урочище *Карашибер* в Каратегине

упоминает А. З. Розенфельд¹⁸, в Центральной Ферганае имеется степь *Шеварди*.

Нам кажется, что такие географические названия в Казахстане, как *Акшубар*, *Шубар*, *Шубар-куль*, *Шубартарауз*, *Шубартубек*, своим происхождением тоже обязаны монгольскому *сибар* (*шибар*). Казахский географ Г. К. Конкашпаев эти топонимы переводит на русский язык, как «чубарый, пестрый»¹⁹. При этом он не учитывает закона топонимики, гласящего, что непонятные названия часто адаптируются населением. Наше предположение подкрепляется самим же Г. К. Конкашпаевым: «*Шубар* (пестрый) — березово-осиновые колки на севере Казахстана; лес (или роща), состоящие из лиственных пород, пониженная местность (долина, впадина) с разнообразной растительностью, перемежающейся с пятнами солонца»²⁰.

Выходит, что компонент *шубар* в составе этих географических названий указывает на тип ландшафта, который обычно получает наименование не по цвету местности, а по растительным формациям и почвенным комплексам. Современная форма написания и произношения топонимов во многих случаях — только видимость, за которой скрывается их внутреннее содержание, этимологическое происхождение.

Правда, существует еще казахский этноним *шубар айгыр*, что в переводе означает «чубарый жеребец». Задача топонимиста состоит именно в том, чтобы различить действительное от кажущегося.

Географические названия с компонентом *шибер* часто упоминаются в исторической литературе. Например: «Сам он (т. е. Тимур — С. К.) через Шире, *Шиберту*, Кой-Мараг, Кураган и Буюрлагу отправился в Кара-Гучур»²¹. Судя по тексту, это место находится где-то в районе хребта Тарбагатай. И еще: «Со своей стороны, Тимур известил о событиях Хусейна, стоявшего дальше к востоку, в урочище *Шиберту*»²². Из текста видно, что урочище *Шиберту* находится недалеко от устья «Железные ворота» в Байсунских горах, на древней караванной дороге из Индии в Самарканд, между Шахрисабзом и Термезом²³.

Географические названия *Шиберту* несколько раз упоминаются в «Бабур-наме». «В месяце мухарраме мы направились в

¹² Монгольско-русский словарь, М., 1957, стр. 649.

¹³ Э. и В. Мурзаевы, Словарь местных географических терминов, М., 1959, стр. 255.

¹⁴ Там же, стр. 258.

¹⁵ М. Н. Мильхеев, Происхождение географических названий Иркутской области, Иркутск, 1964, стр. 81.

¹⁶ Там же, стр. 82.

¹⁷ Н. А. Баскаков и Т. М. Тошак ова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 206.

¹⁸ А. З. Розенфельд, Топонимика Нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами истории, Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР, 1956, № 10—11, стр. 87.

¹⁹ Г. К. Конкашпаев, Словарь казахских географических названий, Алма-Ата, 1963, стр. 19, 132.

²⁰ Там же, стр. 139.

²¹ В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 82.

²² Там же, т. II, ч. 2, стр. 373.

²³ М. Е. Массон, К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947, стр. 61.

Хорасан, чтобы прогнать узбеков. Мы пошли дорогой через Гурбанд и *Шиберту*²⁴. Или: «Еще одна дорога — через перевал *Шиберту*. Летом, когда вода поднимается, (путешественники), пройдя перевал *Шиберту*, идут через Бамнан и Сайган, а зимой идут через Абдара»²⁵. Этот перевал локализуется в горах Гиндукуш.

Это слово В. В. Бартольд тоже считает монгольским: «*Шиберту* — собств. «глинистое место» — географическое название, очень обыкновенное у монголов»²⁶. Еще: «*Шиберту* — собств. «глинистое место» (монгольское слово, часто встречающееся среди названий урочищ)»²⁷.

Что касается аффиксального элемента *ту* (*ти*), то он часто встречается в составе географических названий Средней Азии. Например, *шибер* — глина, грязь, *шиберту* — глинистое место; *алма* — яблоко, яблоня, *алмату* — место «яблочное» или яблоневое (сейчас в искаженном виде Алматы. Сами казахи пишут правильно — Алматы)²⁸.

Названия типа Алматы, Анкаты, Аршаты — древнейшего происхождения и во многих случаях представляют собой искаженные формы топонимов. «Такие искажения возникают в процессе фонетической адаптации иноязычного слова, в результате которой происходит замена непривычных звуков чужого языка похожими своими (субституция), выпадение звуков или сочетаний, трудных для произношения (гаплогония), более удобная перестановка звуков (метатеза), переосмысление незнакомого слова (ложная этимология)»²⁹.

С. Е. Малов говорил, что *т* является аффиксом множественного числа³⁰. Исследования Э. Фазылова подтверждают это мнение³¹.

Вернемся к термину *Сибирь*. Происхождение его мы связываем со словом «*Шивер*» (глина, болото). Как уже отмечалось, в истории известно родоплеменное название *шибир, сибир*. «Джучи овладел всеми народами, обитающими в лесах от рода *шибир* на юг и отец подарил все эти народы ему»³². Это подтверждает М. Н. Мильхеев, который, ссылаясь на других ученых, пишет: «В преданиях тобольских татар говорится о народе *сывыр*, или *сыбыр*, занимавшем места по среднему течению Иртыша. Затем под влиянием каких-то социальных причин *сыбыры* покинули свою страну, «оставив» ей свое имя»³³. «В истории известна страна, называемая «*Ибир-Шибир*», к северо-востоку страны киргизов, от которой ее отделила Ангара»³⁴. В. В. Бартольд считает, что современное название Сибирь получила именно от этого термина³⁵. Между прочим, народ сибирского происхождения — киргизы до сих пор произносят *Сибирь* как *Шибер* и *Шыбыр*³⁶.

На основе изложенного мы считаем, что термин *Сибирь* происходит от слова *сибир* (*шибер, шибир*), т. е. грязь, глина, болото. Значит, Сибирь — это глинистое место, страна болот. Что же касается народа *сибир*, то он мог получить свое имя по месту жительства, как это было в истории многих народов.

С. Кареев

²⁴ Бабур-наме. Перевод М. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958, стр. 215.

²⁵ Там же, стр. 154.

²⁶ В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 82.

²⁷ Там же, ч. 2, стр. 373.

²⁸ См. там же, т. II, ч. 1, стр. 341—342, а также объяснения В. Ромодина (указ. соч., стр. 83) и А. П. Дульзон (Вопросы анализа топонимов субстратного происхождения, Вопросы языкознания, 1959, № 4, стр. 37).

²⁹ А. П. Дульзон, указ. соч., стр. 37.

³⁰ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 50—51.

³¹ Э. Фазылов, Узбек тилининг тарихий морфологияси, Тошкент, УзССР «Фан» нашриёти, 1965, стр. 14.

³² В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 459.

³³ М. Н. Мильхеев, Географические имена, М., 1961, стр. 76.

³⁴ В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, стр. 459.

³⁵ Там же.

³⁶ К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1965, стр. 904, 916.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТАРЖИМА ТАРИХИНИ УРГАНИШДА БИРИНЧИ ҚАДАМ

Урта Осиё халқлари, шу жумладан, ўзбек халқи қадимдан Миср, Арабистон, Эрон, Ҳиндистон, Хитой, Греция, Сурия, Мессопотамия, Сибирь, Волга бўйи, Урал ва Кавказ халқлари билан иқтисодий-маданий алоқаларда бўлганлар. Халқимиз маданиятининг юксалиши, мазмунан чуқурлашишида ўзга халқларнинг маданий меросидан баҳраманд бўлиш, шубҳасиз катта аҳамиятга эга. Бир миллат маданий меросидан иккинчи бир миллат вакиллари баҳраманд бўлишида таржимачилик санъати «кўприк» вазифасини ўтайди. Шу вадан ҳам таржимачилик санъати ўзининг жуда қадимий тарихига эга.

Филология фанлари кандидати Жуманиёз Шариповнинг «Ўзбекистонда таржима тарихидан»¹ номли асари маданий атоқлар тарихининг ана шу соҳасини тадқиқ қилган биринчи илмий ишдир.

Асар юзага келгунга қадар, Октябрь революциясидан олдин яшаб ижод қилган таржимонлар ҳақида китобхонлар оммаси деярли маълумотга эга эмас эди. Бунинг устига, яқин вақтларгача умуман таржима тарихи масалаларини назарий томондан умумлаштириш ишига етарли этибор берилмас эди. Ҳолбуки, таржимачилик иши етарли даражада ютуқларни қўлга киритган, кундан-кунга кенгайиб бораётган соҳадир.

Автор классик таржиманинг характерли хусусиятлари, эришган ютуқлари, таржиманинг халқлар дўстлигини мустаҳкамлашдаги роли, бадний таржиманинг ибтидоси ва истиқболини ҳамда таржимачилик тарихининг моҳиятини аниқлаш учун зарур бўлган қимматли маълумотларни қидириб топишга муяссар бўлган.

Еш олим Ғ. Саломовнинг кириш сўзи билан бошланган ушбу асарда, асосан, бадний таржима тарихи ёритилиши билан бирга, унда тарих, фалсафа, табиат, география, астрономия, медицинага доир бир қанча асарлар, диний китоблар дипломатик

ҳужжатлар таржимаси тарихига тегишли ўринлар ҳам мавжуд.

Автор таржимачилик тарихини даврларга бўлиб ўрганар экан, ҳар бир даврда таржимачилик ишига бўлган этибор масаласига ҳам тўхталади. Шундан сўнг ҳар бир даврда таржима этилган асарлар ва таржимонлар тўғрисида фикр юритади. Китобда Қутб Хоразмий, Сайф Сароий, Ҳайдар Хоразмий, Алишер Навоий, Мунис кабиларнинг таржимонлик фаолияти анча мукаммал ўрганилган.

XVII—XVIII асрларда таржима этилган асарлар ҳақида фикр юритилганда, «Шоҳнома» дostonи ҳамда «Қалила ва Димна» асари таржималари ҳақида автор кенг тўхталади. Аиниқса, «Қалила ва Димна» асарининг таржималари жуда яхши ёритилган.

Таржимачилик тарихида XIX асарнинг иккинчи яри ва XX асарнинг бошлари сермаҳсул ва салмоқдор давр ҳисобланади.

Урта Осиёнинг Россия составига қўшиб олинishi билан Ўзбекистонда ҳам фан ва адабиёт соҳасида янгиликлар тобора кўпая бошлайди. Жумладан, таржимачилик иши ҳам кенг қўламда ривожланади.

Хоразм, Бухоро, Тошкент ва Фарғонада араб, форс-тожик тилларидан қилинган таржималар ҳақида китобда муҳим маълумотлар берилган. Хусусан, Хоразмда таржимачилик ишининг ривожини ва хоразмлик таржимонлар ҳақида келтирилган ноёб материаллар адабиёт ва фан тарихи соҳаларини ёритишда ҳам муҳим аҳамият касб этади.

Шу вақтгача Огаҳийнинг таржимонлик фаолияти ҳақида фикр айтилганда бир — иккита асарни санаб ўтиларди, холос. Ж. Шарипов эса Огаҳийнинг «Равватуссафо», (II, III, VII томлари), «Нодирнома», «Зафар-нома», «Зубдатул-хикоят», «Мифтоҳуд-толибин», «Ахлоқи Муҳсиний», «Восифий», «Насихатномаи Қайковус» Жомийнинг «Саломон ва Ибсол», Саъдийнинг «Гулистон», Жомийнинг «Баҳористон», Низомийнинг «Ҳафт пайкар», Ҳилолийнинг «Шоҳ ва гадо», Деҳлавийнинг «Ҳашт биҳишт», ҳамда «Табақоти Акбаршоҳий» каби 17 номдаги асарларни таржима этганлигини аниқлашга муваффақ бўлган.

¹ Жуманиёз Шарипов, Ўзбекистонда таржима тарихидан (революциядан олдинги давр), Тошкент, «Фан» нашриёти, 1965.

Огаҳий ижодининг катта қисмини ташкил этган юксак савияли таржималари алоҳида илмий тадқиқот навбати келишини кутмоқда. Автор айтганидек, унинг таржимачилик соҳасида олиб борган катта ижодий иши ва бадий маҳоратини илмий асослаш таржимашунослигимиз олдида турган муҳим вазифалардан биридир.

XIX асрнинг иккинчи ярми ва XX асрнинг бошларида Тошкент, Бухоро, Фарғонада араб, форс-тожик тилларидан бадий, фалсафий, тарихий мазмундаги 25 га яқин асар ўзбек тилига таржима қилинган бўлса, шу давр ичида Хоразмда Огаҳийнинг ўзи 17 та асарни таржима қилган; Баёний 5 асарни, Полвоний, Мирзобоши бин Абдулло Охун (Комил Хоразмий) «Латонфут-тавоиф» ва «Махбуб ул-қулуб» асарларини ағдарган. Ж. Шарипов бундай таржимонлардан яна 20 тасининг таржимачиликка қўшган ҳиссасини кўрсатишга муваффақ бўлган. Хоразмлик, аммо номи номаълум таржимонлар қаламига мансуб бўлган 7 асарнинг рўйхати ҳам асардан ўрин олган.

Араб, форс-тожик тилларидан ўзбекчага таржима қилинган тарихий, илмий, фалсафий асарлар китобнинг иккинчи бобида текширилади. Бунда «Жомеут-таворих», Мирхонднинг «Равзатус-сафо», «Тазкираи Давлатшоҳий», «Саҳонфул-ахбор», «Мунтахаб-ут-таворих», «Равзатул-мунозир» каби, шунингдек, ҳуқуқшунослик, ахлоқ, суфизмга оид бир қанча асарларнинг таржималари ҳамда уларни ўзбек тилига ўйрган таржимонлар тафсилли берилди.

Автор Октябрь революциясигача рус тилидан қилинган таржималар ҳанузгача илмий томондан чуқур таҳлил қилинмаганлигини қайд этиб, Октябрь революциясига қадар рус тилидан қилинган таржималарни баҳолашда айрим олимлар йўл қўйган чалкашликларни жиддий танқид остига олган.

Китобда маҳаллий-аҳолининг рус тилини ўрганиши, рус-тузем мактабларининг очилиши, уларнинг таржимонлар тайёрлашдаги роли, терма китоб-хрестоматияда босилган таржима асарлари, илмий жамиятлар ва уларнинг таржималари, рус ёзувчилари ижодини тарғиб қилишда адабий танқидчилик ва бадий таржима каби масалалар ўзбек тилидан рус тилига қилинган таржималар ҳақида берилган маълумотлар ҳам илмий томондан катта аҳамиятга эга.

Автор рус тилидан қилинган таржималар тўғрисида тўхталар экан, кўпроқ диққатни А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, И. А. Крылов, Л. Н. Толстой асарларининг таржималарини ўрганишга қаратади.

Китобда янги топилган таржималар текстининг берилишини алоҳида қайд этиш лозим. Бу таржима текстлари автор изланишининг натижалари бўлиб, унда А. С. Пушкиннинг «Балиқчи ва балиқ эртаги» нинг насрий таржимаси, И. А. Крыловнинг 6 масали, Л. Н. Толстойнинг 30 та масал ва ҳикоялари таржима текстлари, Сатторхоннинг 16 та таржима текстлари берилган.

Шунингдек, асар сўнггида берилган кўрсаткичлар ва таржима асарларига доир фото нусхалар китобхонда катта қизиқиш туғдиради.

Автор таржима тарихининг мукамал бўлишига эришиш учун жуда кўп қимматли фактлар тўплаган. 153 қўлёзма таржима асари, 87 та тошбосмада босилган таржима таҳлил қилинган. Асарда 300 га яқин таржимоннинг номи қайд этилган.

Ж. Шариповнинг бу сермазмун асарини Ўзбекистонда таржима тарихини ўрганиш борасида қўйилган илк қадамдир. Китоб ҳали автор томонидан янада тўлғазилди ва таҳлили чуқурлаштирилди, айрим камчиликлар, моромига етмаган ҳулосалар тузатилади. Булар, албатта, навбатда қилинадиган ишлардир. Бу камчиликлар «Муҳаррир муқадимаси» да ҳам, эҳтиётлик билан бўлсада, тўғри қайд этилган. Биз ҳам уларнинг баъзилари ҳақида ўз мулоҳазаларимизни баён этмоқчимиз.

Ўзбекистонда революцияга қадар таржимачилик ишининг тарихини алоҳида-алоҳида бобларга ажратиб баён қилиш тўғри. Бироқ, шу бобларда фикрларни такрорлашга ўрин қолдирмаслик учун уларни қайта кўриб чиқишга тўғри келади. Бунда биринчи ва иккинчи боб кўзда тутилади. Чунинчи иккинчи бобда биринчи бобда қайд этилган айрим таржимонлар ва уларнинг таржималари ҳақида мулоҳаза юритилганда биринчи қайтариққа йўл қўйилган.

Автор Алишер Навоийнинг «Лисонут-тайр» асарини Фариддин Атторнинг «Мантиқут-тайр», Қутб Хоразмийнинг «Хисрав ва Ширин» достонини эса Низомийнинг «Хисрав ва Ширин» китобининг таржимаси деб баҳолашга уринади. Бизнингча, буларни Алишер Навоий ва Қутб Хоразмийларнинг таржималари эмас, балки уларнинг ўз оригинал асарлари деб баҳолаш тўғрироқ бўлади.

Зотан, буларнинг таржима асарларини эмаслигини адабиётшунос Н. Маллаев ҳам «Ўзбек адабиёти тарихи» дарслигида жуда асосли равишда исботлаб беради.

Шуниси қизиқки, автор Низомий ва Қутбларнинг «Хисрав ва Ширин» достонларини чоғиштирар экан, Қутбнинг «Хисрав ва Ширин» достони Низомийникига нисбатан тўрт боб камлигини эътироф этади-ю, лекин «... бу қисқартиш достоннинг на мазмуни, на сюжет ва на композициясига халақит берган» (47-бет), деган ҳулоса чиқаради. Бу фикрга қўшилиб бўлмайди, албатта.

Умуман айтганда, китоб, чуқур ва узоқ изланишлар, текширишлар натижасидир. У таржима тарихини илмий асосда ўрганиш ишини бошлаб берди.

Жуманиёз Шариповнинг «Ўзбекистонда таржима тарихидан» асари Улуғ Октябрь революциясигача бўлган қарийб минг йиллик даврда яратилган таржима тарихини ўрганишга бағишланганлиги туйғайли муносиб тақдирлашга лойиқдир.

У. Турсунов, У. Носиров

КНИГА ПО ГЕОГРАФИИ И ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ СОМАЛИ

В наши дни, когда на обширном Африканском континенте происходят бурные события, связанные с широким размахом национально-освободительного движения, упорной борьбой африканских народов против колониализма и неоколониализма, закономерно возрастает интерес советской общественности к Африке, истории, экономике, культуре, прошлому и настоящему ее народов. Это во многом объясняется крепкими связями Советского Союза с молодыми суверенными африканскими государствами, той огромной поддержкой, которую оказывает наша страна африканским народам, борющимся за национальную независимость и социальный прогресс.

И не случайно за последние годы у нас появляется все больше популярной литературы и научных исследований, посвященных различным африканским странам. Наше внимание, в частности, привлекла вышедшая недавно работа И. С. Сергеевой «Сомалийская Республика (географическая характеристика)»¹ — вторая на русском языке монография о молодом независимом государстве, расположенном на крайнем востоке Африки².

Сомалийская Республика, созданная 1 июля 1960 г. в результате провозглашения независимости и объединения бывшего английского протектората Сомалиленда и бывшей подопечной территории Италии — Сомалии, была до недавнего времени одним из наиболее слабо изученных районов Африки. Многие материалы — переписи населения, данные о сельском хозяйстве, аграрных отношениях, социальной структуре населения, природных условиях, естественных ресурсах этой страны — отсутствуют и до сих пор.

Тем больший интерес представляет попытка И. С. Сергеевой свести воедино и проанализировать тот экономико-географический материал по Сомали, который уже накоплен советскими и зарубежными исследователями.

В рецензируемой работе, написанной на основе широкого круга источников и литературы, подробно характеризуются природа и естественные ресурсы, экономика, жизнь и быт населения Сомалийской Республики.

Особенно удачно, на наш взгляд, написан раздел о природных условиях и естественных ресурсах республики. Автор отмечает, что большая часть страны, расположенной на Сомалийском полуострове, занимает плато, являющееся продолжением Эфиопского плоскогорья. Жаркий, сухой, континентальный климат, полупустынный характер местности, почти полное отсут-

ствие постоянных рек и озер делают особенно острой проблему воды, имеющую первостепенное значение для народного хозяйства республики (стр. 51).

Другой особенностью страны, как правильно отмечает автор, является сравнительно низкая плотность населения: на площади 637,5 тыс. км², в 1,2 раза превышающей общую площадь Англии и Италии, проживает всего 2,2 млн. человек, т. е. почти в 24—25 раз меньше, чем в Англии или Италии (стр. 9).

В отличие от многих стран Африки, характеризующихся пестротой этнического состава населения, подавляющее большинство жителей Сомалийской Республики (98—99%) составляют сомали, или сомалийцы (стр. 82). Кроме того, в стране проживает незначительное число индийцев, арабов, европейцев (преимущественно итальянцев, меньше — англичан).

И. С. Сергеева подчеркивает, что в наследие от колониального прошлого республика получила крайне отсталую экономику. Из приводимых автором данных видно, что по размерам национального дохода Сомали занимает едва ли не последнее место в Африке. Национальный доход страны составляет 95 млн. долл., или 0,3% всего национального дохода африканских стран (стр. 4).

Английские и итальянские колонизаторы не были заинтересованы в экономическом развитии Сомали. Поэтому природные богатства страны разведаны очень слабо, и среди иностранных (английских, итальянских и проч.) исследователей до сих пор бытует мнение, что республика бедна минеральными ресурсами. «Однако, — как правильно отмечает И. С. Сергеева, — даже предварительные геолого-разведочные работы, которые проводились на территории бывших Британского и Итальянского Сомали, обнаружили большое разнообразие минеральных ресурсов... Поэтому необходимы тщательная проверка разведанных месторождений и поиски новых. Оценка минеральных ресурсов является одной из главных задач, стоящих перед молодой республикой» (стр. 33).

Сомалийская промышленность находится в зачаточном состоянии и представлена незначительным числом мелких предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, принадлежащих главным образом итальянцам и обслуживающих внутренний рынок. Развитие промышленности тормозится слабостью топливно-энергетической базы (стр. 125).

За годы английского и итальянского колониального господства страна была превращена в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта промышленной продукции метрополий. В сельском хозяйстве — ведущей отрасли экономики республики — и по сей день занято свыше 90% жителей страны, причем около двух третей населения

¹ И. С. Сергеева, Сомалийская Республика (географическая характеристика), М., 1965.

² Первой вышедшей у нас книгой о Сомалийской Республике была работа А. М. Хазанова «Сомалийская Республика (исторический очерк)», М., ИВЛ, 1961.

занимается кочевым и полукочевым животноводством (стр. 134).

И. С. Сергеева подробно характеризует современное состояние сельского хозяйства Сомали, подчеркивая, что республике предстоит еще многое сделать для преодоления тяжелого наследия колониализма. В этой связи большой интерес представляет данная автором характеристика основных этапов формирования экономики Сомали.

Таким образом, читатель найдет в этой монографии немало интересных сведений по географии и экономике Сомалийской Республики, с которой наша страна поддерживает не только дипломатические, но и развивающиеся экономические и культурные связи.

Вместе с тем рецензируемая работа не лишена и недостатков. Довольно слабо написан раздел о населении страны, его составе и размещении. Несколько упрощенно характеризуется принятый в 1963 г. пятилетний план развития народного хозяйства Сомалийской Республики. Автор не уделит должного внимания анализу принципиального различия между финансово-экономической помощью, оказываемой Сомали Советским Союзом, и «помощью» капиталистических держав. Надо было подчеркнуть, что СССР стоит на первом месте по размерам финансово-экономической помощи, оказываемой Сомалийской Республике другими странами.

В книге встречаются и ошибки фактического характера. Так, в разных местах работы приводятся противоречивые сведения о крупной сельскохозяйственной компании САИС. «В начале 1963 года, — читаем мы на стр. 124, — сахарный завод, принадлежавший ранее итальянской компании САИС, был у нее частично выкуплен и теперь является наполовину государственной собственностью» (здесь и далее подчеркнута нами. — А. А.). На стр. 146 говорится: «Самая крупная итальянская сельскохозяйственная компания — САИС». Однако на стр. 159 сообщается, что «с 1963 года большая часть имущества этого общества принадлежит сомалийцам». И, наконец, на стр. 186 компания СНАИ (бывшая САИС) отнесена к разряду ассоциаций сомалийских частных предпринимателей. Между тем ни компании САИС, ни компании СНАИ как ассоциации сомалийских частных предпринимателей, ныне не существует. Об этом, в частности, свидетельствуют данные отчета сомалийского правительства, опубликованного в Могадишо в апреле 1964 г. Компания САИС существовала до 1963 г., когда 50% ее акций было выкуплено сомалийским правительством

и вместо нее образована смешанная итало-сомалийская компания СНАИ («Сочета Национале Агрикола — Индустриале» — «Национальное сельскохозяйственно-индустриальное общество»). Быть может, нам и не следовало столь подробно останавливаться на данной ошибке автора, если бы эта компания до недавнего времени не была самой крупной монополистической организацией итальянского аграрного капитала в Сомали. Достаточно сказать, что в 1958—1959 гг. капитал сахарного завода компании САИС оценивался в 9,2 млн. ам. долл., тогда как общий капитал всех остальных предприятий составлял лишь 1,2 млн. ам. долл.³ Чистая прибыль, полученная САИС в 1961 г., была лишь на несколько тысяч лир меньше, чем весь доход по государственному бюджету Сомали⁴.

Аналогичная ошибка допущена автором при характеристике системы образования в Сомалийской Республике. «До 1954 года, — говорится на стр. 102, — в стране не было ни одного высшего учебного заведения. В 1954 году был создан Высший институт юридических, экономических и социальных наук, в следующем году — Высший институт права и экономики. В стране имеется институт, основанный в 1954 году и получивший статус университета в 1959 году». Отсюда можно заключить, что речь идет о трех различных высших учебных заведениях. Между тем это — одно и то же учебное заведение, носившее в разное время различные названия и, наконец, получившее в 1959 г. статус университетского колледжа⁵.

К сожалению, подобные ошибки в работе И. С. Сергеевой не единичны. Они свидетельствуют о том, что автор недостаточно серьезно подошел к обработке исходного материала. Но в целом рецензируемая книга представляет бесспорный интерес для географов, этнографов, экономистов и широких читательских кругов, которые почерпнут из нее немало полезных сведений об одном из молодых суверенных африканских государств.

А. Абдурахимов

³ World Trade Information Service, Economic Reports, Wash., 1961, N 61—5, p. 10.

⁴ Всемирные студенческие новости, Прага—Москва, 1962, № 1, стр. 9.

⁵ См. А. М. Хазанов, указ соч., стр. 100; Н. П. Прожогин, Доброго утра, Африка! М., 1961, стр. 29.

МУНДАРИЖА

Қ. Ҳ. Ҳоназаров, А. Ҳ. Ҳайитметов, Ғ. А. Абдурахмонов. Ўзбек филологиясининг келгуси муваффақиятлари учун	3
К. Н. Попадюк. Ўзбекистон қишлоқ хўжалигидан олинган ва фойдаланилган даромаднинг нисбати ҳақида.	7
О. П. Умурзоқова. Янги миллий традицияларнинг шаклланиш проблемасига доир.	17
Г. Абдумажидов. Ўзбекистон ССР қонун чиқаришни такомиллаштиришнинг муҳим масалалари.	23
Х. Т. Турсунов. Туркистондаги 1916 йил қузғолонининг 50 йиллиги	29
Б. В. Лунин. Ўрта Осиё этнограф Шоҳимардон (Иван) Иброҳимов.	38

Илмий ахборот

А. Ж. Нуруллаев. Районлараро маҳсулот оқимини иқтисодий-математик модели.	50
Х. Шайхова. Маркса-ленинча этика коллективчилик принципини тушунчаси ҳақида	53
М. Хусанбаев. Ўрта Осиёда прогрессив ижтимоий-фалсафий фикрларни умумий ва ягоналик проблемасига доир.	55
А. Исмоилов. Ўзбекистонда профессионал-техника таълими системасининг тараққиётига доир.	58
А. Қ. Қамолов. Самарқанд область қишлоқ хўжалигини социалистик қайта қуриш тарихидан (1925—1937).	62
Н. Илҳомов. Туркистонда совет қассация институтини ташкил топиши.	66
А. С. Содиков. XIX аср охири XX аср бошларида Хевада деҳқонлар ҳаракати.	69
С. Қараев. «Шибер» ва «Сибирь» топонимлар этимологиясига доир.	72

Танқид ва библиография

У. Турсунов, У. Носиров. Таржима тарихини ўрганишда биринчи қадам.	76
А. Абдурахимов. Сомали Республикасининг экономикаси ва географияси бўйича китоб.	78

СОДЕРЖАНИЕ

К. Х. Ханазаров, А. Х. Хайитметов, Г. А. Абдурахманов. За дальнейшие успехи узбекской филологии	3
К. Н. Попадюк. О соотношении созданного и реализованного дохода в сельском хозяйстве Узбекистана.	7
О. П. Умурзакова. К проблеме формирования новых национальных традиций.	17
Г. Абдумаджидов. Насущные вопросы совершенствования законодательства Узбекской ССР	23
Х. Т. Турсунов. 50 лет восстания 1916 года в Узбекистане.	29
Б. В. Лукин. Среднеазиатский этнограф Шахимардан (Иван) Ибрагимов.	38

Научные сообщения

А. Ж. Нуруллаев. Экономико-математическая модель межрайонных потоков продукции.	50
Х. Шайхова. О понятии принципа коллективизма в марксистско-ленинской этике.	53
М. Хусанбаев. К проблеме единичного и всеобщего в прогрессивной общественно-философской мысли Средней Азии.	55
А. Исмаилов. Развитие системы профессионально-технического образования в Узбекистане.	58
А. К. Камалов. Из истории социалистического преобразования сельского хозяйства в Самаркандской области (1925—1937).	62
Н. Ильхамов. Становление института советской кассации в Туркестане.	66
А. С. Садыков. Крестьянское движение в Хиве конца XIX — начала XX века.	69
С. Кареев. К этимологии топонимов «Шибер» и «Сибирь».	72

Критика и библиография

М. Турсунов, У. Насыров. Первый шаг в изучении истории перевода.	75
А. Абдурахимов. Книга по географии и экономике Республики Сомали.	78

Цена 40 к.

Индекс
75349